ГЕОРГИЙ МЕТЕЛЬСКИЙ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

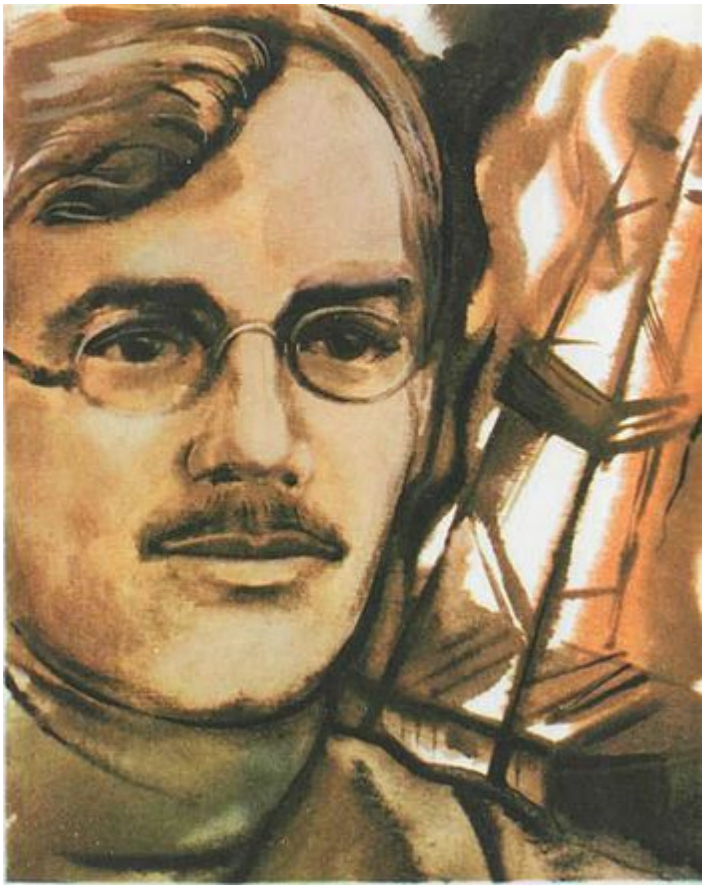
Георгий Метельский — автор многих книг о наших современниках, а также исторических повестей о Т. Шевченко, А. Мицкевиче, С. Сераковском, П. Смидовиче (две последние вышли в серии «Пламенные революционеры»). Новая повесть писателя рассказывает о короткой, но яркой жизни И. Фиолетова — активного участника борьбы за Советскую власть в Азербайджане, одного из двадцати шести бакинских комиссаров. Писатель показывает, как простой рабочий мальчишка, начавший трудовую жизнь на нефтяных промыслах Черного города, вырастает в видного политического деятеля.

- Георгий Метельский
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья

Георгий Метельский
До последнего дыхания. Повесть об Иване Фиолетове

Гребень пустынь, величавый бархан
В древней сыпучей, песчаной ризе.
Отдал тебе
свою кровь Шаумян,
Взяли пески твои
кровь Джапаридзе.
И Фиолетов с пулей в груди
Обнял тебя,
чтобы с жизнью проститься.

В. Луговской



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Вторые сутки поезд шел по желтой, сухой, пустынной степи, накаленной все еще жарким октябрьским солнцем. Вокруг, докуда видел глаз, не было ни жилищ, ни людей, одна голая всхолмленная равнина с маячившими на горизонте горами, рельсы, редкие железнодорожные будки да телеграфные столбы с гудящими проводами. Когда поезд останавливался на какой-нибудь маленькой захолустной станции с убогим зданием вокзала, через открытое окно вместе с ветром врывался мощный треск кузнечиков, доносившийся из островков чахлой травы. Иногда вдалеке, на безопасном расстоянии от человека, столбиком вставал суслик и смотрел на поезд.

Вагон третьего класса был переполнен, и в нем было нестерпимо душно. Ванин отчим, мать с крохотной дочкой Анютой на руках, сам Ваня всю дорогу, занявшую вместе с пересадками почти неделю, провели на жесткой вагонной полке. Вещи: сундучок отчима со слесарным инструментом, большой тюк с постелями, плетеная корзинка с кухонной утварью и провизией, узелки с разной мелочью — все это лежало на той же полке.

Спали — кто лежа, кто сидя — по очереди. Анюта на руках у матери, Ваня — сам по себе, свернувшись калачиком. Был он худ, мал ростом и, поджав к подбородку колени, умещался на тяжелой домашней подушке.

Ваню не пугало будущее, как пугало оно отчима дядю Сашу — он так и не научился звать его отцом — и пугало мать, еще молодую женщину, рано овдовевшую и вскоре вышедшую замуж за Александра Петровича Знаменского. Был он из того же крестьянского племени, что и она, и из-за вечной нехватки хлеба каждую зиму уходил из своего Туголукова в уездный город Борисоглебск, где понемногу и научился слесарному делу.

Четыре года назад покинул родное село сосед Знаменских Петр Иванович Переделкин. Уехал он в Баку, на берег солнечного моря, устроился слесарем в одной из мастерских нефтепромышленника Нобеля и недавно отписал Александру Петровичу письмо, в котором советовал, ежели в Туголукове ничего к лучшему не изменилось, бросить все и податься к нему в Баку. Знаменский стал собираться в дорогу.

Все дела удалось закончить только к покрову. Тогда, помолясь, по обычаю, в церкви, они и подались на соседской телеге к ближайшей станции. Ревели в голос, провожая, бабы, ревела жена, да и у самого Знаменского навертывались на глаза

слезы: ведь не на сезон покидал он насиженное место — навсегда.

Спокойней всех вел себя Иван. Накануне отъезда, вечером, он сходил к учителю Василию Никифоровичу, у которого в прошлом году закончил курс одногодичной церковноприходской школы и получил в подарок книгу под названием «Рассказы о великих событиях разных времен и народов», а заодно и доброе напутствие:

— Учись, Ваня, и побольше читай. Без книги трудно стать счастливым и полезным обществу человеком. Помни об этом.

В поезде Ваня иногда доставал из корзины подаренную книгу, единственную, которая была среди всех их вещей, и жадно читал.

Но сейчас ему было не до чтения. Поезд приближался к Баку, и, как сказал усатый попутчик в барашковой шапке, скоро должно было показаться Каспийское море.

И вот оно выглянуло на минуту, скрылось и показалось снова.

Зрелище было настолько новым и захватывающим, что Ваня как припал к оконному стеклу, так и не отходил от него до тех пор, пока поезд не ушел в сторону от моря.

— Ты посмотри на той сторону, малчик, — сказал усатый попутчик, и Ваня поспешно подошел к противоположному окну.

То, что он увидел там, показалось ему выхваченным из сказки, только не доброй, а злой и мрачной. Среди голых холмов, возвышаясь над ними, то сбегая, то поднимаясь по склонам, виднелся лес деревянных, суживающихся кверху построек, и Ваня догадался, что это и есть нефтяные вышки.

И сразу в вагоне запахло керосином, тем самым керосином, который так берегла мать, наливая в лампу.

Поплыли, замелькали придорожные строения — кое-как слепленные из досок и ржавого железа хижины, приземистые, черные каменные здания заводов и мастерских, круглые и неимоверно широкие резервуары, прикрытые коническими колпаками, стелящиеся по земле, переплетенные между собой трубы. И все это было опутано смрадным, густым и черным дымом, который висел над строениями, укрывая их своим плотным облаком.

— Господи, да куда ж это мы приехали!.. — тяжело вздохнула Ванина мать и перекрестилась.

— Ничего, Александра… Как-нибудь обойдется, — пробормотал Знаменский. Он и сам не ожидал увидеть такое.

Вскоре поезд, лязгнув последний раз буферами, остановился у каменного вокзала с башенками и тупыми зубцами на крыше.

Еще из Грозного Знаменский отбил телеграмму дружку Переделкину: мол, еду, встречай такого-то — и теперь во все глаза искал его на перроне среди гомонящей и пестрой восточной

толпы. Уже давно вынесли вещи из вагона, и они грудой лежали на жирной и черной земле. Уже успела наплакаться маленькая Анюта, уже потерял надежду на встречу сам Знаменский, когда вдруг — наконец-то! — показался Петр.

— Что ж ты мне про вагон, какой он есть, не написал, — сказал он. — В этаком базаре сразу кого разыщешь? Это тебе, брат, не Туголуково… Ну, здравствуйте. — Он протянул руку сначала Знаменскому, потом его жене. — С благополучным прибытием вас на нашу теплую землю.

— Да уж теплей некуда, пекло, да и только, — ответила Ванина мать.

— А это ж кто? — Переделкин показал взглядом на Ваню. — Да никак сынок Иван… Изменился, однако, за четыре года. Не узнать.

— Помощник растет…

— Ко мне пока поедем, — сказал Переделкин. — В Балаханы. Покуда у меня несколько дён поживете, а там тебе и работенку с квартирой подыщем.

Он долго торговался с владельцем арбы, в которую был запряжен ослик с большой головой и непомерно длинными ушами. И арбу и ослика Ваня тоже видел первый раз в жизни. Он не мог понять, как все они, да еще с вещами, поместятся в этой повозке на двух огромных колесах; однако ж все поместились, уселись кое-как, кроме аробщика, который пошел рядом с безмятежным и флегматичным осликом.

За вокзалом начались промышленные корпуса заводов и растущие прямо из земли резервуары, наполненные нефтью, все в грязных черных подтеках. Стало больше нефтяных луж, стала еще хуже дорога, на ухабах арбу неимоверно встряхивало, и Ваня предпочел слезть и пойти рядом.

Хозяин был стар и любил поговорить. Делать ему было нечего, и он стал рассказывать Ване, что еще на его памяти вдоль этой шумной дороги крестьяне сеяли пшеницу и она давала хорошие урожаи. А потом, когда в тех местах, куда едет русский мальчик, нашли нефть, поля у крестьян отобрали и начали строить заводы.

…Часа через четыре они наконец-то добрались до Балахаы, в прошлом большого азербайджанского села. Владелец арбы и ослика получил свой честно заработанный двугривенный и низко поклонился на прощание, прижав руку к сердцу.

— Да будет аллах добр к вам…

Жили Переделкины в одной комнате без кухни — он, она и сын-сорванец, который куда-то убежал, так и не дождавшись гостей. Иметь отдельную комнату в Балаханах считалось

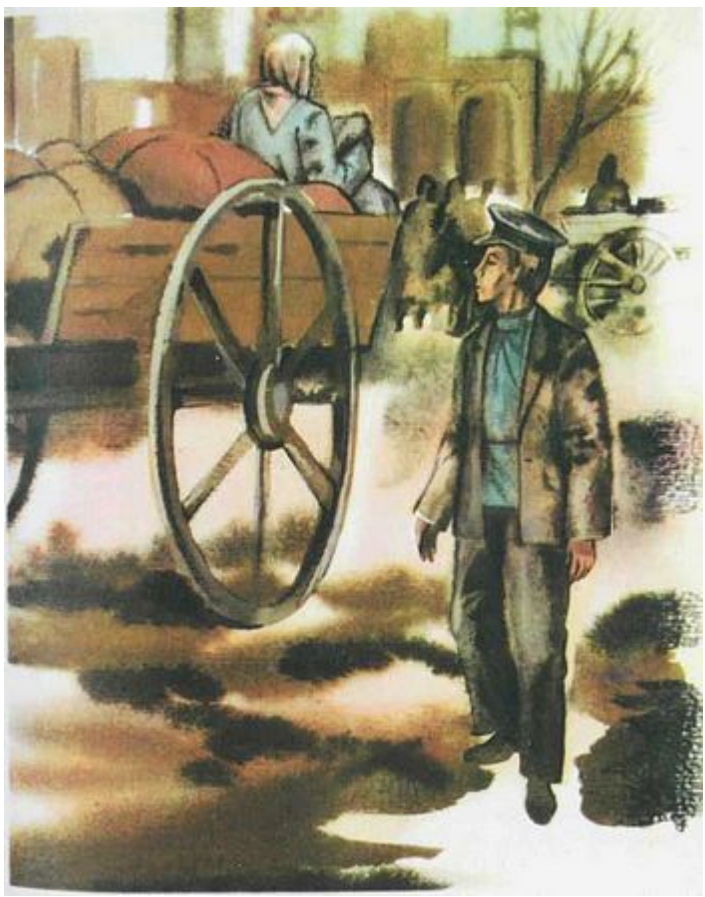
счастьем, и Переделкиным многие завидовали.

С улицы доносился металлический гул буровых машин, глухие удары чугунных баб, падавших на сваи, грохот перетаскиваемых с места на место труб. Через мутное окно виднелись нефтяные вышки, их высокие тупые башни с дощатыми пристройками, сколоченными кое-как, трубы и прорытые в земле желоба, по которым невесть куда бежала нефть.

— Мам, Анюта заснула… Можно я пойду погуляю? — спросил Ваня.

Мать кивнула.

— Иди, иди, сынок. Погляди, как тут люди работают. Может, и для тебя что подходящее найдется.



…Солнце палило нещадно. Расплавился кир, лип к босым ногам, обжигая их, и Ваня отбежал в тень, которую отбрасывала ближайшая вышка.

Тяжелые черные капли падали на землю из безоблачного затянутого дымкой неба — это накрапывал нефтяной дождь,

отброшенный ветром в сторону от бьющего нефтяного фонтана. Его толстая струя упиралась вверху в дымное, им же созданное облако и с шумом нескольких летних ливней возвращалась обратно на землю, образуя темное озерцо.

Десятка два оголенных до пояса рабочих сгребали землю по его краям, наращивая берега, чтобы сберечь нефть. Другие рыли в песке канавы, по которым она стекала. Песок тоже был черный, с жирным сизым отливом, но не от рождения, а все от той же нефти, которая ого пропитала.

И вдруг Ваня услышал отчаянный плач. Плакал, судя по всему, мужчина. Ваня невольно вздрогнул. Он не мог переносить, когда плачут взрослые люди, хотел уйти подальше от этого плача, но ноги почему-то сами двинулись к тому месту, откуда он доносился.

Там рыли нефтяной колодец.

Нефти в Балаханах еще было так много, что некоторые хозяева, особенно из тех, кто победнее, приобретя клочок земли, принимались на свой страх и риск рыть колодец — авось повезет; колодец стоил во много раз дешевле, чем скважина. Его не надо было рыть глубоко, часто случалось, что нефть лежала всего в пятнадцати саженях и ее можно было черпать как воду.

Работали на рытье колодца всегда втроем и всегда только персы, приезжавшие в Баку на заработки. Двое спускали на веревке третьего, который углублял колодец, рыл мокрую землю, накладывал ее в брезентовое ведро, а потом дергал за веревку — подавал сигнал. Если сигнала долго не было, то ведро все равно поднимали. Иногда оно оказывалось пустым, и это означало, что человек в колодце задохнулся. Тогда человека вытаскивали, клали на землю и начинали плакать по умершему.

Так было и в этот раз. Ваня увидел распростертого на земле молодого мужчину с лицом землистого цвета и остекленелыми, мертвыми глазами. У головы и ног погибшего сидели на корточках два его товарища и плакали, закрыв лицо руками. Рядом стояла санитарная повозка, и два дюжих санитара в халатах мышиного цвета терпеливо ожидали, пока оставшиеся в живых закончат плач и прочитают молитву.

Вокруг образовалась реденькая толпа женщин и детей, на которых беззлобно и безрезультатно покрикивал полицейский в белом кителе.

— Ра-зой-дись, — вяло повторял он. — Эка невидаль…

— Хоть и нехристь, а все одно жалко, — сказала какая-то старуха и перекрестилась.

— На этой неделе второй уже, — сказала другая женщина, закутанная покрывалом так, что остались видны только глаза, и

тяжело вздохнула.

Смотреть на мертвого было страшно, и Ваня заторопился домой. На обратном пути он заблудился и уже хотел было спрашивать, где тут сорок девятый участок; как вдруг его кто-то окликнул.

Ваня оглянулся на голос и узнал вчерашнего хозяина арбы.

— Здравствуй, русский малчик, да будет твоя жизнь безоблачной, как это небо, — сказал старик, прикладывая руку к сердцу. — Ты куда и откуда идешь так шибко?

— Немножко заблудился… Забыл, где барак.

— Не в ту сторону идешь. — Старик улыбнулся. — Я сейчас покажу тебе, куда надо идти. А еще лучше пошлю с тобой моего сына Абдулу, ему все равно делать нечего… Скажи, тебе понравился наш поселок?

— Нет, дедушка, не понравился, — не стал лукавить Ваня. — Страшный он какой-то…

— Страшный, говоришь? Это, малчик, с непривычки страшный.

Владелец арбы жил на краю поселка; окна его домика выходили в степь. Дом, как полагается, был с плоской крышей, низенький, и его почти не было видно из-за глухого забора.

— Заходи, русский малчик, — сказал старик.

Через узкую калитку — единственное отверстие в каменном заборе — они вошли в опрятный, чисто подметенный двор с очагом в углу, возле которого хозяйничала пожилая женщина. При виде незнакомого человека она поспешпо закрыла лицо чадрой.

— Жена моя, Бахшанда, — сказал старик. — А меня зовут Ибрагим. Ибрагим Байрамов. А тебя? Хотя я помню — Ваня.

По южной степе домика вился виноград и висели его тяжелые спелые грозди.

— Угощайся, Ваня, — сказал старик, показывая на виноград. — А я пока пойду поищу Абдулу. Наверно, он пошел на свалку. Чтобы найти какую-либо полезную вещь — пуговицу или пряжку от ремня. — Старик беззвучно засмеялся, тряся своей редкой бороденкой.

Сына он нашел быстро.

Абдула оказался черноглазым и черноволосым пареньком, примерно одних лет с Ваней, шустрым и довольно хорошо говорившим по-русски.

— Возьми с собой винограду, угостишь мать, — сказал старый Байрамов Ване и срезал несколько тучных гроздей…

На работу отчим в конце концов устроился. Переделкин предложил мастеру десятку, отчим поставил две бутылки водки,

и на следующий день в табеле слесарной мастерской Товарищества братьев Нобель появилась фамилия нового слесаря.

А через месяц отчим явился домой угрюмый и едва держась на ногах. Свою первую получку он пропил с мастером, уговаривая его похлопотать насчет казенной комнаты.

— Все, Александра… Ни денег нет, ни квартиры, — сказал он.

Мать тихонько заплакала в ответ, и Ване стало очень жалко ее.

— На что-то жить будем? — спросила она.

— Ты, мать, не голоси, — невнятно пролепетал Знаменский и обернулся к пасынку: — Слушай меня, Иван. Я тебе нонче работенку подыскал. Будешь на слесаря учиться. Двенадцать годов тебе. Нагулялся на дармовых хлебах, пора и за работу приниматься.

— И то правда, — согласно сказала мать и тяжело вздохнула.

— Хорошо, дядя Саша, — ответил Ваня и даже обрадовался, что теперь не будет для семьи обузой.

— Завтра утром вставай до гудка. Вместе пойдем, — сказал отчим.

Глава вторая

Прошло четыре года. За это время Фиолетов выучился на слесаря и работал теперь в механических мастерских.

Он возмужал, подрос, на верхней губе появился заметный пушок, и он решил отрастить небольшие усики — исключительно для солидности, ибо в свои шестнадцать лет выглядел недопустимо молодо. Во взгляде темных больших глаз осталось у него что-то детское, будто и не корежила его все эти годы промысловая жизнь, не учила уму-разуму, не напоминала на каждом шагу, как она трудна для таких людей, как Фиолетов.

Скорее всего, из-за этого наивного взгляда и добродушного выражения лица с отроческим румянцем на щеках, из-за чуть припухших губ, которым позавидовала бы любая красавица, друзья в мастерской звали его не иначе как уменьшительным именем Ванечка. Сначала Фиолетову это казалось странным, было неловко, а потом привык, сжился.

Механическая мастерская Товарищества братьев Нобель хотя и называлась Балаханской, но в самом деле помещалась в Сабунчах, и Фиолетову приходилось каждый день ходить на работу пешком — восемь верст туда и столько же обратно, до казармы, в которой отчим получил все-таки казенное жилье.

Казарма напоминала лошадиное стойло, где вместо положенных десяти человек помещалось более тридцати. К одноэтажному зданию были пристроены сколоченные из неструганых досок темные клетушки, в одной из которых поселились Знаменские.

По сравнению с казармой их лачуга казалась не такой уж и страшной, но возвращаться с работы туда не хотелось, и Фиолетов с удовольствием задержался в мастерской, чтобы поговорить со своим напарником — слесарем с нерусской фамилией Вацек. В мастерских он появился недавно и сразу всем понравился. О себе Вацек никогда не рассказывал, но Фиолетов слышал от другого слесаря — Пшебышевского, будто родители Вацека были не то австрийцы, не то — скорее всего — чехи, и что они приехали в Россию из Вены, да тут и осели.

Был Вацек немного старше Фиолетова, носил маленькую, аккуратно подстриженную бородку и когда по праздникам наряжался в темную пару с галстуком-бабочкой, то вполне мог сойти за какого-нибудь управляющего, а то и директора.

Но сейчас Вацек был в спецовке, с засученными до локтя рукавами и в надвинутой на лоб фуражке, которую он в мастерской всегда надевал козырьком назад.

— Что это ты домой сегодня не торопишься? — спросил он у Фиолетова. — Или дома делать нечего?

— Дома всегда дело найдется, да только идти туда не больно тянет, — ответил Фиолетов.

— Чего ж так?

Фиолетов отмолчался.

Ему не хотелось говорить, что сегодня день получки у отчима и его отчим явится домой пьяный, сядет на нары и, обхватив обеими руками колени, будет качаться вперед-назад и проклинать свою исковерканную жизнь. В кармане у него будет недопитая бутылка водки, и он станет угощать, навязывать ее то жене, то пасынку, и, разозленный их отказом, примется буянить или плакать… Так было много раз, и так будет сегодня, — стоит ли ради этого торопиться домой, в эту дощатую щель рядом со зловонной канавой?

— Тогда, может, меня проводишь? — предложил Вацек.

— Это можно…

— Ты где живешь? — спросил Вацек.

— На восемнадцатом.

— Комната?

— Да какая там комната… — Фиолетов махнул рукой. — Собачья конура, семь шагов в один конец, пять в другой… Никак с приказчиком насчет квартирных денег не договорюсь. Все отказ да отказ. И чего так?

Вацек усмехнулся.

— Чудак человек. Если ты получишь квартирные, так сразу небось удерешь из своей казармы.

— Само собой.

— И принесешь господину Нобелю убыток. Да какой там убыток для такого богача!

— Ну, от одного тебя и верно невелик убыток, а если и другие за тобой потянутся? Совсем обнищает господин Нобель.

Они привычно перешагивали через трубы и месили ботинками весеннюю грязь. После зимнего ненастья и валящих с ног ветров было приятно подставить обнаженную голову теплому солнцу. Ночью выпал снег, но днем начал таять, и по земле к морю бежали булькающие на перекатах ручейки.

— Дома-то у тебя все в порядке? — спросил Вацек.

— Да не очень. — Фиолетов вздохнул. — Отчим пьет… А когда мы в селе жили, в рот не брал.

С Вацеком он расстался у поворота на балаханскую дорогу. Хочешь не хочешь, а надо было возвращаться — успокоить мать, поиграть с сестренкой, сходить в лавку и упросить хозяина, чтобы

тот поверил до получки и записал долг в свою замусоленную книгу. Да и поспать тоже надо: завтра опять подниматься ни свет ни заря, чтобы к шести утра поспеть в мастерские…

Уже прогудели вечерние гудки, рабочий люд валил валом, и Фиолетов смешался с толпой. Ему нравилось идти вместе со всеми, с такими же, как и он, рабочими, пропитанными мазутом и прокопченными на южном солнце; рядом с ними он чувствовал себя увереннее и сильнее.

Кого только не было в этой толпе! Русские, в подавляющем большинстве пришлые люди из разных российских губерний, бородатые мужики — рослые и тщедушные, окающие, цокающие, но одинаково усталые от изнурительной работы изо дня в день… Поджарые кавказцы с тонкими талиями, а всего больше — коренные жители этих мест, понаехавшие из разных уездов Бакинской губернии, — разорившиеся крестьяне, ремесленники, торговцы, бросившие свое дело в поисках легкой добычи, а всего чаще просто ради куска хлеба. Они понавезли из своих сел высокие, из бараньего меха шапки и не расставались с ними даже в адскую жару. И еще привезли они в Баку из своего былого патриархального бытия исконную родовую честность, про которую тут говорили русские, что «от татарина не надо требовать собственноручную подпись, достаточно одного его слова». Татарами тут по недоразумению называли азербайджанцев.

Было среди рабочей толпы и немало персов — самых забитых и самых бесправных из всех, кто жил на бакинских промыслах. Они работали на трудных и опасных участках и получали самое нищенское жалованье — десять рублей в месяц, в казармах спали по двое на одной наре и чаще всех платили штрафы — шестьдесят копеек «за непослушание» и тридцать копеек «за нарушение тишины». Персы резко выделялись из толпы — смуглые, высокие, стройные, с лицами, казавшимися продолговатыми от остроконечных шляп и длинных крашеных бород.

Постепенно толпа стала редеть, люди сворачивали в кривые улочки и расходились по своим баракам и казармам.

Фиолетов шел медленно, придумывая себе занятия, чтобы отсрочить встречу с домочадцами. Подошел к чану с пресной водой, которую по трубам гнали из Куры и здесь продавали по копейке за ведро, и бесцельно несколько минут постоял. Поговорил о том о сем со знакомым тартальщиком. Забрел во двор какой-то казармы и стал смотреть, как несколько взрослых рабочих и горожан играют в орлянку.

Эта азартная игра распространилась по промыслам с

быстротою чумы. Играли все: котельщики, мастера, конторщики и просто шулера, приезжавшие из Баку, как на работу. Ставки были разные — от нескольких копеек до десятков, до сотен рублей. Здесь просаживали получку, выигрывали и смертным боем били проигравших, которым нечем было расплатиться.

На земле рядком по кругу стояли невысокие стопки серебряных монет; Фиолетов насчитал их двенадцать — числу игроков, уже достаточно накаленных азартом, с красными, возбужденными лицами и выпученными от ожидания глазами. Вокруг толпились и с интересом следили за игрой несколько любопытных подростков, должно быть из ближней казармы.

Держал банк мастерового вида человек в синем картузе и косоворотке, подпоясанной узеньким ремешком.

— Где наша не пропадала!

Он отошел чуть в сторонку, поцеловал пятак и высоко подбросил его. Несколько секунд монета вертелась в воздухе и наконец шлепнулась о землю, подпрыгнула и перевернулась.

— Орел! — закричали все сразу.

— А я что говорил! — Сорвавший банк мастеровой стал трясущимися руками сгребать с земли монеты.

Фиолетов машинально нащупал в своем кармане медный пятак. «Если выпадет орел, можно сразу с одного кона заработать не меньше, чем в получку…» Он пересчитал всю мелочь, вышло что-то рубля на два с копейками… «Играют двенадцать душ. Два рубля с копейками помножить на двенадцать…» Соблазн все сильнее давал себя знать.

О том, что будет, если его затея не удастся, Фиолетов пока не думал.

— Ребята, примите в пай, — сказал Фиолетов.

— А денег много? — спросил губастый парень с пудовыми кулаками.

— Не боись, на всех хватит…

Наконец настала очередь Фиолетова.

Он сложил в охапку свои пятаки и алтыны и поставил их на кон. То же сделали и другие.

— Ну, была не была, — пробормотал Фиолетов, подбросил высоко пятак и зажмурился.

— Решка! — услышал он голос губастого парня, открыл глаза и с ужасом убедился, что его пятак действительно лежит орлом вниз. — Гони деньгу! — продолжал губастый.

Проигравший должен был выложить каждому игроку столько монет, сколько тот ставил на кон.

Фиолетову осталось только одно — бежать.

Он сделал вид, что роется в карманах, ищет, даже вывернул

один из них, потом не спеша полез в карманчик для часов…

— Ребята, да он банкрот! Бей его! — вдруг закричал губастый и первый кинулся на Фиолетова.

Фиолетов отпрянул, но сильный удар по голове чуть не свалил его с ног. Треснула телогрейка, за которую схватил губастый.

…Показаться в таком виде домой он не мог и решил сперва зайти к Байрамовым, чтобы там привести себя в порядок.

— Вай-вай-вай! — отец Абдулы всплеснул худыми руками. — Что с тобой, Вайя?

— Подрался маленько, дядя Ибрагим. — Фиолетов виновато улыбнулся. — В орлянку играл… Проигрался.

— И платить было нечем, — догадался Байрамов. — Зачем играл?

— Думал — выиграю… Деньги шибко нужны.

— Почему к нам не зашел? За деньгами.

Тут вышел из дома Абдула, сразу все понял и тоже набросился на Фиолетова.

— В самом деле, почему у нас не попросил денег? Мы же друзья.

— Баш уста, Абдула, — ответил Фиолетов. — Так точно.

Он довольно свободно разговаривал по-азербайджанскп и хотел еще выучиться читать, но арабская вязь букв показалась ему такой трудной, что он отступил, хотя и не оставил своего желания.

Абдула тоже уже давно работал; сначала поступил учеником на одну из скважин на промысле Мусы Нагиева, закончил обучение и вот уже два года занимал должность тартальщика. С Фиолетовым он теперь встречался нечасто — не было времени, одиннадцатичасовая работа все тридцать дней в месяц, без праздников и воскресений, отнимала слишком много сил.

— Идем, умоешься, — сказал Абдула. — Сейчас воды согрею.

— Да мне главное как-нибудь телогрейку залатать. На работу идти не в чем.

— Мать сделает… Только сейчас, наверно, не успеет… Ладно, пока в моей походишь.

— Спасибо, Абдула… — Фиолетов по-восточному приложил руку к сердцу.

— Сколько денег нужно, Ваня? — спросил старый Байрамов.

Фиолетов замялся.

— Рублей пять… До получки… Пять — это не много?

— Это смотря для кого. Для Мусы Нагиева совсем немного. — Старый Байрамов рассмеялся коротким смешком. — И для Манташева, чтоб его миллионы стали ему поперек горла,

немного, и для Питоева немного… А для нас с тобой много. — Он помолчал. — Есть у нас маленько денег. Не беспокойся.

…На работу Фиолетов пришел в чужой, много раз стиранной телогрейке, которая, несмотря на стирку, пахла нефтью и стояла колом, как накрахмаленная.

— Где это тебя так угораздило? — Вацек даже причмокнул языком от удивления.

— Ладно, тезка, потом как-нибудь…

— А все-таки? — Вацек пристально взглянул ему в глаза.

Гудка еще не было, и Фиолетов рассказал о том, что с ним вчера приключилось.

— Ну и глупо поступил, — сказал Вацек. — Зачем рисковал? На судьбу надеялся? Зря! Не на судьбу надо полагаться, а на себя. На собственные силы, способности, ум.

— Да кому они тут нужны — способности, ум, силы?

— Тебе нужны! — жестко ответил Вацек. — И таким, как ты, бедолагам. Чтобы не испытывать судьбу и не гадать, каким местом она к тебе повернется — передом или задом. Ты меня понял?

Фиолетов молча пожал плечами.

Чувствовал он себя плохо. Болела голова, ныла поясница, правый глаз заплыл, саднила ранка на рассеченной губе.

Время тянулось нестерпимо медленно, и он едва дождался конца смены.

Домой шли опять вместе с Вацеком. Вацек старался отвлечь его от невеселых дум и рассказывал про город Ковно, где жил до переезда в Баку, какие там, в Ковно, красивые костелы, старинный замок на берегу Немана, какая вкусная вода…

— А жизнь, Ванечка, там такая же поганая, как и тут. Всюду в России жизнь для нас поганая.

— Чего ж так? Почему? — вырвалось у Фиолетова. Он и сам не раз задумывался над этим и не находил ответа.

— Так сразу твой вопрос не осилишь. — Вацек помолчал. — Знаешь что, Ванечка, давай-ка мы с тобой как-нибудь выберем свободный вечер да зайдем в один дом. Там, может быть, и получим ответ, почему в России повсюду жизнь поганая.

— В какой же это дом?

— Вот пойдем, тогда и узнаешь, — ответил Вацек.

Минуло несколько дней.

Однажды, подойдя к мастерской. Фиолетов обратил внимание на листок бумаги, прикрепленный к выходным воротам. Возле листка стояли несколько рабочих, среди которых он узнал Вацека и вагранщика Мамедова. Вацек что-то говорил,

глядя на листок, должно быть, читал, что там было написано, для Мамедова и других неграмотных азербайджанцев.

Фиолетов тихонько подошел к воротам и стал слушать.

«…Чтобы одолеть наших пауков-хозяев, — продолжал читать Вацек, — чтобы изменить современный хищнический порядок, необходимо знать, как нужно бороться. Этому научимся в нашей организации, в наших кружках и из чтения правдивой литературы… Так организуйтесь же, товарищи, под красным знаменем Российской социал-демократической партии для великой борьбы с царским самодержавием. Посещайте наши кружки».

— А теперь… — Вацек оглянулся, — быстро по местам! Одноглазый!

Механик имел привычку ходить как-то рывками. Несколько шагов он шел ровно, потом делал короткий рывок, словно лошадь, которую ударили кнутом, и опять переходил на спокойный шаг.

— Што за сборище! — крикнул он еще издали. — Скольки разов твердил, чтоб к гудку кажный на своем месте стоял… А это што? — Он заметил листок и впился в него единственным глазом. — А-агитация! — взвизгнул он. — Хто вывесил? Чья, спрашиваю, работа? Не хочете признаваться? Да я вас… — Последовала нецензурная брань, и механик со злостью сорвал листок. Он хотел было его выбросить, но раздумал и, расправив, сунул в карман. — Я вас, негодяев, навчу уму-разуму. Снесу энту пакость куды след, не зарадуетесь!

Никогда раньше Фиолетов не читал ничего подобного. Правда, не раз случалось, когда, собравшись на какую-нибудь рабочую вечеринку, поругивали за столом и царя и царицу, но это было между своих, устно, а тут печатно, как будто вырвано из книги. Только откуда?..

Дом, куда повел Фиолетова Вацек, находился в Черном городе, сплошь застроенном нефтяными вышками, вечно дымящимися трубами, резервуарами, закопченными цехами керосиновых заводов, между которыми ютились каменные жилые дома, обмазанные глиной.

У одного из них, опершись на палку, сидел старый азербайджанец.

— Здравствуй, дедушка! — приветствовал его Вацек. — Кто-нибудь уже пришел?

— Пришел, пришел… Проходи и будь спокоен, сын мой. — Старик пропустил бороду через растопыренные пальцы.

В комнате сидели трое — два парня и девушка в дешевом ситцевом платье.

— Принимайте новичка, товарищи, — сказал Вацек. — Зовут Иваном. Работает вместе со мной слесарем. Знакомься, Ванечка: Вано, Аветик, Ольга…

В ответ оба парня чуть привстали, а Ольга робко, искоса взглянула на новичка. Из-под длинных пушистых ресниц на миг блеснули карие, с золотистым отливом любопытные глаза и тотчас скрылись за полуопущенными веками.

В новой обстановке Фиолетов чувствовал себя неловко.

— Тут все свои, Ванечка, рабочие, под стать тебе, — пришел ему на помощь Вацек. — Знакомься.

Своей фамилии никто не назвал, только имена, и Фиолетову показалось, что это не случайно. Но ребята были как ребята, свои, девушка тоже, видать, не господского роду-племени. Худенькая, простоволосая, одета скромно.

Через несколько минут в комнату легкой походкой вошел изящный молодой человек в длинном и узком пиджаке, красиво облегавшем его складную фигуру горца, и весело поздоровался сверкнув большими темными глазами.

— Здравствуйте, товарищ Авель! — раздалось в ответ.

— О, в наших рядах пополнение, — сказал вошедший, глядя на Фиолетова.

— Наш, балаханский. Зовут Иваном, — представил Ванек.

— В грамоте сильны? — спросил у Фиолетова горец. Речь у него была быстрая, отрывистая, с заметным кавказским акцентом.

— Читать-писать умею.

— И много читаете? Что? Систематически или урывками?

— Читаю мало. Что придется.

— Это плохо… Записаны в библиотеке?

— А разве она есть на промыслах?

— В Черном городе. На заводе Гелиха.

— А балаханским туда можно?

— Скажете библиотекарше, что от «интеллигента». Она вас запишет.

Фиолетов подумал, что, наверное, «интеллигент» и есть этот кавказский человек, которого здесь называют; Авелем.

— Ну что ж, должно быть, товарищи Ахмет и Федор не придут, начнем занятия, — сказал горец. — Прежде всего разрешите сообщить новость: несколько писателей во главе с Максимом Горьким (на одном из занятий я вам расскажу про него) направили в редакции петербургских газет протест против расправы над студентами.

Горец вынул из кармана брошюру.

— На прошлом занятии мы разбирали с вами, кто кого кормит — капиталисты рабочих или рабочие капиталистов. И в

этой связи читали… Что мы читали?

— «Кто чем живет?», — ответили хором несколько голосов.

— Совершенно верно. «Кто чем живет?». И что вы вынесли из сочинения Дикштейна? Вы хорошо поняли, кто и чем живет? — Он выделил голосом слова «кто» и «чем». — Чем живет наш брат рабочий и чем живут хозяева промыслов и заводов, например господин Малышев или господин Нагиев?

— Поняли, товарищ Авель. Чего тут не понять?

— Отлично. Тогда я вам прочитаю сказку. Но это будет особая сказка. Не для детей. Ее сочинил русский писатель Щедрин, и называется она «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил».

Все последние годы, с той поры, когда Фиолетов пошел работать, он читал мало, урывками. В казарме, где они жили, не водилось ни одной книги — неграмотным на что книга? — а в их лачуге был лишь молитвенник у матери да несколько книжек, которые он купил на заработанные гроши.

— «Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны…» — начал читать Авель, и с этой секунды Фиолетов обратился в слух. Он никогда не думал, что сказка может быть такой правдивой, и горячо переживал все, что слышал.

— Ай да м-мужик! — Вано даже причмокнул языком от удовольствия. — Вот если б-бы все так-кими смекалистыми б-были! А?

— А я б на месте мужика вообще не кормил бы этих дармоедов, а уморил бы их голодом, — сказал Фиолетов.

— Очень правильная мысль, товарищ, — поддержал Авель.

— Именно так следует расправляться с эксплуататорами. Со всеми этими попами, муллами, банкирами, заводчиками, которых рабочие и крестьяне кормят, которым строят дворцы…

— А зачем кормят и строят? — Фиолетов ухмыльнулся и для убедительности пожал плечами. — Зачем? — повторил он.

— Вот именно — зачем? Абсолютно справедливый вопрос! Я попрошу товарищей дома подумать над этим вопросом и на следующей встрече ответить на него. Договорились?

Час, отведенный для занятий, пролетел быстро, но дольше задерживать слушателей «горец» не стал.

— Все сразу не выходите, — предупредил он. — И вообще нам надо будет подыскать другое место для занятий. Когда я сюда шел, мне встретился возле самого дома один тип. Я его по Тифлису знаю. Довольно опасная личность. По-моему, он меня приметил и, возможно, видел куда я зашел…

С занятий Фиолетов возвращался с Вацеком.

— Ну как, понравилось тебе? — спросил Вацек.

— Очень… А кто этот кавказский человек, товарищ Авель?

— Енукидзе.

— Образованный… — Фиолетов помолчал. — Послушай, Иван Прокофьевич, можно я одного хорошего парня на следующее занятие приведу?

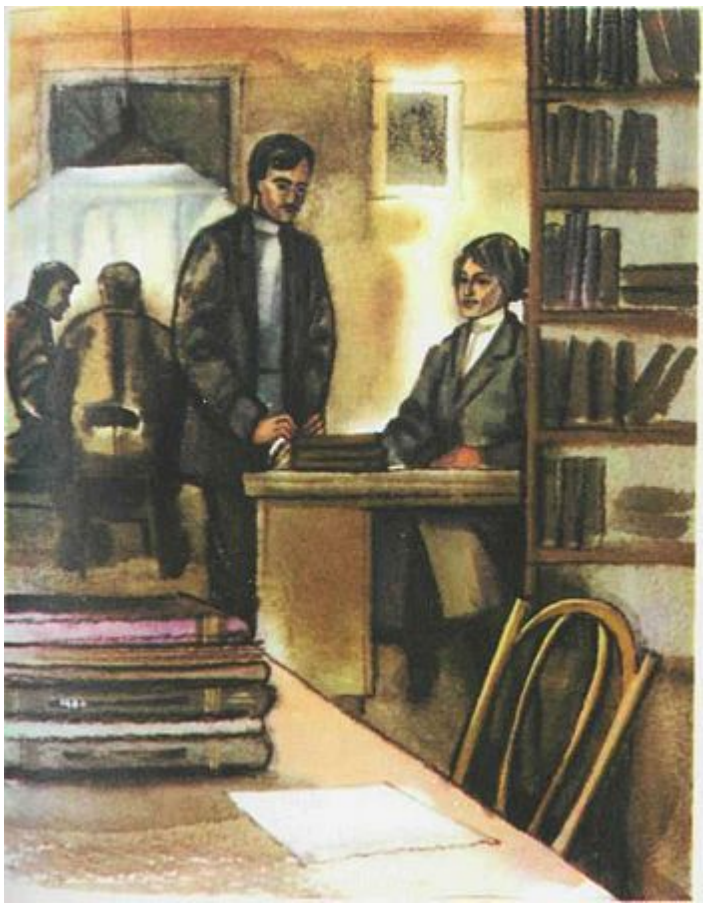
— Если хорошего, то, конечно, можно. А кто он?

— Абдула Байрамов. Тартальщиком у Нагиева работает.

— Приводи!

…В библиотеку Фиолетов пошел на следующий день после смены. Она помещалась в небольшой комнате с одним окном, выходящим на грязный двор. Посредине стоял длинный стол, за которым несколько человек читали газеты.

Фиолетов по привычке поискал глазами портрет царя, икону в красном углу, но ни того ни другого не нашел. На стене висел литографированный портрет Пушкина, точно такой, как в туголуковской школе.



За столиком возле шкафов он увидел молодую барышню, очевидно библиотекаршу, в белой ситцевой блузке с высоким стоячим воротником и сером, уже не новом полосатом халатике.

— Здравствуйте, молодой человек. Вы, наверное, хотите записаться? Где работаете? — спросила она, вставая.

— В Балаханских мастерских Нобеля… Слесарь я.

— В Балаханах скоро своя библиотека откроется. А здесь мы черногородских обслуживаем.

— Я от «интеллигента», — сказал Фиолетов, инстинктивно переходя на шепот.

Библиотекарша улыбнулась, и на ее щеках появились две ямочки.

— Что-то он давно не заходил. Здоров ли?

— Здоров. Я его вчера видел.

— Увидите еще — передайте, пожалуйста, пусть зайдет. А вас я сейчас запишу. Ваше имя, отчество, год рождения, фамилия? Восемьдесят четвертый? — удивилась она. — Выглядите вы еще моложе.

— А как вас величать? — спросил Фиолетов.

— Лидия Николаевна… Вот мы и познакомились, Иван Тимофеевич.

— Да какой я Тимофеевич. — Фиолетов смутился. — Просто Ваня.

— Тогда уж лучше Ванечка. Вы знаете, к вам как-то удивительно подходит это уменьшительное имя.

Библиотекарша Фиолетову понравилась. Было в ней что-то от его школьного учителя, этакая мягкость в обращении, основательность, доброта.

— Что бы вы хотели почитать, Ванечка? — спросила она.

— Это уж что вы мне посоветуете. Я читал мало, совсем мало…

— Ничего, это дело поправимое. На первый раз я вам предложу…

— Да, совсем забыл, — перебил Фиолетов, — Щедрина у вас что-либо есть?

…Из библиотеки он ушел нагруженный большой стопкой книг, и всю дорогу мечтал о том, как, придя домой, он сначала полюбуется этим вдруг привалившим богатством, посмотрит картинки, а потом, пододвинув к постели лампу, начнет читать.

— Батюшки-светы! Да откуда у тебя столько книжек? — удивилась мать. — Неужто деньги на них истратил?

— А что, если б и истратил? Книги ведь, — весело ответил Фиолетов. — Не картошка.

— То-то и оно, что не картошка. Без картошки, Ваня. не

проживешь, а без книжек я жизнь прожила. И ничего.

— Но беспокойся, мать. Целы деньги… В библиотеку я записался. Там бесплатно книжки дают читать.

— Ну, это хорошо, ежели бесплатно. — Мать успокоилась.

Отчима не было, — наверно, опять забрел к дружкам в казарму, сестренка Анюта спала, и Фиолетов раскрыл томик Щедрина.

— Спать бы ложился, а то завтра не встанешь, — сказала мать.

— Ничего, встану.

В Туголуково она обязательно заметила бы, что нельзя так долго жечь лампу, накладно, но здесь керосин стоил дешевле хорошей воды и его не очень берегли.

Отчим пришел поздно, как всегда навеселе, буркнул что-то невнятное про пожар, который обязательно будет, если опрокинуть лампу, и залез под одеяло.

А Фиолетов все читал, никак не мог оторваться, и утром взял с собой на работу книжку — авось удастся докончить в обед.

…До гудка еще оставалось несколько минут, и он успел рассказать Вацеку про библиотеку и симпатичную библиотекаршу.

— Ты знаешь, у этого Щедрина есть еще сказки, — сообщил Фиолетов тоном человека, сделавшего великое открытие.

Вадек улыбнулся.

— Знаю, Ванечка. Читал.

— Вот как? Ты, может, и «Севастопольские рассказы» графа Льва Толстого читал?

— Нет, этого не читал. «Войну и мир» читал, а рассказы — нет.

— Прочитай. Я принесу… Послушан, Иван Прокофьевич, ты, часом, не скажешь, где мне товарища Авеля увидеть? Библиотекарша велела передать ему, чтоб он к ней зашел. Срочно. Говорит, для него кое-что интересное есть. Наверно, книжки.

— Книжки? Это хорошо!.. А товарища Авеля, пожалуй, я раньше тебя увижу.

Глава третья

Ольга не всякий раз приходила на занятия кружка, но сегодня пришла.

Последнее время Фиолетов стал ловить себя на том, что подозрительно часто думает о ней. Даже читая, он вдруг замечал, что порой совершенно не помнит содержания целых страниц — о чем они. В это время его мысли были заняты Ольгой. На улице, заметив впереди женщину, хоть немного похожую на нее, он убыстрял шаги, догонял, осторожно заглядывал в лицо и, убедившись в своей ошибке, отставал, разочарованный. Опять не она.

Но сегодня Ольга пришла, и он уселся напротив.

Нет, она не выглядела писаной красавицей, однако было в ней что-то такое, что обращало на себя внимание и заставляло смотреть именно на нее. Тяжелые темно-русые косы обвивали голову, красиво оттеняя высокий, чистый лоб. Большие карие глаза смотрели открыто, и от всего ее облика, от статной фигуры веяло уверенностью и спокойствием. Одета она была очень просто, даже бедно: длинная суконная юбка почти до пят, белая кофточка с пышными рукавами и стоячим воротничком, наглухо закрывавшим шею, вишневого цвета платок, наброшенный на покатые плечи…

Кто она такая, откуда, где работает, где живет — ничего этого Фиолетов не знал. «Вот наберусь храбрости и обо всем расспрошу», — решил он.

…Несколько раз за это время «горец» менял место собраний кружка, пока Абдула не предложил свой дом — стоит на самом краю поселка, далеко от полицейского участка, да и к старому Байрамову часто заходят посторонние люди нанять арбу.

Сегодня на занятиях читали и обсуждали последний помер газеты «Искра», и товарищ Авель намекнул, что она хотя и издается за границей, но, возможно, скоро будет печататься здесь, в Баку.

— У меня к вам просьба, товарищ Иван, — сказал он, когда закончились занятия. — Вы не составите мне компанию в следующее воскресенье сходить к одному человеку?

Фиолетов замялся.

— Может быть, я нарушаю ваши планы? — спросил «горец».

— Нет, нет… Я свободен.

У Фиолетова действительно были другие намерения на это воскресенье. Он собирался договориться с Ольгой и провести вместе воскресный день, но отказать «горцу» не хотел да и не мог.

— Я свободен в воскресенье, — повторил он.

— Тогда условимся. Встречаемся в два часа в городе у вокзала. Хорошо?

…Обычно с занятий кружка он возвращался всегда вместе с Вацеком — им отсюда было по дороге, — но сегодня, смутившись и краснея, пробормотал что-то невнятное насчет того, что немного задержится и ждать его не стоит.

Вацек дружески похлопал Фиолетова по плечу.

— Ладно. Беги уж. Видишь, ожидает… — И он показал глазами на Ольгу.

…Они молча шли рядом по узкой тропинке, заменявшей тротуар, и Фиолетов, беспричинно смущаясь, никак не мог начать разговор.

— Сегодня погода хорошая, — выпалил он, краснея от своей беспомощности.

Она улыбнулась и посмотрела на него.

— Разве ты это мне хотел сказать?

— Нет, конечно… — Он вдруг облегченно засмеялся («Чудак, чего стесняешься?») и сказал уже совершенно свободно: — Я хотел предложить тебе съездить вместе в город… Погуляем. На лодке по морю покатаемся…

Она повернула к нему голову.

— Я ведь замужняя, Ванечка…

— Замужняя? — Ему показалось, что он ослышался. — Что ты говоришь?

Она вздохнула.

— Что слышишь… Семнадцати мне не было, когда меня за него выдали. Насильно обвенчали…

— И кто он?

— А тебе зачем это? — Она подняла на него глаза. — Ну, слесарь… Банников по фамилии.

Фиолетов долго молчал, переживая только что услышанное.

— Как же это тебя муж на занятия кружка отпускает? — спросил он.

— Про кружок я ему не говорила… Мне у чужих людей часто приходится бывать… Белошвейка я. Хожу по домам и шью, что закажут.

— Кофточку, что на тебе, сама сшила?

— А то кто же.

Фиолетов погрустнел снова.

— Значит, мне нельзя с тобой встречаться? — спросил он.

— Почему нельзя? Встречайся… в кружке. А вот в город я с тобой не поеду. Мужик у меня больно ревнивый.

Остаток дня Фиолетов ходил сам не свой. Перед сном решил

почитать, долго тупо смотрел в раскрытую книжку, думая об Ольге.

— Что с тобой, сынок? — спросила мать. — Уж не захворал ли?

— Да нет, ничего…

— Разве не видишь, мать, влюбился он. — Отчим хохотнул. — Шестнадцать годов стукнуло парню. Самая пора.

— Да ну тебя, дядя Саша! — Фиолетов покраснел и, чтобы скрыть смущение, погасил лампу.

…Читал он теперь очень много, из библиотеки приносил тяжелую стопку книг и, чтобы они не валялись где попало, смастерил полку перед постелью.

Теперь он книги выбирал сам, тем более что по придуманной им системе чтения это не составляло особого труда. Он брал все, что имелось какого-нибудь одного автора, и читал запоем.

Часто среди ночи просыпалась мать и, увидев, что горит лампа, сокрушенно качала головой:

— Все читаешь… Глаза бы свои поберег…

— Ничего им не станет, моим глазам-то.

Иногда среди взятых книг попадались мало ему интересные, вроде романов Шеллера-Михайлова, но он добросовестно прочитывал и это.

— Послушайте, Ванечка, — сказала ему однажды библиотекарша. — Вы действительно читаете все, что берете? — Она достала карточку, в которую записывала взятые пм книги.

— Конечно, Лидия Николаевна.

— Но это же почтп невозможно! Работать с шести утра и до шести вечера, ходить несколько километров от дома до мастерских — и столько читать! Нет, простите, но я вам не совсем верю.

— А вы проэкзаменуйте, Лидия Николаевна. — Фиолетов задорно посмотрел на нее.

— Ну что ж, могу и проэкзаменовать… Кто был по профессии Базаров?

— Студент-медик… Очень легкий вопрос, Лидия Николаевна.

— Хорошо… А что посоветовали Кити, когда ее покинул Вронский?

— Поехать на воды.

Лидия Николаевна рассмеялась, довольная.

— Вас, однако, голыми руками не возьмешь. Молодец, Ванечка! Вижу, что вы все прочитанное усвоили и… — она посмотрела, не зашел ли кто в пустую комнату, — и считаю, что вам пора в добавление к классикам познакомиться еще и с другой литературой. Например, вот с этой…

Лидия Николаевна приподняла крышку своего стола, Достала несколько брошюр и подала их Фиолетову.

— «Рабочее дело в России», — прочел он заглавие одной из них. — «Издательство РСДРП».

— Только, чур, с этими книжками, пожалуйста, будьте поосторожней, кому попало не показывайте.

— Понял, Лидия Николаевна, — ответил он. Брошюры библиотекарша в читательский формуляр Фиолетова не записала, и он осторожно спрятал их в боковом кармане пиджака.

— Послушайте, Ванечка. Вы не смогли бы завтра это время поехать со мной в город за книгами?

— Если после работы, то с удовольствием, Лидия Николаевна.

…Еще по дороге домой Фиолетова подмывало вытащить какую-нибудь книжицу и начать читать на ходу, но он преодолел искушение и взялся за чтение лишь после того, как все заснули и он остался наедине с висевшей на стене семилинейной керосиновой лампой.

Он еще раз перечел заголовки и снова обратил внимание на непонятные буквы: РСДРП — что они означают? Но гадать не стал, все равно не угадаешь, и решил, что завтра обязательно спросит об этом Вацека.

…Обычно почти все рабочие обедали вместе, сидя на нефтяных трубах, редко кто ходил в соседний духан, чтобы поесть горячего, а большинство пробавлялось тем, что ели всухомятку принесенное из дому.

Так получалось, что в центре внимания во время обеда неизменно оказывался Вацек, — может быть, потому, что он никогда не унывал и умел ответить почти на каждый вопрос, который ему задавали.

Сегодня с вопросом решил обратиться Фиолетов. Он понимал, что при всех спрашивать не стоит, народу в мастерских много, к каждому в душу не заглянешь, и постарался увести Вацека в сторонку.

— Дело есть у меня к тебе, Иван Прокофьевич, — сказал Фиолетов.

— Слушаю, Ванечка.

— Объясни мне, пожалуйста, что такое означают буквы РСДРП?

— А ты где их видел?

— На одной брошюре. «Рабочее дело в России» называется.

— И ты ее прочитал?

— Прочитал, Иван Прокофьевич.

— Выходит, однако, что читал ты не очень внимательно. —

Вацек дружески улыбнулся. — Там ведь не раз упоминается про партию. Про Российскую социал-демократическую рабочую партию. Сложи первые буквы, и ты получишь РСДРП. Вот тебе и ответ на твой вопрос.

— А я и не сообразил…

— За что борется наша партия, ты, я думаю, знаешь из той брошюры. (Фиолетов согласно кивнул в ответ.) Если коротко сказать, то за лучшую жизнь всего народа. А эта лучшая жизнь не может наступить сама собой, ее надо завоевать. Ты понял?

— Вроде бы понял, Иван Прокофьевич. — Он поднял на Вацека глаза. — И кто в этой РСДРП? Много людей?

— Не так много, но с каждым годом становится все больше.

— Ты кого-нибудь из них знаешь?

— Знаю… Да и ты знаешь.

— Я? — Фиолетов удивился.

— Например, меня.

— Так ты, значит, партийный?

— Да, я член Российской социал-демократической рабочей партии.

— А еще кто?.. Из тех, кого я знаю.

— Товарищ Авель… Вано… Библиотекарша…

— Лидия Николаевна? Так вот чего она мне эти брошюры дала… А Ольга?

— Нет, Ванечка, Ольга пока не в партии… Если у тебя есть охота, мы с тобой еще потолкуем после смены.

— После смены я в библиотеку должен пойти. Мы с Лидией Николаевной за книгами в город поедем. На лихаче!

— Вот оно что… — Вацек весело хмыкнул. — Смотри, как бы тебя твоя Ольга к ней не приревновала.

— Да какая она моя, Иван Прокофьевнч, — вздохнул Фиолетов.

…В город они ехали на рысаке. Фиолетов сидел удобно, на пружинящих, обтянутых кожей подушках, рядом с Лидией Николаевной, от которой пахло духами. Она была в легонькой накидке и, несмотря на теплый вечер, прятала руки в маленькую меховую муфту. Фиолетову казалось неудобным сидеть с ней вместе. Он был в сатиновой косоворотке, подпоясанной ремешком, стареньком пиджачке и картузе, из-под которого выбивались русые волосы.

Извозчик подбадривал лошадей кнутом, и они резво бежали по разбитой балаханской дороге.

Магазин, у которого они остановились, находился на Великокняжеском проспекте, в первом этаже большого дома. Стеклянная дверь была закрыта, и, когда они входили в

полутемную, пахнущую книгами залу, звякнул маленький колокольчик на двери.

Посетителей в магазине не было, и на звонок вышла пожилая дородная дама с пышными седыми волосами.

— Здравствуйте, Мариам Карахановна, — приветствовала ее библиотекарша. — Я к вам за обещанным.

— Этот господин с вами? — Хозяйка показала взглядом на Фиолетова.

— Это мой добровольный помощник, Мариам Карахановна.

У Фиолетова разгорелись глаза, когда он увидел забитые книгами полки. Теперь он смотрел на книги с некоторым знанием дела и, заметив несколько знакомых томиков, с удовлетворением отметил, что они уже читаны им. Толстой, Тургенев, Чехов…

Черногородскую библиотеку содержал совет съезда нефтепромышленников, невероятно богатая организация, в которую входили самые денежные владельцы промыслов. Из своих многомиллионных прибылей они отпускали гроши на содержание двух-трех народных домов, нескольких фельдшерских пунктов и крохотной библиотеки, единственной на весь промысловый район. На эти гроши Лидия Николаевна и покупала книги.

Хозяйка магазина получала литературу из Петербурга, Москвы, Тифлиса, кое-что поступало из Женевы, и это «кое-что» она бесплатно передавала знакомым, в числе которых была черногородская библиотекарша.

— Ох, попадусь я когда-либо с этими вашими брошюрами, — сказала Мариам Карахановна, принеся из другой комнаты тщательно завернутый сверток.

— Здесь на пятьдесят два рубля и пятьдесят копеек, но рабочей библиотеке они будут стоить только двадцать рублей. Ведь вы же бедны, как церковные мыши. Я знаю.

Извозчик ждал, и они сложили у себя в ногах все связки, а сверток Лидия Николаевна спрятала себе под накидку.

— На всякий случай, Ванечка…

Всю обратную дорогу они разговаривали о книгах. Лидия Николаевна поинтересовалась, какое у Фиолетова образование, и, узнав, сказала, что из разговоров с ним никогда бы не подумала, что он закончил только один класс.

— И все же, Ванечка, вам надо засесть за учебники, пройти курс математики, литературы, физики, естествознания. Если хотите, я буду вашей наставницей в этом деле.

— Спасибо, Лидия Николаевна. Я с удовольствием.

Книги они снесли в библиотеку и заперли в шкафу.

Фиолетов хотел распрощаться, уже было поздно, но Лидия

Николаевна его задержала:

— У меня к вам просьба, Ванечка… Не могли бы вы этот сверток подержать у себя дома денька три-четыре? А после за ним зайдет один человек, скажет вам, что он… от Александра Сергеевича Пушкина, и вы ему отдадите.

От Пушкина? — Фиолетов рассмеялся. — Ладно, давайте сверток, Лидия Николаевна. Какой разговор…

О том, что в свертке лежало что-то «противоуправительственное», Фиолетов не только догадывался, но и был в этом совершенно уверен.

В воскресенье в назначенное время он подошел к вокзалу. Авеля еще не было и Фиолетов стал прохаживаться возле входа.

— Вы давно ждете? — услышал он гортанный голос, оглянулся и увидел «горца». Он появился почти внезапно, молодой, изящный, по-восточному красивый.

— Нет, только что пришел… Здравствуйте, товарищ Авель.

— При всех и тем более так громко не надо меня называть товарищем. Господин… ну, предположим, господин Гогашвили, это ведь тоже неплохо звучит?

Он повел Фиолетова к остановке конно-железной дороги, как официально называлась конка. Спереди на вагончике висела металлическая табличка «Вокзал — Баилов». Всякий раз табличку заносило слоем пыли, но на конечных остановках кондуктор протирал ее тряпкой, и она снова блестела.

— Поедем до конца, — сказал «господин Гогашвили». — Вы любите ездить на конке, Ваня?

— Никогда не ездил, — простодушно признался Фиолетов. — Я все больше пешком, оно дешевле.

Проезд на конке из конца в конец стоил пятнадцать копеек — семь фунтов черного хлеба.

Прозвенел колокольчик, кучер взмахнул кнутом, и вагон быстро покатился по рельсам.

Да, не стоило жалеть пятиалтынный, чтобы получить такое удовольствие! Вагончик двигался ровно, как по настоящей железной дороге, мерно цокали подковами лошади, понукаемые кучером, позвякивал колокольчик.

От вокзала до Баилова мыса конка тащилась часа полтора. Остановок было много, сходили и садились пассажиры, а они все ехали — мимо старой крепости, Девичьей башни, похожей на огромный, высунутый к морю язык, и набережной Александра Второго, засаженной чахлыми, изнывающими от недостатка воды деревцами. По улицам сновали скупщики старья, держа на полусогнутой руке подержанные вещи. Лоточники выкрикивали

название своего товара — фруктов, галантереи, прохаживались городовые в серых от пыли кителях.

Остро вдающийся в море Баилов мыс застраивался быстро. Рядом со старым доком для ремонта судов появилось здание центральной электростанции, призванной перенести промыслы с пара на дешевую электрическую силу, несколько жилых домов, водокачка, склады… Несмотря на воскресный день, строительная площадка кишела людьми с тачками, носилками и лопатами.

— Приехали, — весело сказал Авель и легко соскочил с низкой ступеньки вагона.

Через несколько минут к ним подошел молодой человек в студенческой фуражке, с портфелем в руке, и они отошли в сторонку от прохожих.

— Познакомьтесь, — сказал «горец». — Товарищ Иван… Товарищ Сергей… Продукты при вас? — обратился он к Сергею.

— Так точно, товарищ Авель.

— Давайте.

Сергей посмотрел по сторонам, достал из портфеля небольшую завернутую в оберточную бумагу пачку и протянул ее Авелю.

— Пока только пятьдесят штук.

— Маловато… А что случилось?

— Георгий заболел, и некому было набирать.

— Понимаю.

— Поправится — вернем долг.

«Горец» посмотрел на Фиолетова.

— Есть поручение, товарищ Иван… Конечно, вы вправе отказаться, потому что оно небезопасно, но я надеюсь на вас.

— Слушаю, товарищ Авель…

— В этой пачке листовки. Надо, чтобы они завтра же были расклеены в Балаханах.

…Утром Фиолетов поднялся еще затемно.

— Ты куда это собрался, Ваня? — спросила мать. Она всегда вставала раньше всех, готовила завтрак и сейчас забеспокоилась, подумав, что проспала, опоздала.

— На работу… Мне сегодня пораньше надо.

— Ох, что-то ты частенько стал уходить ни свет ни заря, — вздохнула мать. — Не к добру это… Кисель-то съел?

— Съел, съел, мама.

С вечера он попросил ее сварить на завтрак жиденький кисель и приспособил для него плоскую флягу, в которой отчим однажды принес водку, оторвал от старого полотенца тряпицу, чтобы мазать листовки киселем. Фляга помещалась в левом кармане, листовки — в правом, так что их легко было

вытаскивать по одной.

— Хоть с работы-то вовремя приди, — крикнула ему вдогонку мать.

Ему нравилось выполнять поручения, которые давали то Вацек, то Лидия Николаевна, то Авель. Поручения были связаны с опасностью, с риском, и он знал об этом, по именно это, возможно, и составляло особую, жуткую прелесть. Раздавал открытки с карикатурным изображением царя. Хранил у себя пакет с «противуправительственной литературой». И вот сейчас готовился расклеивать листовки.

Ночью он конечно же прочитал одну из них. Впрочем, они все были одинаковые, напечатанные на осьмушке серой бумаги:

«Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Приближается наш пролетарский праздник — Первое мая.

Товарищи рабочие! Выходите смело на улицу, стройтесь в ряды! И как только гордо взовьется наше красное знамя, сомкнитесь теснее вокруг него и несокрушимой стеной оградите его от нашего общего врага… Покиньте же тротуары! Завладевайте скорее широкими улицами!

Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

Балаханские улицы были еще безлюдны, пусты, но промыслы работали, для них не существовало ни ночи, ни обеденного перерыва, ни праздников. Надрывно гудели нефтяные фонтаны. Скрипели лебедки, булькала выливаемая из желонок нефть. Вечно горящие газовые факелы освещали копошащихся вокруг буровых людей, похожих на тени.

Фиолетов выбрал место потемнее, достал листовку, смазал ее киселем и прилепил к забору. Через час мимо пройдут сотни рабочих — со смены и на смену, — и кто-нибудь увидит, прочтет… Вторую листовку он приклеил к двери казармы. Это было рискованно — внутри всегда кто-нибудь бодрствовал, — но Фиолетов, казалось, забыл об осторожности и третью листовку оставил на стене конторы промыслового участка. На крылечке сидел старый сторож и мирно спал.

Фиолетова охватило радостное чувство удачи, когда все кажется выполнимым, все по плечу. Да и как было не радоваться! Он молод, здоров, в меру своих шестнадцати лет силен, и, главное, он делает сейчас полезное порученное ему дело. Он дал слово и держит его! И если на первомайский праздник выйдут рабочие Балахан, если они покинут тротуары и займут улицы, то в этом будет хоть маленькая, но и его заслуга.

Думая об этом, он не заметил, как очутился вблизи скважины, на которой работал Абдула, решил заглянуть к нему.

Фиолетов налепил на входные ворота листок и подошел к сторожу.

— Салям алейкум (здравствуйте)! — обратился он по-азербайджански. — Мне надо видеть Абдулу Байрамова. Я его друг.

— Абдулу? — переспросил старик. — Да прольет аллах свой свет на этого доброго юношу! Если ты его друг, то пройди.

Под копытами ходившей по кругу лошади с завязанными глазами чавкала грязь — смесь земли, воды и нефти. Остро пахло чем-то гнилым, серой, першило в горле, но Фиолетов ко всему этому уже привык и не обращал внимания.

Через раскрытую дверь башни, возведенной над скважиной, был виден дрожащий, туго натянутый канат, которым вытаскивали наполненную нефтью желонку — длинное узкое и липкое ведро с клапаном на конце, как на рукомойнике. Во все стороны тугими нитями брызгала нефть.

Абдулу он нашел там, где и полагалось находиться тартальщку, — в тартальной будке, сколоченной из досок. Тартальщик должен был следить за движением желонки, чтобы она не застряла при спуске в скважину.

Вот она вышла из земли, проплыла чуть в сторону, к желобу, силой своей многопудовой тяжести нажала на клапан внизу, и в желоб хлынул черный поток нефти.

— Здравствуй, Абдула! — крикнул Фиолетов.

Абдула отвел взгляд от желонки.

— Здравствуй, Ванечка! Что-нибудь случилось, что пришел?

— Ничего не случилось, Абдула. Просто был по соседству.

— Это хорошо, что зашел… Обожди маленько, скоро гудок.

Смена на скважине заканчивалась за час до начала работы в мастерских, и у Фиолетова оставалось немного свободного времени.

— Все ли здоровы у тебя? — спросил Абдула, выйдя из будки. По восточному обычаю он обязательно осведомлялся о благополучии всех родственников.

— Здоровы, Абдула. И когда я отучу тебя каждый раз об этом спрашивать… Ладно, как твои отец, мать, здоровы ли?

— Спасибо, Ванечка, здоровы… Так зачем ты все-таки пришел? Неужели просто так?

Фиолетов прищурил глаз и улыбнулся.

— Ну, не совсем так… — Он сунул руку в карман и достал последнюю листовку. — Я тебе тут кое-что интересное принес. Возьми. На свободе прочитаешь.

— Ай-ай-ай, Ванечка! Ты опять забыл, что я плохо читаю по-русски. О чем листок?

— Первое мая будем праздновать. С красным флагом! Рабочих зовут на улицы… Ты пойдешь?

— Если все пойдут… А что я, хуже других, да?

В мастерские Фиолетов пришел возбужденный и довольный, минут за десять до гудка, и сразу же разыскал Вацека.

— Что это ты такой веселый? — поинтересовался Вацек.

Фиолетов задумался: сказать или не сказать? Но тут же укорил себя: разве от Вацека могут быть в таком деле тайны!

— Листовки я, Иван Прокофьевич, расклеивал.

— Авель поручил?

— Ага… Вчера за ними на Баиловский мыс ездили.

— Листовку ты, надеюсь, прочитал?

— Наизусть выучил!.. Значит, будем Первое мая отмечать?

— Готовимся… Вот ты листки расклеил. Прочтут люди. Подумают.

— Может, еще что надо сделать? Ты только скажи. Я готов.

— Надо, Ванечка. Дел еще непочатый край. Народ надо сагитировать, чтоб за нами пошел.

— Абдула пойдет. Я с ним говорил.

— Это хорошо… Еще его увидишь — передай, пускай и он кого-либо сагитирует. Если каждый завербует хоть одного человека, знаешь сколько нас соберется — туча!

— Понятно… — Фиолетов помедлил. — У меня к тебе еще разговор есть, Иван Прокофьевич… Просьба, вернее.

— Слушаю, Ванечка.

— Даже не знаю, как и начать.

— А ты смелее! — Вацек ободряюще улыбнулся.

— Видишь ли, я хочу просить тебя, чтобы вы приняли меня в партию… Чтоб я мог вместе с вами… — Он с трудом подбирал нужные слова, и его без того румяное лицо стало еще румянее.

Вацек слушал, не перебивая.

— А ты хорошо подумал о своей просьбе?

— Хорошо, Иван Прокофьевич. Я готов выполнить любую работу. Самую трудную.

— Трудную — это еще не все. Быть членом партии, Иван. — Это идти на риск, это жить в постоянной тревоге, что тебя в любой момент могут арестовать, бросить в тюрьму, отправить в ссылку, а то и убить.

— Ничего, жив буду — не умру. — Фиолетов через силу улыбнулся. — Так как, примете?

Вацек положил ему руку на плечо.

— Примем, Ванечка… Мы уже о тебе говорили с товарищами, и мнение было единодушным. Так что поздравляю. — Он протянул руку, которую Фиолетов крепко и благодарно пожал. — Будь честным и принципиальным. Ничем не запятнай высокого звания социал-демократа.

— Спасибо, Иван Прокофьевич! Уж такое спасибо… — пробормотал Фиолетов.

— Между прочим, Ванечка, я давно ждал, что ты начнешь этот разговор.

Глава четвертая

В те грозовые годы революционеры мужали быстро. Ощущение постоянной опасности, необходимость все время быть начеку, быть готовым ударом ответить на удар, а где нужно, отступить, чтобы спасти и товарищей по борьбе, и себя, мужественно встретить беду — все это закаляло людей, делало их старше, чем они числились по паспортной книжке.

Фиолетову было шестнадцать лет, когда он стал членом РСДРП. Его сверстники в Туголукове все еще играли на лугу в лапту или гоняли голубей, мало думая даже о собственном будущем, и уж конечно не углубляясь в то, что станет с Россией в недалеком будущем, а он уже рисковал собой.

На Баку опустилась весенняя ночь, когда Фиолетов толкнул лодку от берега. Монтин взялся за весла. Вацек сидел на корме у руля. Фиолетов устроился на среднем сиденье.

— Может быть, споем? — предложил Фиолетов. Особенно хорош был голос у Монтина. Мелодичный, сильный, под стать всей его ладной, крупной фигуре с добродушным, улыбчивым, очень русским лицом. Этот голос посреди моря звучал чисто и звонко.

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы,—

пел он на мотив знаменитой «Дубинушки».

— Будто про меня сказано. — Монтин оборвал песню. — Ведь я тоже мужик, и мои Палестины в Тифлисской губернии, в большом селе…

В Баку Монтин приехал из Тифлиса и сразу же стал своим среди бакинских революционеров. Рассказы о его храбрости и находчивости передавались из уст в уста. Не так давно его задержал пристав. Улики были налицо — в кармане револьвер и листовки, — и пристав арестовал его, усадил в фаэтон и повез в полицейское управление. Этот новый, далеко не первый арест грозил несколькими годами тюрьмы. Монтин не растерялся. Он вынул из кармана двадцать пять рублей и предложил деньги приставу. «Отпустишь с миром — твой четвертной, не отпустишь — пеняй на себя: освобожусь — угощу тебя бомбой». И пристав

струсил. Он взял деньги и остановил фаэтон…

Ветра почти не чувствовалось. Светила полная луна, и по морю были рассыпаны золотистые блики. Позади остались причалы, склады, заставленная судами гавань, лесная биржа, набережная с сонным городовым, охранявшим дворец губернатора. Вскоре за Баиловым мысом скрылись редкие огни уснувшего города, и только мигал, посылая острый луч света, маяк.

Ни в каком другом месте — ни на горе Степана Разина, ни на заброшенном мусульманском кладбище, ни на виноградниках около озера Биюк Шор, где чаще всего устраивались собрания и массовки, — они не чувствовали себя так свободно, как на лодке среди моря. Полная гарантия, что тебя не подслушают, не ударят исподтишка, не спровоцируют. Кругом одно море, а оно не выдаст.

— Хорошо! — промолвил Вацек. — Хорошо хоть на часок скрыться от всевидящего глаза, от всеслышащих ушей.

— Однако попели, почитали, и хватит, — сказал он, помолчав. — Пора и о деле поговорить.

— А песня разве не дело? — спросил Монтин. — Разве не с песней народ на демонстрацию идет?

— И то верно, — согласился Вацек. — Но все-таки давай о манифестации подумаем. Как народ будем готовить?

— Вот именно, товарищи, как? — спросил Фиолетов. — Сам народ ни с того ни с сего на демонстрацию не пойдет, да он и знать о ней не будет, пока мы его не расшевелим.

— Да, не десятки людей надо поднять, а сотни, тысячи, — сказал Вацек.

— Тучу! — Фиолетов вспомнил слова Вацека и улыбнулся.

— Агитаторов у нас маловато — вот в чем беда. — Вацек вздохнул. — А надо побывать в казармах, на вышках, в мастерских — всюду, где скапливается народ.

— Народу всего больше на базаре, — заметил Фиолетов.

— Значит, и про базар не надо забывать, Ванечка.

К берегу причалили на рассвете. Легкий туман висел над морем, пахло водорослями, рыбой и нефтью.

Несмотря на бессонную ночь, Фиолетов чувствовал себя бодро, спать не хотелось, и он, не заходя домой, пошагал в мастерские.

На круглой афишной тумбе около конторы висело свежее объявление. Он подошел поближе: не листовка ли? На серой бумаге большими черными буквами было напечатано:

«Обязательное постановление градоначальствующего на

Кавказе.

Сходбища и собрания на улицах, площадях, скверах, садах, караван-сараях, вокзалах… для совещаний и действий, противных общественному порядку и спокойствию, а равно и скопление при этом любопытствующей публики воспрещаются; собравшиеся обязаны по первому требованию полиции немедленно разойтись, неподчинившиеся беспрекословно и немедленно требованию полиции подвергаются аресту».

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кого, — пробормотал Фиолетов. Он хотел было сорвать объявление, но раздумал. Пускай прочитает народ, злее будет.

Праздничную первомайскую демонстрацию Бакинский комитет постановил провести 27 апреля с таким расчетом, чтобы к одиннадцати часам дня всем демонстрантам быть на Парапете. До этого срока оставалась еще неделя.

На следующий день Фиолетов ушел из дому без завтрака, чтобы до гудка успеть на базар. Ни в каком другом месте не собиралось так много разноплеменного народа, как на базаре, так нужном всем, независимо ни от места работы, ни от занимаемого положения. Здесь можно было встретить преуспевающих купцов и стоящих на самой низкой ступени рабочей лестницы мазутчиков — собирателей нефти из луж, тучных торговцев и приехавших на заработки истощенных персов, за каждого из которых офицеры русской пограничной стражи брали выкуп в двадцать копеек, прежде чем пропустить их через границу, сухопарых мусульманок с закрытыми чадрою лицами и простоволосых русских женщин — жен и матерей рабочих — и, конечно, самих рабочих — тартальщиков, кочегаров, масленщиков, проворных мальчиков на побегушках из многочисленных нефтяных контор.

В этом людском скопище можно было без особого риска встретиться с нужным человеком и даже, собрав кучку народа, выступить с речью, например, сказать о намеченной демонстрации, сунуть кому-нибудь в карман листовку, а в случае опасности мгновенно смешаться с толпой.

Несмотря на ранний час, на базаре уже было полно народу, и Фиолетову пришлось протискиваться через ворота, ведущие на площадь, тесно застроенную лавками и лавчонками из необтесанного известняка. Пахло жареным мясом, пряностями и чем-то кислым, в глухой и нестройный гул сливались голоса толпы, то тут, то там слышались выкрики торговцев, зазывавших покупателей.

Фиолетов поискал знакомых с промысла Гукасова — казармы,

где жили рабочие этого миллионера, были неподалеку, — но не нашел и стал пробираться к харчевне, намереваясь перекусить. Дверь туда была почему-то прикрыта, и возле нее стояла кучка глазеющих, переговаривающихся между собой людей.

— Что-то случилось? — спросил Фиолетов, обращаясь к босоногому верзиле со всклокоченными волосами.

Тот невесело усмехнулся:

— Дохтур нз санитарного отдела прибыл. Порядок наводит.

Через несколько минут Фиолетов увидел «дохтура», который вышел с черного хода. За доктором показался солдат с медным котлом в руках, за солдатом — жирный, причитающий что-то хозяин харчевни. Все трое подошли к помойной яме, куда солдат и выбросил содержимое котла. Запахло тухлым и кислым.

— Мясо! — ахнул босоногий, облизывая сухие губы. Доктор с солдатом и хозяином сразу же возвратились в харчевню, и в ту же минуту босоногий рывком бросился к помойной яме, схватил кусок тухлого мяса и набил им рот.

— Ты что делаешь! — в ужасе крикнул Фиолетов.

— Не видишь, что ли, — ответил верзила, разрывая руками скользкие шматки. — Я три дня ничего не ел.

К яме подбежала тощая собака, понюхала и пустилась прочь.

Тем временем подошли еще несколько голодных и стали есть тухлятину. Через несколько минут от мяса не осталось и следа.

Фиолетов стоял, потрясенный увиденным. И этим мясом хозяин кормил людей! Брал с них последние копейки! Нет, такое безнаказанно оставить нельзя. Он посмотрел по сторонам — не видно ли полицейского? — и вскочил на оставленный хозяином стул.

— Товарищи! — крикнул он в толпу. — Только что вы были свидетелями потрясающего зрелища: голодные рабочие съели тухлое мясо, которое не стала есть собака. То самое мясо, которое собирался продать нам хозяин этого заведения. — Он показал рукой на харчевню. — Сотни кровопийц, подобных ему, впились в тела рабочих и сосут их кровь. Им все дозволено, потому что за их спинами стоят владельцы промыслов, полиция, стоит сам русский царь со сворой своих чиновников. Настал час положить конец их власти!

— Легко сказать! — крикнул кто-то из толпы.

— Да, сделать — куда труднее. Даже очень трудно. И все же возможно. Но при одном условии: если мы все, сообща…

— Кончай, браток, полицейский топает, — перебил Фиолетова тот же голос.

Фиолетов заторопился (он не сказал еще самого главного):

— В следующее воскресенье на Парапете будет первомайская

демонстрация. Я зову всех вас прийти туда. Вы слышите меня, люди?

— Слышим, слышим! — раздалось с разных сторон.

Фиолетов бросил в толпу пачку листовок, соскочил со стула, и толпа поглотила его прежде, чем через нее пробрался полицейский.

Утро 27 апреля выдалось росное, предвещавшее погожий день, и Балаханское шоссе давно не было таким оживленным. Люди шли, ехали на попутных подводах, у кого нашлись лишние двадцать копеек, нанимали извозчиков. Некоторые извозчики, узнав, куда и зачем идет народ, подвозили бесплатно. Был тут и старый Байрамов с осликом и арбой, на которую сажал детей. Но чаще всего люди просто шагали пешком много верст под весенним, но горячим солнцем.

— Ну, кажется, народ будет, — облегченно вздохнул Фиолетов.

Теперь его знали не только в мастерских Нобеля, но и на соседних промыслах, заводах, и многие, поравнявшись, перекидывались с ним несколькими словами.

— Остановитесь на Колюбякинской… На Николаевской… На Воронцовской, — напоминал Фиолетов. Это были улицы, прилегающие к Парапету. — И помните про воздушные шары!

На заседании комитета было решено, что сигналом для начала демонстрации будут несколько детских шаров, которые выпустят в небо назначенные для этого товарищи.

Порадовала встреча с Вано. Он шел с палочкой, и Фиолетов улыбнулся, зная ее секрет. Это было древко для знамени. Древко изготовляли в мастерских, оно складывалось втрое, превращаясь в трость.

Чем ближе подходили к городу, тем теснее становилось на улицах. Люди шли нарядные, веселые, как на праздник. Фиолетов смотрел на них, и у него от радости блуждала по лицу довольная улыбка.

Навстречу в лаковом фаэтоне с фонарями ехал управляющий одного из промыслов, солидный, с массивной золотой цепью от часов, покоившейся на животе. Кто-то из толпы вдруг схватил лошадей под уздцы, другие загородили дорогу.

— Не туда едешь, ваше благородие! — крикнул молодой рабочий в кожаной куртке. — А ну-ка поворачивай обратно!

В толпе рассмеялись.

— Да что вы, господа! Это безобразие! Вы что надумали? Я полицейского позову! — испуганно затараторил управляющий.

— Зови, зови. Только сперва повороти оглобли!

К половине двенадцатого все прилегающие к Парапету улицы были запружены народом. С точки зрения властей, ничего предосудительного в этом еще не было: ну собрались люди погулять, как-никак воскресенье. Но Фиолетов заметил, что полицейских было гораздо больше, чем обычно. Они расхаживали с невозмутимым видом, будто их нисколько не беспокоило это необычное скопление народа.

Фиолетов остановился на Кривой улице, где собирались рабочие механических мастерских Нобеля, и в это время услышал, что башенные часы пробили без четверти двенадцать.

Он разыскал токаря Гаджибекова, с которым работал в мастерских.

— Запускай шар, Расул!

— Один минут, Ванечка…

Гаджибеков поискал глазами мечеть, не нашел, вздохнул, повернулся лицом к востоку и отпустил шар.

— Пошли, товарищи! — крикнул Фиолетов, и рабочие двинулись на площадь.

Выбежал из соседней лавки Вано, где он ждал сигнала, на ходу превратил свою трость в древко и прикрепил к нему кусок красной материи со словами: «Да здравствует пролетарский праздник!»

Первомайская демонстрация началась.

На Парапете росли неказистые деревца, несколько человек взобрались туда, и сверху в толпу полетели листовки, выпущенные к этому дню Бакинским комитетом РСДРП. Они начинались словами: «Свобода! Восьмичасовой рабочий день!» Листовки читали вслух и прятали по карманам, засовывали за пазуху, чтобы потом передать другим.

Рабочие с Биби-Эйбата подняли еще один флаг с лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!»

Какая-то женщина сильным высоким голосом запела «Варшавянку» — ее разучивали на предмайских сходках, — и песню сразу подхватили.

И вдруг…

Фиолетов был готов к этому, но все же у него заколотилось сердце, когда он увидел, как со стороны набережной показался взвод конных казаков с винтовками за плечами. Из-под околышей казацких фуражек торчали взлохмаченные чубы. Впереди скакал офицер в синей шинели и с медалью «За усердие» на груди.

На площади офицер, а вслед за ним и казаки резко осадили коней.

Подъехал закрытый пароконный фаэтон; из него вышли полицеймейстер и пристав и молча рассматривали толпу.

Растерявшиеся было рабочие осмелели, стали грозить им кулаками. Слышались выкрики:

— Долой казаков!

— Долой полицейских собак!

Тучный пристав, придерживая рукой шашку, сделал несколько шагов вперед и остановился, глядя в упор на оказавшегося перед ним Фиолетова.

— Чего вы хотите — вы, так называемые пролетарии? — в голосе пристава слышалась издевка.

— Политических свобод. Восьмичасового рабочего дня. России без царя, — ответил Фиолетов.

— Молчать! — взвился пристав, хватаясь за пистолет. — Разойдись!

— Вы же сами просили ответить. — Фиолетов усмехнулся.

— Господа! Я прошу разойтись! — вторил приставу полицеймейстер.

Никто не пошевелился.

Полицеймейстер переглянулся с казачьим офицером, и казаки защелкали затворами винтовок.

— Готовсь! — раздалась команда.

Толпа шарахнулась в сторону, закричали женщины, подхватывая на руки детей.

Некоторые рабочие были вооружены, и они тоже приготовили револьверы, ножи, палки. Другие стали выворачивать булыжники из мостовой.

К Фиолетову подбежал Вано, все еще со знаменем в руках, и встал рядом. Стало тихо и жутко.

— Взвод, пли! — прозвучала короткая команда.

Грянул залп, но пули никого не задели: казаки стреляли поверх толпы. Побежавшие было люди остановились, кто-то крикнул:

— Молодцы, казаки! В своих не стреляют!

— Ах, так? — пристав выхватил револьвер, но выстрелить не успел. Рабочий с завода Питоева швырнул в него камнем и попал в голову.

Это было настолько неожиданно, что пристав выронил револьвер и пустился бежать. За ним, оглушительно свистя, бросились несколько рабочих. Полицеймейстер стоял растерянный и напуганный. Казаки безмолвствовали.

Дом пристава был рядом, и Абдула, который оказался среди тех, кто гнался за приставом, потом с удовольствием рассказывал, как перепуганная насмерть жена блюстителя порядка умоляла рабочих, чтобы они пощадили ее мужа. «Он больше не будет, — лепетала она и, вталкивая своего благоверного в дверь, кричала в

сердцах: — Я ж тебе, дураку, говорила — не ходи!»

Площадь стала пустеть, ушли казаки, уехал в своей закрытой карете полицеймейстер, и Фиолетов облегченно вздохнул.

Он думал: демонстрация удалась. Обошлось без жертв. Рабочие почувствовали свою силу. За один этот день люди стали намного ближе друг другу.

Фиолетов возвращался домой поздней ночью — мастер заставил работать сверхурочно — и вдруг при свете вечно горящих газовых факелов, заменявших на промыслах уличные фонари, увидел вдалеке силуэт женщины, которая что-то торопливо приклеивала к забору. Когда он подбежал к тому месту, женщины уже не было, а на заборе висела листовка, подписанная Кавказским союзом РСДРП.

Фиолетов знал об этих листовках, недавно их привез из Тифлиса грузин, назвавшийся Шота. Но кто же наклеил эту?

Он бросился было вслед за женщиной, но потерял ее из виду. Прошел еще квартал, вернулся назад, посмотрел по сторонам и остановился, не зная, куда идти дальше.

И тут он услышал голос Ольги:

— Это ты, Ванечка? А я думаю: кто это за мной следит? — Она вышла из своего укрытия — сторожевой будки возле заброшенного промысла.

— Ольга? Вот так встреча! — Он обрадовался вдвойне: и тому, что ее увидел, и тому, что именно она, а не кто-либо другой делала это опасное дело. — Я почему-то так и подумал, что это ты… И перепугался…

— Почему испугался, Ванечка?

— Опасное это дело.

«Опасное», «опасное»… — дружелюбно передразнила она. — Лучше возьми да помоги мне. Видишь, сколько еще осталось.

Вдвоем они справились быстро, и сумка, в которой Ольга хранила листовки, опустела.

— Тебе кто их дал? — спросил Фиолетов. — Авель?

— Нет, Петр… не знаю его фамилии.

— Монтин. Слесарем в Черном городе работает… — Он чуть помолчал. — Послушай, Ольга, почему ты на демонстрации не была?

— Как не была? Была и даже красный флаг несла.

— Почему же я тебя не видел? Я искал…

Она рассмеялась:

— …Иголку в стоге сена. Народу-то сколько было!

— Это верно… Одна была или с Иваном?

— Одна. Он не пошел. Да и мне не велел. Считает, что не

женское это дело. А я пошла…

— Ты, оказывается, к тому же еще и непослушная жена.

— Ага… Не по Евангелию… Как это там говорится: «Жена да убоится своего мужа». — Она чуть помолчала. — Послушай, Ванечка, ты вроде приглашал меня по городу погулять, так ежели не раздумал, давай в воскресенье в крепость съездим.

Фиолетов обрадовался.

— С удовольствием, Оля.

— Меня Лелей дома мать звала. И ты так зови.

— Как хочешь. Могу и Лелей… Где мне тебя ждать?

— Ждать меня не надо. Я сама за тобой зайду часов в десять. Мне по дороге…

С самого утра в воскресенье Фиолетов не находил себе места. Надел новую вышитую косоворотку, до блеска начистил штиблеты и долго перед зеркальцем расчесывал волосы смоченным в воде гребешком.

— Что это ты прихорашиваешься, Вайя? Собрался куда? — спросила мать.

— На свидание готовится. Не видишь, что ли? — подал голос отчим.

— В город поеду, мама.

— А может, и вправду на свидание? — спросила мать. — Давно ль зазнобу нашел?

— Какую там зазнобу, мама. Просто знакомую. Она модисткой работает у нас в Сабунчах. Сегодня обещала зайти.

— Что ж, поглядим, кого ты мне в невестки выбрал.

Фиолетов хотел сказать, что Ольга замужем и о невесте говорить нечего, но не сказал. Мать была строгих правил и его знакомство с замужней женщиной, конечно, не одобрила бы.

…Ольга пришла почти точно, как обещала. Фиолетов уже давно ходил взад-вперед около дома, поджидал, нетерпеливо поглядывая в ту сторону, откуда она должна была показаться.

Из дверей хибары, которую занимали Знаменские, вышла мать и посмотрела из-под руки на Ольгу.

— Кто это? — спросила Ольга. — Мама?

Он кивнул.

— Видать, строгая женщина. Небось меня за невесту принимает?

— Угадала. — Он обернулся к матери. — Мам, мы пошли… Вернусь, наверно, поздно.

…В воскресный день на балаханской дороге извозчики часто возвращались в Баку порожняком, и Фиолетов остановил одного из них.

— Прошу вас, госпожа Банникова. — Он церемонно поклонился. — Садитесь. Экипаж подан!

— Ты меня, Ванечка, Банниковой не называй, — сказала Ольга, когда они уже отъехали.

— А как же прикажете вас величать? — Его все еще не покидало шутливое настроение. — Фиолетовой, что ли?

— Ну, до этого далеко, как до бога.

Дорога была знакомая, и Фиолетов не обращал внимания на многочисленные лавчонки и харчевни, на чеканщиков и слепцов персов, сидевших с протянутой рукой у края дороги.

— До чего ж есть хочется, — вдруг объявила Ольга. — Я сегодня позавтракать не успела.

— Что ж до сих пор молчала! Вот чудачка… Сейчас мы это исправим.

Они все же доехали до вокзала, где он рассчитался с извозчиком, даже шиканул, дав ему алтын на чай.

— Может, в ресторан зайдем? — спросил Ольгу.

— В ресторан? — Она искренне удивилась. — Зачем деньги лишние тратить? Или их у тебя много? Ты купи мне теплый лаваш. Страсть как люблю лаваш.

— Только и всего? — Фиолетов даже чуть-чуть обиделся за то, что так скромны ее желания.

— Только и всего… Лучше потом что-нибудь еще купим.

Лаваш пекли тут же на привокзальной площади.

Под навесом от солнца была устроена в земле круглая, обмазанная глиной печь вровень с полом. На дне ее голубоватым пламенем горел слой древесного угля. Работали трое. Один месил тесто в бадье, другой его раскатывал валиком, третий растягивал, придавая форму лепешки, и укладывал на деревянную доску с ручкой. Одним взмахом руки он припечатывал лепешку к накаленной стенке печи. Лаваш тут же вздувался, пузырился, румянился и через минуту-другую был готов.

Они купили по горячему лавашу и, укрывшись в тени вокзала, с аппетитом поели.

На улицах шла бойкая торговля, из подвальчиков доносились веселые голоса, запахи плова и шашлыка, кричали разносчики сладостей, на все лады расхваливавшие свой товар.

И вдруг все стихло. Выбежали из лавок торговцы, высыпал народ из харчевен, и все стали смотреть в сторону дороги. Оттуда доносились истошные многоголосые крики толпы. Все слышнее, слышнее…

— Что это? — Ольга испуганно схватила Фиолетова за руку.

— Не знаю, Леля…

Крики приближались, и вскоре они увидели большую толпу мусульман, одетых в черные до пят балахоны с овальными вырезами на спинах. Каждый держал в руке тонкую металлическую цепь, которую с криком «шахсей-вахсей!» опускал себе на спину, уже превращенную в кровавое месиво.

Позади шли люди в балахонах белого цвета. Они наносили себе удары кинжалами по бритым головам. Мулла — мусульманский священник — в белоснежной пышной чалме, с толстой священной книгой в руках возглавлял это жуткое шествие и заунывным бесстрастным голосом читал нескончаемую молитву. Его нисколько не беспокоило, что вокруг ручьями лилась кровь.

Все тротуары и плоские крыши домов были заняты людьми. У мужчин были безучастные, окаменевшие лица, женщины, наоборот, вели себя истово: кричали, царапали лицо ногтями, рвали на себе волосы.

— Ванечка, что это? Что? Мне страшно…

— Не бойся, глупенькая… Им не до нас.

— Грехи у аллаха замаливают, — объяснила какая-то русская женщина.

— Грехи? — переспросил Фиолетов. — Так вот оно что…

Он поморщился, словно от боли. И не потому, что вдруг испугался этих людей, потерявших человеческий облик. Ему стало страшно при виде дикого невежества и религиозного фанатизма. Сотни только что прошедших перед ним людей, чьей энергии хватило бы на свершение большого, доброго дела, проливали кровь и тратили силы на самоистязание во имя аллаха.

Как же суметь направить эту силу в нужную сторону, на благо, а не во вред им самим?

…Остаток дня Фиолетов находился под впечатлением увиденного. Радостное настроение, с которым он встретил утро, было испорчено. Они с Ольгой зашли в чайхану, пили там вкусный чай из тонких, как бы перетянутых посредине пояском стаканов.

— Ты о чем все время думаешь? — спросила Ольга.

— Об этих фанатиках.

— Дались они тебе.

— Дались, Леля. Ведь нам с ними и жить и работать. Рядом. Вместе.

Глава пятая

Дул свирепый норд-ост, и поднятая им пыль осыпала прохожих, слепила глаза и норовила сорвать шляпу с Авеля. На Фиолетове была фуражка, и он ее лишь плотнее надвинул на лоб.

— Ну и погодка в этом Баку, — проворчал Енукидзе. Уроженец благодатной Кутаисской губернии с ее мягким, теплым климатом, он никак не мог привыкнуть к бакинским ветрам, которые называл не иначе как самумами.

Он недавно, и снова нелегально, вернулся в Баку после недолгой отсидки в тифлисской тюрьме. Его арестовали в Баку с чемоданом, в котором лежали номера «Искры» с проектом программы партии и несколько брошюр Ленина «Что делать?». Когда допрашивавший его следователь на минуту вышел из кабинета, Енукидзе взял со стола газету и брошюру. «Ты что делаешь!» — заорал на него полицейский, опешивший от дерзости арестанта. «Ничего особенного. Меня уже обыскали», — спокойно пояснил Енукидзе. Стражник так ничего и не сказал следователю, и Авель унес в камеру номер «Искры» и ленинскую работу…

Ветер трепал афиши, наклеенные на круглых тумбах под железными конусообразными крышами. Рядом с анонсом какого-то одноактного водевиля, извещением о предстоящих бегах, объявлением о выступлениях учеников мусульманской школы висели старые афиши, на которых крупными буквами было написано: «Вера Федоровна Комиссаржевская в спектакле „Бой бабочек“ Зудермана».

— Смотрел? — поинтересовался Енукидзе, показывая взглядом на афишу.

— Не довелось, товарищ Авель.

— Жаль. Успех потрясающий! Ай, какой успех! — Енукидзе даже причмокнул от восторга. — Бешеные деньги за билеты. Выручка от каждого спектакля пятьсот, восемьсот, тысяча рублей.

— Так она, выходит, буржуйка. — Фиолетов ухмыльнулся.

— Не говори так, кацо, если ничего не знаешь, — оборвал Енукидзе.

Его так и подмывало поделиться тем, что он недавно услышал об актрисе от самого Красина, к которому они сейчас и шли, но, поразмыслив, решил повременить с рассказом.

Инженер Красин, работавший на строительстве электростанции, жил в небольшом особняке, стоявшем на ее территории, огороженной массивной оградой. У ворот в будке постоянно дежурил сторож. За квартал от проходной Енукидзе

остановился.

— Сначала я пойду, генацвале, потом ты. Пароль помнишь? — спросил Енукидзе.

У проходной Фиолетова встретил, могучего телосложения горец в белой барашковой шапке и бешмете, с которыми, говорили, он не расставался ни при какой погоде.

— Куда идешь, дарагой? Кто тэбэ надо? — Сторож сурово сдвинул широкие черные брови и преградил Фиолетову дорогу.

— Меня ожидает моя сестра…

Если бы в этот неурочный час сторож не услышал пароля, он заподозрил бы — и не без основания — в пришедшем шпиона и отшил бы его давно заученной фразой: «Лэаиыд Барысовыч нэт дома!» Но пароль был произнесен, и Георгий Дандуров — так звали привратника — приветливо улыбнулся.

— Прахады, дарагой. Лэаныд Барысовыч сыдыт дома.

Енукидзе поджидал Фиолетова под чахлым деревцем акации, бросавшим на землю редкую узорчатую тень.

— Как тебе поправился наш Георгий? — спросил он. — Очень надежный товарищ! Сколько запрещенной литературы перепрятал…

Подойдя к домику, Енукидзе несколько раз нажал кнопку электрического звонка — устройства нового для Баку (здесь в богатых домах пользовались подвешенным к воротам молотком) — и прислушался. Звонок, очевидно, был условным, потому что дверь сразу же отворилась, и Фиолетов увидел худощавого высокого человека с ухоженной бородкой, изящно одетого, с галстуком на стоячем накрахмаленном воротничке.

— Здравствуйте, Авель Сафронович! — голос у Красина был низкий, с басовитыми нотками. — А, вы с незнакомым мне гостем?

— По рассказам вы его давно знаете: Фиолетов с Балахан.

— Иван Тимофеевич? Очень рад. Я много слышал о вас и давно хотел с вами встретиться.

Красин протянул руку, на которую Фиолетов невольно обратил внимание: она вся была в желтых пятнах.

— Это от проявителя, — сказал Красин. — Не успел оттереть… Прошу!

Приветливым жестом он показал на дверь в кабинет, заставленный полками с книгами, на которые жадным взглядом уставился Фиолетов. Здесь были книги по технике, по истории, по искусству, беллетристика… На степе рядом с семейными фотографиями висели прикрепленные кнопками афиши выступлений Комиссаржевской.

Красин сразу заговорил о деле.

— Есть новости на промыслах, Иван Тимофеевич?

— Новости, Леонид Борисович, есть, однако не очень приятные. Уж больно плохо живет народ. — И он рассказал про случай с тухлым мясом.

— Да, это страшно. — Красин тяжело вздохнул. — Нужны самые решительные меры…

— Вот мы и пришли к вам посоветоваться… насчет забастовки.

— Да, да, я знаю… — Красин задумался. — Видите ли, товарищи, стачечная борьба как один из способов улучшения жизни рабочих средство эффективное и проверенное всем ходом революционного движения. Далеко не все стачки закончились победой рабочих, но они мобилизовали их на продолжение борьбы, которая в конце концов приведет к поражению не только капиталистов, но и того политического строя, при котором капитализм процветает.

Красин говорил легко, интересно, и Фиолетов слушал его с искренним вниманием.

— Так, значит, вы одобряете решение комитета, Леонид Борисович? — спросил Фиолетов.

— Конечно! И начинать надо не затягивая. Полагаю, что этим мы покажем пример революционным рабочим всей России… Кстати, на забастовку понадобятся деньги.

— И немалые, — сказал Енукидзе. — Товарищ Вацек жаловался, что партийная касса почти пуста.

— Вот, вот… — Красин вынул из бумажника несколько крупных купюр. — Я на неделе отлучусь и не скоро увижу Ивана Прокофьевича. Не откажите в любезности передать ему это для партийной кассы.

— Спасибо, Леонид Борисович. — Енукидзе сделал вид, что принюхивается к деньгам. — Пахнут типографской краской?

Красин весело усмехнулся, очевидно вспоминая что-то интересное.

— Нет, Авель Сафронович, это уже не *те. Те*, как вы знаете, целиком ушли на покупку печатной машины.

— Да, вот это был подарок… Какая чудесная женщина! — воскликнул Енукидзе.

— Вера Федоровна? Изумительная! — Красин взглянул на Фиолетова. — Иван Тимофеевич не в курсе дела? Нет? Тогда можете рассказать ему при случае. История действительно поучительная… А пока, друзья, у меня просьба — срочно отнести «Нине» пару листов из «Искры». Я только что проявил и отпечатал полученные утром пленки. — Красин вышел в прихожую и вернулся с пачкой фотографических оттисков. — Отдайте сие

наборщикам. Между прочим, Владимир Ильич пристально следит за тем, как мы печатаем и транспортируем газету. Здесь, — он показал глазами на шкаф, — лежат шифровки, полученные от редакции «Искры».

— А вы не боитесь их хранить у себя? — спросил Фиолетов.

— Боюсь. Но не потому, что меня могут за них упрятать в тюрьму, а потому, что, попав в руки жандармов, они безвозвратно исчезнут. А ведь в них — история нашей партии.

Енукидзе положил в карман драгоценные листки. Пленку, с которой они печатались, вчера привезли из Батума. Туда ее доставили на пароходе, пришедшем из Марселя. Свой человек бросил ее с палубы в море, другой выловил ее в воде и отвез на вокзал…

От Красина Фиолетов и Енукидзе тоже вышли порознь и встретились уже на соседней улице, чтобы вместе пойти в подпольную типографию «Нина».

По дороге Фиолетов вспомнил, что Авель хотел рассказать ему о Комиссаржевской.

Енукидзе хлопнул себя ладонью по лбу.

— Конечно, дорогой! Совсем забыл. Я бы держал это в секрете, но раз Леонид Борисович разрешил… В общем, так. Вера Федоровна дала благотворительный концерт в пользу… бакинских социал-демократов. И где! На дому у начальника жандармов, который в нее по уши влюбился. Явилась вся знать. Леонид Борисович тоже был. Билеты — не дешевле пятидесяти рублей… В антракте Вере Федоровне поднесли букет из сторублевок, Красин понюхал и шепнул ей: «Типографской краской пахнет». Намекнул, что эти деньги пойдут на покупку печатной машины… В общем, Комиссаржевская ссудила Леониду Борисовичу около трех тысяч рублей.

— Вот это да… — протянул Фиолетов. — Теперь я вдвойне жалею, что не сходил на ее спектакль.

Они долго брели глухими улицами, пока не подошли к одноэтажному малоприметному дому в татарской части города, стоявшему в глубине неуютного двора, обнесенного высокой стеной. Улица была пустынна. Только один мужчина стоял возле лачуги ремесленника и что-то разглядывал там. Енукидзе незаметно перемигнулся с ним.

— Порядок, — сказал Енукидзе.

Дверь была заперта, но у Авеля оказался ключ, и они вошли в помещение, похожее на жилье небогатого торговца. У одной из стен стоял застекленный шкаф. Енукидзе открыл его дверцу и поднял дно. Под ним открылись ступеньки подземного хода,

ведущего в другое помещение. Оттуда доносились голоса и шелест машины.

Большая калильная лампа освещала типографию — наборщиков, печатников, корректора за конторкой и тщедушного грузина, изо всех сил крутившего медленное колесо машины. В углу лежали кипы листовок, прокламаций, брошюр, готовых к отправке во все концы России.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Енукидзе и подошел к стоящему у талера наборщику. — Это очень срочно, Сильвестр. Набирай, а я займусь корректурой.

— П-пачему друзей не узнаешь, В-ванечка? — услышал Фиолетов.

Так заикаться мог только Вано.

— Прости, со свету не разглядел. Ты что здесь делаешь?

— Вано ведает отправкой всей нашей продукции, — ответил Енукидзе. — Пакует, отвозит на вокзал. Очень ответственная работа…

— Я пришел к тебе, Ванечка… Я не пошел к господину Гукасову и к господину управляющему. И к мастеру тоже не пошел, а пошел к тебе. Потому что ни господин Гукасов, ни господин управляющий, ни мастер не станут меня слушать.

— Да ты успокойся, Ахмет, и расскажи все по порядку.

— Не могу успокоиться, Ванечка. Разве я могу быть спокойным, если этот мерзавец, этот шайтан ночью выбил все стекла в моей квартире и один раз выстрелил по моим детям? Разве дети виноваты, что их отец не может отдать долг? Скажи, разве дети виноваты?

Ахмет, пожилой тартальщик с промысла Гукасова, видел Фиолетова впервые. Он жил в другом районе, но кто-то из рабочих посоветовал, что ему, Ахмету, обязательно надо разыскать русского человека, которого все зовут Ванечка, и он поможет, скажет, что надо делать… И Ахмет разыскал.

— Как фамилия этого лавочника? — спросил Фиолетов.

— Султанов. Такой жирный, пузо висит, как курдюк у хорошего барана. Может, ты его знаешь?

— Не знаю, Ахмет. Лавочников много толстых. Но это неважно. Они все на один манер — и толстые, и тонкие.

— Нет, Ванечка. Такого толстого, как Султанов, нету на всем базаре. Но не в этом дело. Когда моя бедная Сальминаз-ханум шибко заболела, — Ахмет поднял глаза к небу, — да ниспошлет аллах благословение на ее безгрешную душу, я не вышел на работу. И меня выгнали как собаку, сказали, что такие, как я, им не нужны, есть много людей, которые меня заменят. Но работай

или не работай, а есть все равно надо. Правильно я говорю? И я пошел к этому жирному в лавку, и низко поклонился ему, и даже заплакал, потому что у меня было очень тяжело на сердце. Тогда этот шайтан сказал, что входит в мое положение и будет отпускать мне товар по распискам. Я опять низко поклонился ему, хотя за фунт баранины, который на базаре стоит шестнадцать копеек, он брал с меня двадцать две. Фунт риса стоит восемь копеек, а по расписке — двенадцать. Так же — хлеб, спички, сахар. Мне все это очень было нужно, потому что Сальминаз-ханум сильно болела, и скоро аллах взял ее к себе на небо…

Ахмет замолчал и вытер слезы большим красным платком. Фиолетов слушал, не перебивая. Он сидел, закрыв глаза, вроде бы безучастно, и только дробь, которую невольно выбивали его пальцы, показывала, как он взволнован.

— И тут пришел срок платить, — продолжал Ахмет. — А чем я мог заплатить, если не работал? И я не заплатил. Тогда пузатый шайтан позвал своих молодчиков, и они вышибли мне все стекла и один раз ночью выстрелили в комнату. А там спали дети. Сальминаз-ханум нету, а дети остались, трое мальчиков и один девочка.

Их тоже надо кормить… Вот так, Ванечка. А теперь скажи, что мне делать. Мне сказали, что только ты можешь дать хороший совет.

Фиолетов вздохнул.

— Ты сколько должен Султанову? — спросил он.

— Пять рублей и двадцать семь копеек, чтоб он подавился теми костями, которые он продавал за мясо.

Фиолетов достал из кармана бумажник.

— Вот тебе пять с полтиной. Отдашь, когда разбогатеешь… А насчет того, что тебе делать дальше… давай мы так условимся. Приходи завтра часам к семи вечера к Волчьим Воротам. И своих товарищей приведи, если сможешь. Будем говорить, что делать и тебе, и таким, как ты. Большой разговор будет.

…Деньги Фиолетов отдал последние. Он понимал, что помог только одному человеку, а на промыслах по распискам брали у лавочников продукты тысячи бедняков и безработных, которых грабили настолько беззастенчиво, что об этом писали даже официальные бакинские газеты «Баку» и «Каспий». «Нересс кидался на должника с ножом и ранил в руку». Эту заметку Фиолетов прочитал сегодня в «Каспии». Рядом была другая заметка: «Управляющий „Бакинским нефтяным обществом“ Маншин принимает на работу только тех, кто ему даст подписку — не бастовать».

— Не бастовать… — повторил Фиолетов и усмехнулся. На сходке, которую Бакинский комитет назначил у Волчьих Ворот, речь пойдет как раз о забастовке.

…К полудню окружавшие Волчьи Ворота холмы кишели народом, собравшимся сюда со всех бакинских промыслов. Ни песен, ни шуток не было слышно. Люди пришли не веселиться, а решать свою судьбу: что делать дальше, как жить. Палило летнее солнце, но никто не жаловался на жару, на мучительное безветрие, все ждали, что скажут ораторы.

Фиолетов пожал руку Вацеку, Монтину, другим товарищам. Все они готовились выступить на сходке, но первое слово, как договорились раньше, должен был сказать Фиолетов.

— Ну что ж, Ванечка, начинай…

— Товарищи!

Гомонящая до этого толпа притихла, все обернулись к Фиолетову, который взобрался повыше, чтобы его было лучше видно и слышно. Он ничем не выделялся из собравшихся на сходку рабочих, был в своей обычной косоворотке навыпуск, с картузом в руке.

— Товарищи! Мы сегодня пришли сюда, чтобы подумать сообща, как нам жить дальше, потому что жить так, как мы живем сейчас, в бесправии, в нищете, в обиде и зле, — так жить дальше нельзя. Нас эксплуатируют капиталисты, платят нам гроши за наш адский труд (я сам рабочий, и я знаю, что это за труд), нас обсчитывают приказчики, на нас наживаются лавочники… — Фиолетов поискал глазами Ахмета, которого вчера приглашал на сходку, но, конечно, не нашел в многотысячной толпе. — Мы пробовали говорить с капиталистами по-хорошему, но такие разговоры ни к чему не привели, разговора по-хорошему капиталисты не понимают. С этими господами надо говорить по-другому, другим языком.

Несколько голосов поддержали Фиолетова:

— Правильно, Ванечка!

Он уже не удивлялся, как прежде, что его узнают совершенно незнакомые ему люди, кланяются при встрече и запросто называют по имени.

На сходку пришли и персы. Они ни слова не понимали по-русски, но слушали внимательно и аплодировали вместе со всеми. Один из них, очевидно немного знающий язык, время от времени переводил соплеменникам какую-нибудь фразу.

Много было азербайджанцев с буровых вышек. Фиолетов видел устремленные на него задумчивые глаза.

— Однако и на капиталистов можно найти управу. Не так они и сильны, если хорошо разобраться. Нас ведь много, в сотни, в

тысячи раз больше, чем их. И мы — сила, если выступим сообща, все, как один. Забастовка — вот что заставит капиталистов выполнить наши требования.

Увлекшись, он не заметил, что стоявший перед ним рабочий несколько раз взглядом показывал ему на соседний холм. Там, на вершине, уже стояло несколько всадников с винтовками за плечами.

— Казаки!

Толпа встрепенулась, вздрогнула, но скоро успокоилась; Фиолетов продолжал говорить, будто и не видел опасности.

Через несколько минут на холме уже была вся казацкая сотня. На других высотках появились полицейские, дворники с бляхами на груди, солдаты в белых фуражках.

— Продолжай, Ванечка. Мы слушаем…

Кольцо окружения смыкалось, и вот уже продрался через толпу к оратору уездный начальник, выкрикивая на ходу:

— Прекратить речи и разойтись!

— Мы тебя слушаем, Ванечка! Продолжай!

Фиолетов сделал вид, что не замечает стоящего в двух шагах от него офицера.

— …причиной всех наших бед, причиной всех наших несчастий, нашей трудной, голодной, бесправной жизни является царский строй… Только уничтожив самодержавие…

— Молчать! — заорал уездный начальник. — Закрыть собрание и разойтись! — Он повернул к Фиолетову багровое от напряжения лицо. — А еще русский! Якшается с этакими черномазыми… Тьфу! Молчать! — снова крикнул он.

— Извините, я еще не кончил… Впрочем, если вам не по душе, что я русский и говорю по-русски…

Он с ходу перешел на азербайджанский, и надо было видеть, как всколыхнулись, как зааплодировали ему рабочие с буровых! Они впервые услышали, что русский человек, выступая, обращается к ним на их родном языке.

Уездный начальник растерялся.

— Говорите хотя бы по-русски… Фиолетов насмешливо глянул на него.

— Приведите своих казаков, свое доблестное войско, и я с ними буду говорить по-русски. А здесь, для этих слушателей, позвольте мне самому определить, на каком языке говорить с ними.

Последнюю перед забастовкой ночь Фиолетов провел почти без сна, несколько раз забывался в полудреме, но тут же вскакивал с постели — боялся опоздать на промысел Мусы

Нагиева, где ему поручили выступать на митинге.

Как всегда, в пять часов проснулась мать и начала готовить завтрак. Отчим тоже оделся и стал собираться на работу.

— А ты куда? Ведь забастовка! — накинулся на него Фиолетов.

— Забастовка забастовкой, а к работе быть готовым надо.

— Ты что это, в штрейкбрехеры задумал податься?

— Не знаю такого мудреного слова, Иван. Вот вчерась с Переделкиным Петром видался, он сказывал, что пустое это дело — забастовка, надо на работу ходить. Вот я и собрался.

— Ты против своих пойдешь? Поперек дороги им хочешь стать? Так?

— Мне, Иван, жить надо. И семью кормить…

— Много ты ее кормишь! — Фиолетов обозлился. — Твое, конечно, дело, но после этого рядом с тобой ни один человек работать не станет. И руки тебе не подаст.

Отчим растерянно посмотрел на него.

— Так кого ж мне слушаться, Ваня? Тебя или Петра?

— Совести своей слушайся, дядя Саша.

Фиолетов подошел к промыслу Мусы Нагиева в то время, когда народ только стал собираться. Ночная смена еще работала — забастовка должна была начаться с семи утра, — дневная подходила к буровым, надеясь послушать кого-нибудь из вожаков стачки.

Фиолетов поискал Абдулу. Вчера на сходке ему поручили дать гудок, который возвестит о том, что промысел Нагиева начинает забастовку.

Вид у Абдулы был встревоженный.

— Ванечка, хорошо, что пришел. Кочегарка заперта. Что делать?

— Ломать дверь.

— Ай-ай-ай! Ломать чужую дверь! А это хорошо?

Фиолетов хмыкнул.

— Нет, плохо. Между прочим, бастовать тоже плохо… с точки зрения господина Нагиева… Ладно, Абдула, идем к кочегарке.

— Они там заперлись, Ванечка. Это Садыков. Плохой человек. Я его знаю.

— А ну, ребята, кто с нами? — крикнул Фиолетов. — Дверь в кочегарку ломать будем.

Добровольцы нашлись сразу. Несколько человек подняли с земли бревно, и дверь рухнула от ударов.

— Не пущу! — крикнул кочегар, широко расставив руки. — Не имеете права! Буду жаловаться!

Его оттолкнули в сторону, и Абдула потянул за сигнальную

веревку. Над промыслом заревел протяжный, долгий, тревожный гудок. Сначала он ничем не отличался от привычного, множество раз всеми слышанного гудка, но потом вдруг словно застонал, смолк и застонал снова. Так гудели во время пожара. И тут в ответ на этот первый гудок застонали так же другие гудки — басы, дисканты, альты — со всех сторон Черного города, Балахан, Белого города, Биби-Эйбата. Эти гудки не приглашали рабочий люд начать свой трудовой день, а призывали к другому — не выходить на работу, и тысячные толпы рабочих сгрудились у проходных ворот, так и не пройдя через них.

— Товарищи! Поздравляю вас с началом забастовки! — крикнул Фиолетов, выйдя из кочегарки. — Помните, мы не одни. Завтра к нам присоединятся рабочие самого Баку, и тогда забастовка охватит все промысловые районы и станет всеобщей!

«Мы»… Это слово как-то незаметно вошло в его обиход и все чаще заменяло привычное «я». Выступая перед рабочими, он теперь говорил не от своего имени, вернее, не только от своего, но и от имени тех, кто взвалил на свои плечи великую ношу ответственности за рабочее дело. И в то же время «мы» означало, что он отождествляет себя и с Абдулой, и с овдовевшим Ахметом, и с Ольгой — с любым из тех, от судьбы которых он отныне не отделял свою судьбу.

Фиолетова долго не отпускали, он все отвечал на вопросы, пока к нему не подошел Абдула.

— Отец приехал…

Вчера вечером, когда Фиолетов зашел к Байрамовым и сказал, что завтра ему надо выступать в трех местах, старый Ибрагим тут же предложил свою помощь.

— Здравствуй, Ванечка, да сделает аллах твою жизнь сладкой и безмятежной…

— О нет, дядя Ибрагим! Сладкой и безмятежной — это не для меня… Спасибо, что приехали. Мне на промысел Бенкендорфа к десяти часам надо. Успеем?

— Успеем, Ванечка… А потом куда тебя отвезти?

— В Белый город, дядя Ибрагим. А вечером — на Баилов. Но туда я конкой поеду.

…Воспользоваться конкой не удалось: к этому времени работники бакинской конно-железной дороги ужо забастовали, и на Баилов мыс Фиолетов шел пешком. Ему надо было повидать Красина и передать ему листовку Бакинского комитета.

Город трудно было узнать. Это был другой, как бы застывший, остановившийся город. Не было видно ни извозчиков, ни ломовиков, лишь изредка по притихшим улицам проезжал фаэтон с каким-нибудь важным чином. Многие лавки были

закрыты, торговали только водой на выносных столиках да чаем в чайханах.

— Я к вам с поручением комитета, Леонид Борисович, — сказал Фиолетов. — Просят срочно отпечатать тысячу штук.

Листовку Красин прочел при керосиновой лампе. Рабочие Баиловской электростанции уже бастовали.

— «Силою вещей забастовка, объявленная черногородскими и биби-эйбатскими товарищами, стала всеобщей стачкой всех рабочих бакинской промышленности. Промышленная жизнь Баку-Балаханского района замерла. Забастовка железнодорожных рабочих распространилась по всей Закавказской линии. Товарные поезда встали, пассажирские идут с большим опозданием. Нефтепромышленники терпят большие убытки. Товарищи! Держитесь крепко и дружно, и победа за нами!»

Лампа коптила, и Красин, читая, то выкручивал, то вкручивал фитиль.

— Я строил электростанцию для того, чтобы она давала свет и энергию. А сегодня я очень рад, что она не дает ни того, ни другого. — Леонид Борисович тихонько засмеялся. — Такова диалектика.

Он подошел к окну и открыл его.

— Георгий, зайдите, пожалуйста, ко мне.

— Слушаюсь, Лэаныд Барысович.

— Будьте добры, голубчик, отнесите это письмо «Нине» и попросите, чтобы к утру была отпечатала тысяча экземпляров… А сейчас, — Красин взглянул на Фиолетова, — я вам покажу кое-что весьма интересное — номер «Искры» со статьей о бакинской стачке. Вот послушайте: «Телеграф принес известие о всеобщей стачке в Баку… Это грандиозное восстание бакинских рабочих…» Вы слышите, Иван Тимофеевич, гран-ди-оз-ное! «Рабочее движение на Кавказе, — продолжал он, — еще очень молодо, но оно имеет уже за собой целый ряд блестящих выступлений пролетариата. В короткое время кавказские рабочие опередили товарищей многих местностей, ранее их захваченных движением».

— Вот это да! — радостно промолвил Фиолетов.

— И что особенно приятно, мы не одиноки. — Красин вынул из стола карту Российской империи. — Смотрите, Иван Тимофеевич, сколько промышленных городов уже откликнулись на нашу стачку! Тифлис, Батум, Поти, Кутаис, Киев, Николаев, Одесса, Екатеринослав. Весь Юг охвачен стачечным огнем. Это ли не победа! Один товарищ рассказал мне, что шеф жандармов

Плеве изволил заявить, что именно Баку является «гнездом всероссийской анархии». — Красин улыбнулся. — Можем гордиться, ибо в охватившей ваш город «всероссийской анархии» есть пусть малая, но и наша с вами заслуга.

Стачка продолжалась уже третью неделю, и нефтепромышленники забеспокоились не на шутку. Каждый день забастовки им обходился в сотни тысяч рублей. На время были забыты взаимные раздоры. Миллионеры стали лихорадочно искать выход.

Мысль попробовать договориться с рабочими принадлежала «отцу нации» — гаджи Зейналу-Абдин Тагиеву, действительному статскому советнику, чью грудь украшали орден Святой Анны первой степени и персидская орден «Льва и солнца». Тагиев был совершенно неграмотен и вместо подписи на всех документах ставил свою именную печать и чертил шестнадцать палочек.

Перед этим невероятно богатым человеком пресмыкались даже его соперники. Когда гаджи собирал у себя бакинскую мусульманскую знать, чтобы посоветоваться, как поступить в том или ином случае, и спрашивал, откуда дует ветер, справа или слева, ему подобострастно отвечали: «Достопочтенный гаджи! Зачем спрашиваешь? Твоя нога знает больше, чем наши головы».

И вот этот человек решил, что время не терпит и надо, смирив гордыню, поговорить с рабочими.

Тагиев позвал в свой особняк всего двух человек. Пришли миллионер Аршак Гукасов и пристав балахано-сабунчинского полицеймейстерства Касумов, очень толстый, в форме, перетянутой сделанным специально по заказу ремнем: обычный ремень не сходился на необъятном животе пристава. Аршак Гукасов тоже не жаловался на худобу. Он был важен, как и полагается человеку, стоящему во главе совета съезда нефтепромышлениикоВ — организации, объединяющей всех нетитулованных королей бакинской нефти. Совет диктовал рынку цены на нефть и обеспечивал себе гигантские прибыли.

Однако сейчас миллионеры несли сплошные убытки.

Тагиев принял гостей в комнате, украшенной знаменитыми табризскими коврами. Сам он полулежал на обитой атласом тахте и перебирал худыми старческими пальцами янтарные четки, необычайно важный, рыжебородый, в турецкой феске, которую не снимал и дома.

— Садитесь, господа, — сказал он, показывая рукой на инкрустированные перламутром кресла. — Я позвал вас, чтобы выразить вам свое неудовольствие. Вы знаете по какому поводу. Дальше так продолжаться не может, и надо принимать меры.

— Что же вы предлагаете, достопочтенный гаджи? — спросил Гукасов. Он не очень надеялся на совет этого баловня судьбы, но и сделать собственный шаг, не посоветовавшись с гаджи, было рискованно.

Тагиев уклонился от ответа. Он уже принял решение и теперь лишь тянул время, не рассчитывая на то, что Гукасов, а тем более пристав скажут что-либо умное.

— С кем мы воюем, господа! — воскликнул он. — С нищими, недостойными занять место у стен мечети. Они бунтуют оттого, что не хотят работать. Тот, кто хочет и умеет работать, может достичь всего! — Он взглянул в угол комнаты, где на украшенной золотом подставке лежал деревянный, обшарпанный куртан — приспособление для переноски тяжестей на спине. — На этом куртано я за гроши таскал сундуки богатым людям. Вот с чего начинал гаджи Зейнал Тагиев!

— Да, да, да, это всем известно, достопочтенный гаджи, — пробормотал пристав, расплываясь в подобострастной улыбке.

Больше Тагиев о себе не рассказывал. Он не стал вспоминать о караульщике нефтепровода Зейнале Тагиеве, который из казенной, положенной ему как сторожу винтовки прострелил трубу и, подкупив полицию, целый год продавал беднякам добытую таким способом нефть. На вырученные деньги он купил крохотный заброшенный участок, копнул на нем землю, и из нее ударил невиданной силы фонтан нефти.

— Они бунтуют, потому что не хотят работать, как в свое время работал я, — продолжал Тагиев. — И их надо было проучить…

— Вы показали всем нам пример, достопочтенный гаджи, — сказал Гукасов.

Тагиев кивнул… Пример он действительно показал. Когда началась забастовка, он не стал разговаривать со своими рабочими, а вызвал по телефону казаков.

— И все же забастовка продолжается. — Гукасов сокрушенно покачал головой.

— Поэтому я и позвал вас, достопочтенный Аршак. — Тагиев поднял на него выпуклые холодные глаза. — Выход я вижу только один: вам, Аршак Осипович, надо немедленно связаться с вожаками этой шайки и узнать их условия.

— Вы это поручаете мне? — Гукасов не на шутку испугался. — Они могут меня убить.

— Возьмите охрану… Более подходящей кандидатуры, чем ваша, я не вижу… Кто у них там главари? — Тагиев посмотрел на пристава, который при этом поспешно вскочил с места и вытянулся:

— По имеющимся у меня сведениям, ваше превосходительство, к таковым относятся Енукидзе, Фиолетов, Монтин и Стуруа.

— И это все? — в голосе Тагиева звучала явная насмешка.

— Все, ваше превосходительство.

— Вы плохо работаете, пристав. К сожалению, их гораздо больше…

Вацек и Фиолетов встретились в маленьком тесном дворике механической мастерской, принадлежавшей владельцу по имени Гога. Гога умел все. Он чинил часы, паял прохудившиеся кастрюли, вытачивал ключи и гравировал на металлических сосудах посвящения, вроде «Господину начальнику от любящих ого подчиненных». И еще Гога предоставлял свою квартиру подпольщикам.

Сейчас он сидел в мастерской и должен был в случае опасности дернуть за шнур, который вел к звонку во дворе.

Дворик выглядел уютно: колодец, возле которого стояло ведро с веревкой, вкопанный в землю стол под старым платаном. На столе лежала потрепанная колода игральных карт и два арбуза — начатый и целый.

— Так на чем мы остановились? — спросил Монтин, отрывая взгляд от листа бумаги.

— На том, что наша стачка делает успехи, — ответил Фиолетов.

— Совершенно верно, Ванечка. — Он взялся за карандаш. — «Стачка в Баку делает поразительные успехи. Вот уже третью неделю не дымят кочегарки, на вышках не бурят и не тартают…»

— «Конка стоит, — продолжил Фиолетов. Он шагал по двору из угла в угол, вопросительно взглядывал на Монтина — правильно ли говорит — и шагал дальше. — Команды прибывающих судов немедленно присоединяются к забастовке. Бастуют маляры, сапожники, даже приказчики местами бросают работу…» Ну помогайте же, товарищи! Иван Прокофьсвич! — Он ненадолго замолчал, глядя на Вацека.

— Ну что ж, пиши, Петр Васильевич: «Эти успехи, эта скованная железом солидарность пролетариев поразили до глубины души наших нефтяных королей, всех этих нобелей, ротшильдов, манташевых, воображающих, подобно всем королям, что их царство вечно. Они чувствуют, что наступает конец их бесконтрольному распоряжению трудом и жизнью тысяч и десятков тысяч людей. И они решили бросить нам подачку. Вчера парламентеры нефтепромышленников — управляющий советом съезда и его помощник явились на сходку и пробовали

увещеваниями усмирить „непокорных рабочих“. Но из этого ничего не вышло…»

— А ведь здорово мы их тогда отшили! — Фиолетов Улыбнулся, вспоминая, в какой спешке ретировались эти Два нефтяных туза, красные от негодования, от неуступчивости рабочих, которые в ответ на их обещания повысить наградные и своевременно выдавать рукавицы дружно крикнули им: «Вон!»

— А помните…

Монтин запнулся. Над дверью тихонько звякнул колокольчик.

— Спокойно, товарищи… Ванечка, раздавай карты.

Монтин быстро подошел к ведру, бросил на дно исписанные листы бумаги, сверху положил арбуз и опустил ведро в колодец.

— Чей ход? Твой, Иван? — спросил он нарочито громко.

В эту минуту дверь из мастерской резко распахнулась, и на пороге появились полицейский и городовой, оставшийся стоять у входа.

— Господа, я должен сделать у вас обыск, — сказал полицейский.

— Но какому праву? — поинтересовался Фиолетов. Обыск при нем производили первый раз, но он не испугался.

— Я бы советовал вам не спрашивать об этом, молодой человек.

Хорошо наметанным глазом полицейский оглядел всех троих.

— Попрошу выложить на стол все, что имеется в карманах… Карманы вывернуть… Обувь снять…

Он обошел дворик, постучал по столу — нет ли тайника — и заглянул в колодец.

— Арбуз охлаждаете?

— Так точно, ваше благородие. Может, желаете попробовать?

Полицейский зло посмотрел на Фиолетова. Потом ковырнул и, резко повернувшись, вышел вслед за городовым.

Расходились по одному. Вацек пошел с листовкой в типографию, Монтин — на электростанцию, Фиолетов — домой, надеяеь на Балаханском шоссе найти какую-либо попутную подводу.

По-прежнему стояла жара, хотелось пить, и он ненадолго заглянул в чайхану и, усевшись у окна, стал наблюдать за улицей.

У дома напротив остановился крытый пароконный фаэтон в сопровождении двух конных жандармов. Из фаэтона вышел полицейский чин и подошел к группе рабочих, стоявших у входа в лавку.

— Ого! Сам господин полицеймейстер, — сказал чайханщик. — Интересно, что ему надо…

Несколько минут полицеймейстер беседовал с рабочими,

судя по всему мирно, улыбался, похлопал по плечу одного из собеседников и на прощание протянул руку в белой перчатке.

Фиолетов видел, как отъехав, он высунулся из фаэтона и что-то сказал казакам, показывая назад кивком головы. Старший разъезда козырнул, и в тот же миг казаки бросились на кучку рабочих и стали полосовать их плетками.

— Негодяй! — стиснув зубы, процедил Фиолетов, выскакивая из чайханы.

Казаков уже не было, они исчезли так же внезапно, как и появились.

— Ну что, покрестили вас царевы слуги? — спросил Фиолетов у одного из парней.

— Да уж не оставили без внимания. — Он потряс в воздухе кулаком. — У, сволочь! Сперва руку жал, а потом казаков науськал… Я ж видел.

— Что ж, будешь знать, чего стоит рукопожатие господина полицеймейстера.

Домой Фиолетов возвращался с тяжелым сердцем. Не сломят ли рабочих казачьи нагайки? Вчера ему рассказали, что один из хозяев конки предложил казакам на его же глазах избить забастовавших служащих, обещая поставить им на водку. И казаки избили… Правда, забастовка продолжается, по-прежнему стоят промыслы и заводы, но долго ли смогут продержаться рабочие? Третья неделя пошла стачке…

Возле вокзала дорогу Фиолетову преградила длинная колонна пехотинцев с опознавательным номером на солдатских погонах. Это шел в отведенные казармы только что прибывший в Баку 262-й резервный Сальянский полк. Министр внутренних дел Плеве и командующий Кавказским военным округом Голицын не обошли вниманием просьбу бакинских властей о новых контингентах войск для расправы с забастовщиками…

Пожары возникли через три педели после начала забастовки.

Была ночь. Фиолетов проснулся оттого, что через открытую дверь его ослепило вдруг вспыхнувшее багровое пламя. Он открыл глаза и увидел, что на соседнем промысле полыхает вышка. Через минуту она с треском рухнула, и ее горящие части, падая, прочертили по небу широкие огненные полосы.

— Мам, пожар!.. — Фиолетов дотронулся до плеча матери.

Теперь пламени уже не было видно, его поглотили, вобрали в себя гигантские, шевелящиеся клубы черного дыма.

— Господи, да откуда ж на нас напасть такая! За что? — заголосила мать. — Вставай, Саш… — Она стала теребить мужа. — Видишь, что делается!..

Тем временем заполыхала еще одна вышка, за ней другая, третья. Взорвался резервуар с нефтью, его конусообразная крыша, подобно гигантской птице, поднялась в воздух и спланировала на землю.

Испугалась и заплакала маленькая Анюта. Проснулись соседи, обитатели казармы, и забегали по двору.

Фиолетов побежал к горящим вышкам.

Огня по-прежнему не было видно, лишь изредка он на мгновение пробивался среди дымовых гор и тут же исчезал, поглощаемый ими.

Поселок напоминал развороченный муравейник. Со всех сторон — кто к горящим вышкам, кто от них — бежали люди. Пожилой перс, расстелив на земле коврик, клал частые поклоны, бормоча молитву. Никто толком не знал, отчего начался пожар.

— Подожгли, кажись, — услышал Фиолетов. Порывы ветра бросали ему навстречу клубы едкого дыма, першило в горле, с каждым шагом становилось труднее дышать.

Вблизи было настоящее пекло. Возле горящего фонтана копошились десятки похожих на тени людей. Они таскали на спинах мешки с песком и бросали их, стараясь попасть в пылающее жерло. Пожарные обливали людей водой из шлангов.

Поодаль, на безопасном расстоянии, стояла большая толпа. Фиолетов посмотрел, нет ли знакомых, и узнал Абдулу.

— Один плохой человек вышку поджег, — сказал Абдула. — Сам видел.

— Кто — не знаешь?

— Вроде бы он в твоих мастерских работал. Кривой такой, без глаза.

— Механик! Да зачем ему это?

— Откуда я знаю, Ванечка… Тебе лучше знать. Или Вацеку… Ха, не успел сказать про него, как он сам идег.

Вид у Вацека был взволнованный.

— А вы чего стоите сложа руки? — напустился на них Вацек.

— А что нам делать? Тушить?

— Да разве такое потушить! Поджигальщиков надо ловить.

— Немножко не понимаю, Иван Прокофьевич, — сказал Абдула. — Чьи вышки горят? Рабочих? Нет, не рабочих, а капиталистов…

— Ты и верно не понимаешь, Абдула. Разве, сжигая вышку или резервуар с нефтью, мы только и делаем, что разоряем капиталистов? Да, разоряем. Но вместе с тем лишаемся работы сами. Капиталист быстро оправится от потерь. У него есть деньги в банке, и они не горят. А что имеет рабочий? Деньги? Какое-никакое имущество и то пожар уничтожит.

— Да, ты, наверное, прав… — согласился Фиолетов. — Манташевы и тагиевы теперь совсем обозлятся. Видел, сколько войска нагнали? Вчера пехотный полк на станцию прибыл. Должно быть, подмога казакам.

— В газетах пишут, что из Петербурга приезжает фон Валь.

— Кто это?

— Генерал. Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

— Ого! Видно, здорово мы насолили своей стачкой.

— Бакинская стачка как кость в горле у Николая Второго. Вот он и шлет в Баку то войско, то этого палача фон Валя… — Он помолчал. — Теперь во всех газетах затрубят: мол, рабочие бесчинствуют — поджигают вышки, уничтожают народное добро и так далее. Они варвары, враги, с ними нельзя по-хорошему

договориться.

— А значит, выход один — принудить их силой.

— Вот, вот, Ванечка. Вижу, что ты меня хорошо понял, — сказал Вацек.

— Э… э… позвольте. — К ним неслышно подошел довольно молодой человек с бледным лицом и бородкой. Маленькими острыми глазками он впился в Вацека. — Мне кажется, что вы несете чепуху.

— То есть как это чепуху? — Вацок возмутился.

— Очень просто. Если мы хотим добиться победы в стачке, то надо действовать, а не сидеть сложа руки. Ломать машины, устраивать пожары на промыслах! Капиталистов, — он посмотрел на Вацека, как учитель на нерадивого ученика, — капиталистов надо бить по карману, чтобы они были уступчивы.

— Так вот, оказывается, кто затеял поджоги!

— Не отрекаюсь. Да, я призвал к этому сознательных рабочих. Ну и что?

— А то, что мы тебя сейчас заставим таскать мешки с песком. Понятно? Ишь нашелся защитник рабочего класса!

Человек с бородкой поспешно ретировался.

— Не знаешь, кто это? — спросил Фиолетов.

— Узнаем… А сейчас давай расскажи-ка им, — Вацек показал на стоявшую в стороне кучку рабочих, — почему мы за стачку, но против поджогов. И Абдула пускай выступит.

— Да что вы, Иван Прокофьевич, какой из меня оратор!

— А ты учись… Вон Ванечка тоже не умел выступать, однако научился. А я до мастерских попробую добраться.

Фиолетов умел приспосабливаться к аудитории и знал, с кем и какими словами надо разговаривать. С рабочими мастерских он говорил иначе, чем с рабочими нефтяных вышек, преимущественно мусульманами. К ним он обращался по-азербайджански, и это всегда вызывало повышенное внимание и уважение слушателей к русскому парню.

Он всегда увлекался, выступая. Начинал негромко, чуть растягивая слова, медленно, даже запинаясь, но чем дальше, тем громче и увереннее звучала его речь.

Так было и сейчас, и он не обратил внимания на околоточного надзирателя, который подошел к толпе. Много раз за время забастовки выступления Фиолетова слушали и околоточные, и полицейские, даже жандармы. Их «по-хорошему» просили не вмешиваться, и они не вмешивались, даже не перебивали выступавших, особенно если те ругали только правительство и дворян, а самого царя-батюшки не касались. У ораторов это называлось «посуду бей, а самовар не трогай».

Сегодня все получилось иначе.

— Разойдись! — крикнул околоточный.

Точно так он кричал и раньше, в другие дни, по тогда никто не расходился и околоточный молча сносил это. Сейчас он проявил настойчивость, подошел к Фиолетову сзади и положил ему руку на плечо.

— Поговорили, и хватит! Попрошу следовать за мной!

Фиолетов хотел броситься в сторону, затеряться в толпе, но двое переодетых полицейских крепко схватили его за руки и усадили в стоявшую неподалеку пролетку. Фиолетов нашел глазами перепуганного Абдулу.

— К матери сходи, передай, чтоб не волновалась. Я скоро вернусь.

— Ну, это как сказать, — усмехнулся околоточный. Ехали долго и остановились возле казенного вида здания с часовым у входа.

— Вот сюда прошу пройти, молодой человек.

Фиолетов вошел в кабинет и за письменным столом увидел того самого пристава, с которым схлестнулся на прошлогодней первомайской демонстрации; он чуть не расхохотался, вспомнив, как перепуганный насмерть пристав опрометью мчался домой под свист и насмешки, которыми его награждали рабочие.

— Вот, ваше высокоблагородие… Задержан в Сабунчах. Выступал перед мусульманами с подстрекательской речью, — доложил околоточный.

Пристав Фиолетова не узнал. Он указал рукой на стул и, не отрываясь от бумаг, которые просматривал, начал задавать привычные вопросы:

— Паспортная книжка при вас?

— Не имею обыкновения ее носить в кармане.

— Напрасно… Фамилия, имя, отчество?

— Гоголь, Николай Васильевич.

— Место рождения?

— Местечко Сорочинцы Полтавской губернии.

— В каком году родились?

— В тысяча восемьсот девятом.

— Что-о? — Пристав потряс головой и уставился на Фиолетова.

По обыкновению, он записывал ответы автоматически, не вдумываясь в их смысл, и только сейчас понял, что этот дерзкий мастеровой в косоворотке попросту издевается над ним.

— Прекратить комедию! — крикнул пристав. — Ваша фамилия?

Придумывать что-либо новое не имело смысла: его настоящая

фамилия была хорошо известна полиции. Пристав тем временем поостыл и внимательно смотрел на Фиолетова.

— О вас я слышал неоднократно, однако встретиться до сих пор не пришлось… Ну что ж, господин Фиолетов, расскажите, как вы занялись противуправительственной пропагандой и кто вас настрополил в сем преступном деле. Ведь вы еще слишком молоды. Перед вами вся жизнь, а вы уже стали на скользкий и опасный путь. Хочу предупредить, что чистосердечное признание, раскаяние может ослабить меру наказания, которого вы заслуживаете.

— А мне раскаиваться не в чем, господин пристав. Ничего противуправительственного я не делал, революционной пропагандой не занимался…

— А подстрекательство к забастовке? — перебил его пристав. — Ведь вас неоднократно уличали в этом. И господин околоточный, и некоторые чины полиции слушали ваши зловредные речи.

Фиолетов молчал.

— Ваше право… — Пристав пожал плечами. — Но в таком случае я вынужден буду вас задержать.

…Камера, куда тюремный надзиратель привел Фиолетова, была полна народу. Все почему-то стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Ванечка! — окликнул его один из заключенных, и Фиолетов узнал токаря Гаджибекова из их механических мастерских.

— Здравствуй, Расул… А тебя за что?

— Листовки раздавал… Тут нашего брата, Ванечка, много.

Настроение у Фиолетова было подавленное. Угодить в тюрьму в то время, когда решается вопрос, быть дальше забастовке или не быть, когда до предела накалилась атмосфера на промыслах, когда надо бороться с поджогами и выступать, выступать… Томила неизвестность: что с ним будет? Как там мать, сестренка, отчим? А он еще сдуру пообещал скоро вернуться. Вернулся!.. И как там пожар? Не дойдет ли огонь до их казармы?..

Нары на день поднимались и закрывались на замок, а на липкий кировый пол наливалась вода, чтобы заключенные не могли днем лечь. К ночи надзиратель принес мешок трухлявой соломы и бросил на пол. На нее улеглись те, кому не хватило нар. Маленькая керосиновая лампа над железной запертой дверью скоро погасла — так мало было в комнате кислорода.

А утром Фиолетова и еще десять человек из камер вызвали к начальнику тюрьмы и объявили, что все они свободны.

— Благодарите господина Гукасова. — Жирный, с бульдожьим лицом начальник тюрьмы подобострастно улыбнулся.

Фиолетов сперва не понял, при чем тут председатель совета съезда нефтепромышленников, но, подумав, догадался. Полиция загнала за решетку многих специалистов, потеря которых весьма чувствительна для промыслов. И вот господин Гукасов решил сделать вид, что он ценит хороших рабочих и не помнит зла.

«Неужели мы проиграли?» — подумал Фиолетов и тяжело вздохнул от тревожного предчувствия.

Закапчивалась третья неделя забастовки. Промыслы продолжали гореть. В первый день пожар уничтожил сто вышек, во второй — восемьдесят, какой урон был нанесен в последующие дни, никто не считал. Дым застилал не только промысловые районы. Когда ветер подул на Баку, белые рубахи расквартированных в центре города солдат потеряли свой первоначальный цвет. Вынесенные из лавки лепешки лаваша через минуту покрывались черными хлопьями сажи.

В один из таких дней Фиолетов шел пешком в типографию. Если бы работала конка, он бы истратил последние копейки и за полчаса добрался бы до типографии, а так придется по жаре плестись полдня. Но конка бастовала. Хотя… Фиолетов вдруг услышал звонок маленького колокола, в который обычно ударял кондуктор. «Неужели они вышли на работу?» — с тревогой подумал Фиолетов. Да, конка работала. Кучер нервно гнал лошадей, почему-то поминутно поглядывая направо. Из-за своей близорукости Фиолетов не мог понять, что там заинтересовало кучера, и подошел к вагончику на остановке. «Так вот в чем дело…» — протянул он. Рядом с кучером гарцевал приставленный к конке верховой казак, который то и дело грозил ему своей плеткой…

Кое-где забастовщики сами стали выходить на работу. Вышел и отчим Фиолетова. Однажды утром он стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Баста! Больше не могу. Есть нечего, Иван. Кори ты меня, не кори, а сегодня я выхожу.

А еще через несколько дней рабочие промыслов читали свежую листовку Бакинского комитета. Она закапчивалась словами: «Победил царь-голод, а не царь-самодержец». Еще догорали нефтяные ямы, а на черной обугленной земле плотники рубили новые вышки. Вместо сгоревших паровых машин выписывали новые. Заново строились доки. Впервые после трех недель заголосили гудки.

Начал работу и Фиолетов, но работал без охоты, с оглядкой, словно чувствовал, что долго оставаться ему в мастерской не придется. Так оно и вышло.

Как-то перед концом смены явились двое полицейских в сопровождении табельщика из конторы.

— Фиолетова не видел? — спросил табельщик у попавшегося на глаза Вацека.

— Он, по-моему, на работу не вышел, — сообразил ответить Вацек.

— Как не вышел? — удивился табельщик. — Утром я его видел.

— Очевидно, обознались.

Вацек поискал глазами кого-нибудь из своих, увидел слесаря Пидорича и скосил глаза в ту сторону, где работал Фиолетов.

Пидорич вытер руки о паклю и не спеша направился в конец мастерской.

— Полиция… За тобой, — шепнул он Фиолетову. Медлить нельзя было ни минуты. Фиолетов подбежал к открытому окну, вскочил на подоконник и спрыгнул на землю.

В мастерских он больше не появился.

Стояло раннее туманное утро, одно из тех, когда еще не ушла слякотная зима, но и не пришла еще бурная южная весна с ковром красных тюльпанов на окрестных холмах. Фиолетов медленно брел по Николаевской улице, намереваясь зайти в паровозное депо: не попадется ли там какая работенка.

На Николаевской находилась редакция местной газеты «Каспий». Фиолетов взглянул на добротное каменное здание типографии и увидел, как из подвала гурьбой выбегали мальчишки с пачками газет.

— Высочайший манифест! Япония напала на русский флот в Порт-Артуре! — кричали вразнобой мальчишки. — Читайте высочайший манифест!

Через несколько минут Фиолетов читал этот «высочайший»: «Объявляем всем нашим верным подданным… японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать нашу эскадру… По получении о сем донесения наместника нашего на Дальнем Востоке, мы тотчас же повелели вооруженною силою ответить на вызов Японии».

«Час от часу не легче», — подумал Фиолетов. У него еще не сложилось свое отношение к услышанному, он не мог понять, кто прав, кто виноват и что он будет говорить рабочим. Вспомнились рассказы покойного деда о русско-турецкой войне, Шипке и Плевне. Тогда русские войска пришли в Болгарию как

освободители. А сейчас кого будут освобождать? Корейцев? Маньчжуров?

С этими невеселыми мыслями он зашел в библиотеку. Лидию Николаевну он не видел давно, все некогда было: сначала забастовка, потом поиски работы…

— Ванечка! — Лидия Николаевна даже всплеснула руками, увидев Фиолетова. — Я уже потеряла надежду вас встретить. Что с вами было?

Он рассказал.

— Я боялась расспрашивать о вас читателей. Увы, не каждому можно доверять. Трудные времена.

— Еще какие трудные, Лидия Николаевна. Вот скоро начнут забривать нашего брата.

— Да, война… Но рабочих с промыслов, пожалуй брать не будут. — Она запнулась. — Простите, забыла, что вы не работаете. Хотя… Знаете что, Ванечка? Есть у меня знакомый инженер в ремонтных мастерских Питоева. Зайдите-ка туда, а я с ним поговорю.

— Спасибо, Лидия Николаевна.

— А пока, может быть, займемся вашим образованием, как в добрые старые времена? С чего бы нам начать?

— Давайте с истории, Лидия Николаевна. И политической экономии.

— Хорошо, Ванечка, я постараюсь вам помочь. — Она перешла на шепот. — Все листовки, которые выпускались во время стачки, я сохранила.

Фиолетов благодарно кивнул.

Из библиотеки кроме книг, которые Лидия Николаевна называла «прочетными», Фиолетов унес брошюры «Второй съезд РСДРП», «Наши разногласия» и толстую книжку князя Кропоткина «Записки революционера».

И снова семилинейная лампа над кроватью Фиолетова стала гореть далеко за полночь. Чтение его утомляло, и он стал замечать, что, читая, ему приходится все ближе придвигать к глазам книгу.

— Что это ты стал щуриться, Ваня? — спросила мать.

Он отшутился, не сказал, что у него неладно с глазами, но решил сходить в балаханскую больничку к доктору Окиншевичу. Больничка была маленькая, и доктор лечил все болезни, рвал зубы и принимал роды. Он попросил Фиолетова назвать большие и маленькие буквы на таблице, закрыть то один глаз, то другой, после чего заявил, что зрение у его пациента оставляет желать лучшего и надо обязательно носить очки.

Очки ему подобрали овальной формы, с тонкими

металлическими дужками. Он посмотрел на себя в зеркало и решил, что очки ему идут и даже делают его чуть старше и солиднее. Для конспирации это было не так и плохо.

В следующее свое посещение библиотеки Фиолетов попросил «Капитал».

— Сочинение Карла Маркса, — уточнил он, и Лидия Николаевна улыбнулась.

— Я знаю, Ванечка… Но эту книжку вы не прочтете залпом, как читали другие книжки. И если вам встретятся трудности, заходите, может быть, я помогу.

— Спасибо, Лидия Николаевна. — Он чуть замешкался. — Скажите, у вас не записана Банникова Ольга?

Еще в прошлый раз он хотел задать этот вопрос, но почему-то постеснялся.

— Нет, не записана.

…Он много раз вспоминал об Ольге во время забастовки, надеялся на чудо: вдруг увидит ее во время своего выступления. Но чуда не произошло. Ольга как в воду канула. Расспрашивать о ней было не у кого, она нигде не работала. Конечно, можно было справиться в конторе Русского товарищества «Нефть», на каком участке работает у них Иван Банников, а потом разыскать этого Банникова, но не хотелось: негоже молодому человеку спрашивать у мужа, где найти его жену.

Ольга нашла Фиолетова сама.

Библиотекарша сдержала слово и помогла ему устроиться в мастерские Питоева. Он недавно вернулся со смены, поужинал, вышел на улицу и уселся на водяной трубе почитать. Был у него такой закуток в тени, где не так пахло выгребной ямой и чувствовался маленький сквознячок. «Капитал» действительно оказался книгой очень трудной, и он читал ее с карандашом в руках — легонько подчеркивал непонятные слова, чтобы потом их выписать на отдельном листе и узнать у Лидии Николаевны, что они означают.

— Да никак это Ванечка! — вдруг услышал он знакомый голос, обернулся и увидел Ольгу.

— Леля! Какими судьбами?

— Неподалеку была, заказ относила, дай, думаю, загляну, живой ли Ванечка?

— Живой, Леля, живой! — ответил он, радостно суетясь. — Да ты садись. — Он подвинулся. — Тут хорошо, тенек…

Она села рядом.

— Что читаешь?

— «Капитал» называется. Карла Маркса… В новом кружке изучаем. Я думал — тебя там встречу.

— Не встретишь, Ванечка. Уезжаю.

— Уезжаешь? — Он удивился. — Куда?

— На родину. На Воткинский казенный завод.

— Чего ж так, Леля? — Он недоуменно и жалостно посмотрел на нее.

— Да за муженьком… Надоело ему тут. Решил вернуться.

— А тебе? Тебе тоже надоело?

— Мне не надоело, Ванечка. Только куда иголка, туда и нитка… Завтра вечером едем. Уже вещи сложили.

— Я тебя на вокзале провожу… Отпрошусь у мастера…

— Не надо… — Она погладила рукой его волосы. — А ты очки начал носить? Плохо видишь? Тебе идет в очках.

— Неужели мы с тобой больше не увидимся?

— Выходит, что нет. — Она вздохнула. — Мне самой не хочется ехать. Тут кружок был. Листовки расклеивала. На манифестацию ходила… А там что?

— Там тоже можно в кружок ходить. Наверно, есть. Теперь повсюду на заводах есть кружки. И забастовки бывают, и манифестации… Какой это губернии твой Воткинский завод?

— Вятской. А тебе зачем?

— Думаю, если ссылают в эту губернию, то, может, я туда попаду. Говорят, место высылки можно выбирать.

— Не знаю, Ванечка… А чего это ты о ссылке заговорил? Грозит что?

— Всяко, Леля, может случиться.

— Я тебе свой адрес дам. Может, письмецо когда пришлешь.

Он проводил ее почти до дома. Стемнело. Где-то тоскливо пела гармонь. Плакал ребенок.

— А теперь прощай, Ванечка. Вон окошко наше горит. Не хочу, чтоб мой Иван тебя видел.

— Прощай, Леля. — Он силился улыбнуться, но улыбка получилась жалкой и вымученной.

— Не поминай лихом… — Она вдруг обняла его и крепко поцеловала в губы. — Прощай!

«Ну вот и все», — невесело думал Фиолетов, возвращаясь ночью домой.

Кажется, совсем мало знал он Ольгу, и виделся с ней скудно, и разговоры с ней вел не столько наяву, сколько в мыслях, лежа на узкой койке, а глянь, ушла Ольга, чтобы никогда больше не встретиться с ним, — и что-то вдруг оборвалось у него внутри.

Не помня себя от огорчения, он долго шел без всякой цели, только бы идти, и очнулся лишь на какой-то незнакомой шумной улице. У большого магазина собралась толпа. Фиолетов машинально глянул на витрину и увидел там портрет адмирала

Макарова, про которого часто упоминали сводки с театра военных действий. Все так же машинально он присоединился к толпе и тоже стал смотреть на витрину. К портрету подошел приказчик и обвил его черным крепом. И в этот миг все, кто был в толпе, обнажили головы, и кто-то тихо, но так, что все услышали, произнес: «Упокой, господи…»

Партийные активисты Баку работали в разных местах, порой очень далеких друг от друга. Вместе они собирались раз в месяц, а в экстренных случаях прибегал посыльный.

Сегодня к Фиолетову домой приехал на отцовском ослике Абдула.

— Здравствуй, Ванечка! — сказал он, просовывая в дверь голову. — Тебя можно на минутку?

Фиолетов вышел. Он знал: если Абдула не заходит в дом и не интересуется здоровьем всех его родственников, значит, он должен сообщить что-то секретное.

— Завтра после смены приходи к Красину, — шепнул Абдула.

…Собирались по одному, тихонько проходили в комнату с зашторенными окнами, здоровались. Фиолетов пожал руку Вацеку, Енукидзе, нескольким парням, которых видел впервые. Вздохнул, что нет Монтина — еще в прошлом году Петр попал в тюрьму. Наконец шумно отворилась дверь и быстрой, решительной походкой вошел, как всегда, подтянутый, щеголевато одетый Красин.

— Здравствуйте, товарищи! Простите, что заставил вас ждать.

Он не сказал, что, засучив рукава крахмальной сорочки, только что помогал рабочим кантовать ротор вспомогательной динамо-машины, которую должны были установить на станции.

— Как вы знаете, мне выпала честь принимать участие во Втором съезде РСДРП, — начал Красин. — Съезд был во всех отношениях примечательный. Достаточно сказать, что съезд принял революционную, — он выделил голосом это слово, — Программу партии. Проект Программы, принадлежащий Плеханову и Ленину, — вы все его читали, он был опубликован в «Искре» и «Заре» — отличается от всех других программ, в частности от программ партий Второго Интернационала, четко сформулированной идеей диктатуры пролетариата.

Красин умел говорить горячо, образно, и Фиолетову казалось, что он сам побывал на съезде, до хрипоты спорил с противниками Ленина, клеймил оппортунистов, противников «Искры», голосовал за Программу партии и за ее Устав, первый пункт которого вызвал такие ожесточенные споры.

— После всего, что вы услышали о съезде, — сказал

Красин, — я бы хотел знать, с кем вы пойдете — с Лениным или с Мартовым? С большинством или с меньшинством?

Первым ответил Фиолетов:

— С Лениным, конечно!

За ним поднял руку Вацек:

— С Лениным!

За Вацеком — Енукидзе:

— С Лениным!

— Что касается меня, то я бы предпочел пока воздержаться от ответа, — произнес незнакомый Фиолетову полный мужчина, похожий обликом на восточного князя. — Мой народ намерен создать свою партию.

— Собираетесь пойти по стопам Бунда, товарищ Аракельян? — быстро спросил Красин.

— Каждая нация, и особенно такая угнетенная, как армянская, должна отстаивать свои узконациональные интересы. — Он демонстративно поднялся и взялся за шляпу.

— Что ж, товарищ Аракельян, дело ваше, — сказал Красин. — Не смею задерживать.

Засиделись допоздна. Пили вприкуску крепкий чай из грушевидных стаканов. Леонид Борисович долго не отпускал никого.

— Возможно, мы больше с вами не встретимся, друзья, — сказал он на прощание. — Мне очень нравится здесь, я искренно полюбил и вас, и этот чудесный город. Но… он развел руками. — Цека предложил мне покинуть Баку…

Глава шестая

Во второй половине 1904 года в Баку на жительство приехали два человека, обратившие на себя внимание губернского жандармского управления.

Один из них, прибывший из Грузии, был исключен из Тифлисского учительского института за участие в «противуправительственных действиях», «член преступного сообщества, именуемого Российской социал-демократической партией» Прокофий Джапаридзе, партийная кличка которого — Алеша — также была известна жандармскому управлению. В Баку Алеша прибыл по направлению Кавказского союзного комитета РСДРП. Второй человек, взятый на заметку, из Ярославля, сын военного лекаря Александр Митрофанов Стопани, земский статистик, делегат Второго съезда партии, состоявший под гласным надзором полиции. Его направил в Баку Центральный Комитет РСДРП.

— Стопани и Джапаридзе — стойкие большевики, настроены по-боевому… Да ты сам увидишь, — говорил Вацек Фиолетову по дороге на конспиративную квартиру.

Оба новых товарища уже были на месте. В сторонке, у окошка, сидел Петр Монтин и наблюдал за улицей — не покажется ли соглядатай.

— Знакомьтесь, товарищи, — сказал Вацек. — Это член Бакинского комитета РСДРП Иван Тимофеевич Фиолетов. Между прочим, мы все зовем его просто Ванечкой.

— Что ж, подходит, — блеснув глазами и улыбаясь, заметил Джапаридзе.

Фиолетова поразили большие, цвета спелой сливы глаза Джапаридзе, необычайно выразительные, глядя в которые было легко догадаться о настроении этого человека. На матовом лице резко выделялись черные закрученные кверху усики и небольшая ухоженная бородка. В сравнении с жизнерадостным кавказцем Стопани выглядел не так живописно. Его узкое, худое лицо казалось еще длиннее от острой бородки, обвислых усов и взъерошенных волос. Но так же, как и у Джапаридзе, из-под густых бровей глядели внимательные, умные глаза, с интересом смотревшие на Фиолетова.

— Александр Митрофанович устроился статистиком в совете съезда нефтепромышленников, — пояснил Вацек. — Хорошо устроился. Теперь будем знать про всякие закулисные махинации наших благодетелей.

Больше никого не ждали, и все уселись за стол.

— Что ж, товарищи, начнем, — сказал Стопани. Среди присутствующих он был самым старшим по возрасту и по стажу революционной борьбы. — Я не так давно в Баку, но, как мне кажется, успел разобраться в обстановке, а посему разрешите мне высказать свои соображения о положении дел. В нашей организации берут верх меньшевики. Они пролезли в местный комитет партии и изо всех сил стараются расколоть рабочее движение. Братья Шендриковы, вы знаете, пытаются помешать объединению рабочих и сеют между ними национальную рознь. Получается, товарищи, печальная и тревожная картина. Кучка авантюристов, спрятавших свой меньшевистский хвост за беспартийную «организацию балаханских рабочих», на каждом шагу вредит нам, вставляет палки в колеса.

— А чего стоят их демагогические призывы к стачке! — сказал Вацек. — Причем немедленно, без подготовки.

— Полностью согласен с Александром Митрофановичем, — сказал Джапаридзе.

— Вот-вот, — оживился Стопани. — С этими опасными людьми надо бороться беспощадно. А на борьбу направить человека обязательно из рабочей среды. Ну хотя бы… — Стопани остановил свой взгляд на Фиолетове, — хотя бы Ивана Тимофеевича. Как, товарищ Фиолетов, но возражаешь против моего предложения?

Фиолетов не возражал.

Братья Шендриковы — Лев, Глеб, Илья — и жена Ильи Клавдия появились в Баку как-то внезапно и сразу же дали себя знать крикливыми речами на многочисленных митингах, которые сами же и организовывали. Их наглость в полемике с большевиками не знала предела. Фиолетов вспомнил, как во время его выступления на промысле Нагиева Илья Шендриков крикнул во весь голос: «Не слушайте этих большевиков-интеллигентов в крахмалах!» Фиолетов даже опешил: это он-то «в крахмалах»?! Ответить Шендрикову не удалось, тот уже вскочил в пролетку и умчался на соседний промысел, где быстро собрал народ и стал агитировать за наградные к праздникам и рабочие рукавицы, — по его мнению, главное, чего рабочему классу надо было требовать от капиталистов.

Сильнее всего влияние Шендриковых чувствовалось на крупнейшем из бакинских промыслов — Балаханском, и Фиолетова утвердили пропагандистом этого района. Партийным организатором в Балаханах назначили Джапаридзе.

— Значит, Иван Тимофеевич, будем работать вместе, — весело сказал Джапаридзе.

— Будем… — Фиолетов замялся, не зная, как ему назвать

своего собеседника: по фамилии? по имени-отчеству?

Джапаридзе почувствовал это и пришел на помощь.

— Меня в рабочих кругах знают под моей партийной кличкой. — Он рассмеялся. — И не только в рабочих. Даже жена и дочки часто называют меня Алешей. Как вам это нравится… Ванечка?

С заседания Бакинского комитета они возвращались вместе. Джапаридзе расспрашивал Фиолетова о Балаханах, с которыми еще не успел как следует познакомиться. Фиолетов охотно рассказывал — никакой другой район он не знал так хорошо, как Балаханский.

— В кочегарке на фирме Арафелова работает наш человек, по фамилии Ахундов, большим авторитетом пользуется среди рабочих. Познакомьтесь с Риза Алиевым, тартальщиком. Он наши листовки у себя дома в печи прятал. Тоже надежный товарищ…

— А кого надо опасаться? — спросил Джапаридзе.

— К сожалению, их тоже немало. К примеру, конторщик на фирме Нобеля, по прозвищу Одноглазый. Или писарь Мирошниченко на фирме Нагиева, явный провокатор…

— А Шендриковы, которых вам предстоит обезвредить?

— Эти, пожалуй, самые коварные, потому что прикрываются революционными фразами, а воду льют на мельницу хозяев.

На дверях заброшенного склада, приспособленного для проведения собраний, висело объявление:

«Сегодня в 5 часов вечера назначается рабочая сходка. С беседой на тему „За что сегодня должны бороться рабочие“ выступит Илья Шендриков».

Фиолетов немного опоздал, склад был полон, но рабочие потеснились, и он пристроился на скамейке в последнем ряду.

На помосте, заменявшем сцену, уже ораторствовал Илья. На нем был потрепанный костюм и косоворотка с расстегнутым воротом. Редкие бесцветные волосы не могли прикрыть начинавшуюся со лба лысину. Нестриженая хилая бородка Ильи ходила ходуном в такт его словам, которые лились, словно вода из кувшина. Маленькие холодные глаза остро глядели в зал. Фиолетова поразила плавность его речи. Илья говорил, ни на секунду не задумываясь, не запинаясь, будто где-то внутри его была запрятана граммофонная пластинка, которая без конца крутилась.

— …лучше синица в руках, чем журавль в небе, — неслось с помоста. — Не верьте большевикам! Они затуманивают ваши головы вредными лозунгами о классовой борьбе и таким образом отвлекают вас от защиты ваших же кровных интересов. То, что

предлагают они, не даст и не может дать рабочим никакой материальной выгоды. Наша цель — заставить предпринимателей пойти на экономические уступки, а не запугивать их экспроприацией, иными словами, уничтожением всего класса капиталистов.

Речь Ильи не раз прерывалась одобрительными выкриками, но Фиолетову бросилось в глаза, что эти выкрики неслись из одних и тех же рядов. Одни и те же люди начинали отчаянно бить в ладони и били до тех пор, пока их не поддерживал весь зал.

Слушая Шендрикова, Фиолетов не мог отделаться от мысли, что уже где-то встречал этого человека. Но где? Когда? И вдруг его осенило: да ведь это тот самый тип, который во время пожара на промыслах доказывал, что капиталистов надо бить по карману, чтобы они стали уступчивее. Так вот, оказывается, кто сейчас разводит турусы на колесах!

Да, ему аплодируют, размышлял Фиолетов. Значит, его речь пришлась по сердцу, и не кому-нибудь, а рабочим, своим, кровным. Чем же он взял, этот Илья? Что говорить, в его выступлении была своя логика, но ведь это логика соглашателей. Заботясь на словах о рабочих, он на деле заботится о хозяевах промыслов. Он соблазнял рабочих стать на самый легкий путь борьбы — экономический, и эта вредная легкость кажется им притягательной. Отсюда эти дружные хлопки.

Фиолетов встал, протиснулся к помосту и попросил слова.

— Товарищи! Я хочу рассказать вам одну притчу. Пришел мужик к мудрому старцу и спросил, не знает ли он, как ему, мужику, сделать лучше свою жизнь. Уж очень тесно ему живется. Задумался старец и спрашивает: «А что, мужик, у тебя есть в хозяйстве?» — «Коровенка, коза да поросенок», — отвечает мужик. «Ну что ж, — сказал старец, — понравился ты мне, и дам я тебе совет: придешь домой — заведи в избу поросенка». Удивился мужик, однако внял совету старца, пустил в избу поросенка. А в избе детишки, жена, теща — кто на полатях спит, кто на лавке, кто на полу. А тут еще поросенок. Хрюкает всю ночь, чистоты не соблюдает. Подумал, подумал мужик и опять к старцу пошел. Мол, так и так, старец, не помог твой совет. Еще хуже жить мне с поросенком стало. «Хуже? — удивился старец. — Тогда я дам тебе другой совет: пусти в избу еще и козу».

Кто-то из задних рядов тихонько засмеялся, кто-то толкнул соседа в бок: мол, смотри, что рассказывает этот рабочий парень, сжавший картуз в откинутой назад руке.

А парень и впрямь разошелся. Глаза его хитровато улыбались, а голос окреп, и теперь каждое его слово было слышно во всех уголках притихшего склада.

— Опять не осмелился ослушаться мужик и пустил в избу козу. А коза бодается, блеет всю ночь, с поросенком дерется, детишкам спать не дает. Пошел мужик в третий раз к старцу, жалуется, еще, говорит, хуже жить стало. А старец в ответ: «У тебя, мужик, коровенка еще есть, так возьми и ее в избу. А через три дня приди ко мне…» Не выдержал трех дней мужик, через день прибежал к старцу, в ноги упал: «Мудрый старец, теперь и в избу войти нельзя, одна скотина хозяйствует. Скажи, что делать». Подумал, подумал старец и ответствует мужику: «Возьми-ка ты, мужик, да выведи из избы скотину. Через три дня приди ко мне, скажешь, не полегчало ли». Послушался мужик. А через день пришел к старцу. Радостный такой. «Спасибо тебе, мудрый старец, совсем хорошо мне жить теперь стало».

В складе стоял хохот. Смеялись все — дружно, весело, от души.

— Вот и у вас получается, товарищи, как у того мужика, — продолжал Фиолетов. — Сначала вас капиталисты прижали так, что дышать нечем стало, а потом начали понемногу отпускать, подачки вам бросать: то кусок мыла, то рукавицы, а кое-кому и наградные к празднику, десять целковых, — вам вроде бы и полегчало. И невдомек кое-кому, что от этих подачек ничего у вас в жизни не изменилось, что остались вы у разбитого корыта, в нищете и бесправии. Вам бы взять да швырнуть эти подачки в физиономию капиталисту. Потому что не крохи нам нужны, а все! Ан нет, христосик Илья призывает вас: будьте смиренькими, берите, что дают, да еще и в ножки дающему поклонитесь…

— Демагогия! — закричал Шендриков. — Вы сначала обеспечьте рабочих едой…

— И фартуками, — перебил его Фиолетов.

— Да, и фартуками. Фартук нужен рабочему. Он ближе ему, чем призрачная революция в России.

— Это смотря для кого. Вы, меньшевики, ратуете за рукавицы и фартуки, а мы — за свержение самодержавия.

— Всего-навсего, — иронически заметил Илья, улыбаясь и показывая острые, как у хорька, зубы.

— Да, всего-навсего! — с вызовом ответил Фиолетов. — Никакие экономические завоевания не могут быть прочны, если рабочие и впредь будут оставаться бесправными. А они будут оставаться бесправными столько времени сколько будет держаться на Руси самодержавный строй. Вы, меньшевики, хотите, чтобы рабочие боролись лишь до тех пор, покуда будут им даны рукавицы и фартуки, а мы за то, чтобы они боролись до того момента, пока сами не станут хозяевами страны.

— Не слушайте, товарищи, этого фанатика! — Илья вскочил

на помост. — Разве вы не видите, что этот левак, этот политикан против того, чтобы рабочий зажил лучше… Не слушайте его, он продался интеллигентам!

— А ты кому продался? — послышался из толпы грозный голос. — Долой его!

Шендриков задохнулся от злости. Его холодные, как льдинки, глаза остановились на Фиолетове.

— Придет революция, и мы, рабочие, таких, как ты, на фонарях вешать будем, — сказал он сквозь зубы.

Дальше ему говорить не пришлось. Несколько парней, сидевших с ним рядом, подтолкнули его взашей к широко открытой двери склада. Фиолетов наблюдал за этой сценой с явным удовольствием.

Стоял гнилой и зябкий декабрь 1904 года. Несколько раз на день дождь сменялся мокрым снегом и ветер с силой швырял в лицо тяжелые хлопья. Часто снег не успевал растаять, забивал колеи конно-железной дороги, и вагончики конки переворачивались. Напуганные пассажиры перестали в них ездить, предпочитая извозчиков. Иногда выглядывало солнце, и тогда хотелось снять теплое пальто, но набегала туча, и снова становилось холодно и неуютно.

Бакинцы, однако, радовались наступившим холодам: пошла на убыль эпидемия холеры. Она началась еще летом, докатилась из Персии. В газетах писали, что в столице этого соседнего государства умирало ежедневно по полторы тысячи человек.

Бакинские власти переполошились. На промыслах построили несколько холерных бараков. Санитарный обоз обследовал пятьдесят пять бань, и в двенадцати из них в воде нашли холерный вибрион. По той же причине закрыли тридцать пять колодцев, и часть промыслов осталась без питьевой воды. Вскоре число больных достигло нескольких сотен, и выживал только один из трех. Смерть собирала свой урожай почти исключительно среди рабочих, которые жили в бараках и казармах.

Барак на семнадцатом промысле Манташева, населенный большей частью персами, гудел, как потревоженный улей. В полумраке и духоте длинной цепочкой двигались люди. Проходя мимо лежавшего на деревянных нарах покойника, они бросали к его ногам горсть мокрой, пахнущей нефтью земли. Короткий зимний день почти не давал света, и люди казались тенями, которые пришли откуда-то из загробного мира за своим товарищем.

Тихо текла молитва двух стариков, сидящих на коленях возле мертвеца и припадавших челом к джутовой подстилке,

заменявшей молельный коврик.

— Нет бога, кроме бога, и Мухаммед пророк его. Правоверные! Сердца наши исписаны грехами чернее, чем книга Седжиль, в которую заносит архангел Джабраил злодеяния человеческие. Подумаем же о том, как вымыть сердце свое в молитве и посте…

Фиолетов и Джапаридзе возвращались с одной из сходок, которые в эти декабрьские дни стали стихийно возникать на промыслах, и в нерешительности остановились возле барака. По дороге они заходили в казармы и бараки, чтобы узнать о настроении рабочих.

— Сюда тоже зайдем? — спросил Джапаридзе.

— Зайдем, Алеша… Только, пожалуйста, говорите со мной по-грузински.

С некоторых пор Фиолетов и Джапаридзе подружились. Алеше сразу понравился этот не по летам серьезный человек, «с лицом юноши и умом убеленного сединами старца», как о Фиолетове по-восточному напыщенно, однако ж совершенно искренно сказал как-то старый Байрамов.

— Однако там покойник, и наверняка холерный. — Джапаридзе прислушался к доносившимся из барака голосам.

Фиолетов болезненно улыбнулся.

— Я чеснок ем, — сказал он.

— Я тоже, — в тон ему ответил Джапаридзе. — Тогда все в порядке, Ванечка.

То, что они увидели в бараке, произвело на них удручающее впечатление. Поговорить о стачке не пришлось, и они, постояв немного возле умершего, вышли на улицу.

— Откуда эта покорность судьбе? — волновался Джапаридзе. — Их товарища убила не холера, а его величество капитал, а они безмолвствуют и лишь воздают молитву аллаху. Убили варварски — гнилой водой, дикой антисанитарией в бараке, нищенским жалованьем, непомерно длинным рабочим днем. Владельцы особняков в Баку пуще любого перса боятся холеры, но их она большей частью обходит стороной, потому что они живут в роскоши и могут своим богатством отгородиться от персидской гостьи. Дезинфекция, чистота, домашний врач… А что творится на промыслах? В бараках вроде этого? …Мне думается, Ванечка, что холера будет той каплей, которая переполнит чашу терпения рабочих. И нам будет легче организовать забастовку.

Фиолетов вздохнул.

— Ох не вовремя мы начинаем все это!

— Да разве ж мы! Если б не Шендриковы с компанией…

— Время неподходящее, Алеша, — продолжал Фиолетов. — У промышленников скопилась уйма нефти, девать некуда. Навигация закрыта. Им впору самим останавливать промыслы. Правильно я говорю?

— О настроении нефтяных тузов всего лучше узнать у Александра Митрофановича, — ответил Джапаридзе.

— И то верно. Он вроде бы должен скоро кончать; службу.

Они наняли извозчика и поехали в сторону особняка, занимаемого советом съезда нефтепромышленников. Остановились около чайханы «Черный лебедь». Это было условленное место, где всегда можно было встретить Стопани, когда он возвращался с работы.

Ждать пришлось недолго, и скоро все трое свернули в боковую узкую улочку, почти безлюдную в это время.

— Есть ли новости, Александр Митрофанович? — спросил Джапаридзе.

— Есть одна, и притом ошеломляющая. Просочился слух, будто Манташев или кто-то еще из этой компании готовы отвалить нам пятьдесят тысяч рублей, лишь бы мы… — Стопани чуть помолчал, — лить бы мы не переносили забастовку на весну.

— Вот это да! — воскликнул Фиолетов.

— Вот так, друзья… Положение очень сложное. Что нам скажут рабочие, если мы сейчас выступим против стачки?

— Что же делать?

— Что делать? — переспросил Стопани. — Будем, Ванечка, бастовать. Рабочая масса, сбитая с толку шендриковцами, настроена на немедленную стачку, и нарушить единство рабочего фронта, лишить рабочих надежды мы не можем. Хотя сейчас, в разгар зимы, стачка рабочим невыгодна.

— Согласен с вами, Александр Митрофанович, — сказал Джапаридзе. — Бастовать, очевидно, придется. Будем бастовать, — повторил он уже более уверенно. — И будем во время стачки разоблачать меньшевистскую, вредную рабочему классу тактику.

— А как же с обещанными пятьюдесятью тысячами? — Фиолотов усмехнулся.

Усмехнулся и Стопани.

— Думаю, что это очередной трюк нефтепромышленников. И уж если они надумали отвалить такую сумму, то дадут ее не нам, а своим холуям, вроде шендриковцев… Давайте-ка мы в пятницу соберем членов комитета, там все окончательно и решим.

На душе у Фиолетова было тревожно и радостно. Что принесет новая стачка? Удастся ли она? Справится ли он с обязанностями члена стачечного комитета? На эти сомнения ему

ответил внутренний голос: «Конечно, справлюсь! Ведь рядом товарищи, тысячи рабочих, которым я верю. А если так, то стачка должна окончиться только победой».

— Да, да, победой! — повторил он вслух и быстрее зашагал в направлении Балахан, где вот-вот должна была начаться стачка.

Было раннее утро 13 декабря 1904 года.

Стачка вспыхнула сразу, словно нефтяной фонтан от горящей спички, охватив вскоре все нефтяные промыслы, а также предприятия самого Баку. Последней остановилась текстильная фабрика гаджи Тагиева, известная тем, что там за малейшую провинность рабочих секли розгами. На фабрике «отца нации» работали исключительно мусульмане. Самый богатый человек в Баку платил им по двадцать копеек в день. Даже чернорабочие персы на промыслах получали больше.

Прекратилась работа в порту и доках, остановилась конка, нефтяников поддержали служащие почтового ведомства и моряки, Забастовка стала всеобщей.

От меньшевиков в стачечный комитет вошел Лев Шендриков, от партии дашнаков — Аракельян, с которым Фиолетов впервые встретился у Красина.

О дашнаках Фиолетов был наслышан, но на первом же заседании стачечного комитета нарочно спросил у Аракельяна:

— А вы, собственно, кто будете, дашнаки? Вы за кого?

Аракельян нахмурился, и его одутловатое лицо стало еще полнее.

— Мы — за объединение всех армян.

— Пролетариев с буржуями?

— Да… В вопросе создания великой Армении нет и не может быть места розни внутри нашего многострадального народа.

— Все ясно, господин Аракельян… Простите, чуть было не назвал вас товарищем.

Забастовка длилась уже третьи сутки, а в стачечном комитете никак не могли договориться о требованиях, которые будут предъявлены капиталистам.

— Переход на восьмичасовой рабочий день, — сказал Фиолетов. — Большевики считают этот вопрос одним из самых важных.

— С одиннадцати часов на восемь — не много ли сразу? — Илья Шендриков, прищурясь, с ехидцей посмотрел на Фиолетова.

— Если бы вы знали, почем рабочему обходится фунт лиха, — почти по слогам произнес Фиолетов, — вы бы обеими руками проголосовали за это требование.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Но я считаю необходимым вставить пункт о замене деревянных коек на железные кровати.

Фиолетов стал протирать очки. Он это делал всегда, когда волновался.

— Нужны и железные кровати, и кипяченая вода, о чем совершенно справедливо заботятся товарищи меньшевики. Но надо же выставлять и более серьезные требования! Большевики придерживаются того мнения, что ни одно самое примитивное экономическое требование, ни одно экономическое завоевание не может быть закреплено, если не будут решены политические вопросы, и прежде всего вопросы власти.

— Боже мой! — Илья театрально схватился за голову. — Вы все витаете в облаках. Не пора ли спуститься на грешную землю?

— Ладно, спустимся на землю, — согласился Фиолетов. — Но даже если речь идет об экономических требованиях, нельзя их сводить к доставке кипяченой воды и железным кроватям.

— Что же вы предлагаете? — спросил Аракельян.

— Надо требовать от капиталистов выплаты больничных пособий, месячных отпусков с сохранением жалованья, коренного улучшения жилищных условий…

— Уплаты за забастовочные дни, — добавил Джапаридзе.

— Платить за то, что рабочие не работают? Это же нонсенс! На это никто не пойдет, — решительно заявил Илья.

— Очень может быть. Но потребовать этого мы обязаны.

Бакинский губернатор князь Накашидзе, сухой, поджарый, с тяжелыми золотыми эполетами на узких плечах, нервно ходил по своему домашнему кабинету.

В кабинете собралось почти все бакинское начальство: полицеймейстер Деминский, начальник губернского жандармского управления Козинцев, начальник бакинского гарнизона контр-адмирал Валь, градоначальник Мартынов, председатель совета съезда нефтепромышленников Гукасов.

С минуты на минуту должен был подъехать только что прибывший скорым поездом чиновник особых поручений генерал-майор Джунковский.

— Положение очень тревожное… Что будем делать, господа? — спросил Накашидзе.

— Действовать! — за всех ответил Гукасов. Забастовка била по карману нефтепромышленников, и их председатель был настроен весьма решительно.

Губернатор кисло усмехнулся.

— Я это и без вас знаю, Аршак Осипович. Но как?

— Во-первых, надо послать экстренную депешу в

Петербург, — сказал начальник жандармского управления. — По имеющимся у меня достоверным сведениям, полученным от агентов, которым я доверяю, забастовщики готовят вооруженное восстание с целью захвата всех правительственных учреждений города…

— Этого еще не хватало! — Гукасов схватился за голову.

— Известим об этом государя, — сказал Накашидзе после некоторого раздумья.

— Полагаю, ваше превосходительство, что нет особой нужды беспокоить по пустякам его императорское величество…

— Хорошие пустяки! — возмутился Гукасов.

— …достаточно направить телеграмму шефу жандармов. А самим принять решительные меры.

— Пожалуй, вы правы, полковник…

— Нужны прежде всего войска, нужны казаки, — сказал контр-адмирал Валь. — Тем контингентом, который имеется в Баку, нам не справиться с бунтовщиками. Они и так слишком подняли голову, и если рабочие приведут в исполнение то, о чем только что говорил полковник…

— Заготовьте шифровку господину министру внутренних дел и попросите усилить гарнизон в Баку, — распорядился Накашидзе.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— И передайте мою просьбу командующему Кавказским военным округом. Пусть он немедленно направит в Баку один из своих полков.

— Ваше превосходительство!.. — Гукасов впился заплывшими глазками в губернатора. — Неужели власти будут дожидаться прибытия войск? Ведь время не терпит!.. Мы несем колоссальные убытки. Они еще больше, чем в прошлом году.

Накашидзе остановился против Гукасова и, прищурясь, посмотрел ему в глаза.

— Есть два способа, уважаемый Аршак Осипович, изменить создавшееся положение. Первый способ — заставить ваших коллег пойти на уступки рабочим. И второй способ — арестовать и выслать по этапу в места не столь отдаленные всех забастовщиков. Вы, естественно, предпочитаете второй способ. Но к моему глубокому сожалению, он неосуществим. Десятки тысяч человек не арестуешь и не вышлешь.

— Да, да, вы правы. — Гукасов согласно закивал головой. — И кроме того, кто же тогда будет работать на промыслах?

— То-то ж…

— Генерал-майор Джунковский, — доложил вестовой, и все встали, чтобы приветствовать высокого гостя. Губернатор

Накашидзе сделал несколько шагов ему навстречу.

— Здравствуйте, господа! — сказал, входя, Джунковский. Он был в синем мундире и с желтой атласной лентой через плечо. — Рад видеть вас всех вместе в эти тревожные для России часы.

— Для России? — переспросил начальник жандармского управления.

— Да, господа. Для России. Есть веские основания полагать, что примеру взбунтовавшегося Баку последуют другие города империи. Узнав о бакинской стачке, подняли голову так называемые большевики в Петербурге и Москве…

Полицеймейстер пожал плечами.

— Никак не возьму в толк. Почтовые служащие бастуют. Из Баку нельзя отправить ни одной телеграммы, за исключением как по военным каналам связи. А в Петербурге и Москве уже знают о событиях в Баку.

— Это не делает нам чести, господа, — заметил Джунковский. — Революционеры в некоторых случаях действуют более расторопно, чем мы с вами.

Джунковскому доложили об экстренных, только что намеченных мерах, и он их одобрил.

— Но пожалуйста, господа, больше гибкости в переговорах с забастовщиками. Конечно, это не исключает возможности в особо опасных случаях применить военную силу, но сначала надо испробовать мирные методы борьбы. Гибкость и еще раз гибкость! В Петербурге очень опасаются резонанса, который уже вызывают события Баку.

С начала забастовки, когда отпала необходимость ходить на работу, Фиолетов все время проводил в помещении стачечного комитета. Давно опустилась на Баку хмурая декабрьская ночь, без единой звездочки на небе, давно ушли изрядно надоевшие за день своей демагогической болтовней Лев и Илья Шендриковы, а Фиолетов все еще сидел за столом, положив усталую голову на руки.

Весь день здесь было шумно. Не утихали споры с меньшевиками, приходили и уходили связные из разных районов и докладывали о положении на промыслах. Прибегали мальчишки, расклеивавшие листовки.

Неторопливо открыл дверь Александр Митрофанович Стопани.

За годы работы статистиком при совете съезда нефтепромышленников он научился анализировать разрозненные цифры и факты и делать правильные и подчас весьма нужные выводы. У него была прекрасная память. Он, например, наизусть

помнил, сколько и в каком году было пробурено нефтяных скважин и сколько человек при этом потеряло трудоспособность из-за жутких условий труда — десять человек на каждую скважину. Это была убийственная цифра, и бакинские большевики использовали ее в своей борьбе с нефтепромышленниками.

Стопани, понятно, бастовал вместе со всеми служащими совета съезда, но по поручению Бакинского комитета ежедневно заходил то в одну, то в другую контору, чтобы выведать при случае настроение нефтяных тузов.

— Что нового, Александр Митрофанович? — спросил Фиолетов. — Чем порадуешь?

— Кое-что есть, Ванечка. Господин Гукасов вчера попросил меня подсчитать его убытки, — понятно, в виде личного одолжения… Он, видите ли, понимает, что я тоже бастую, — само собой, не из своих убеждений, а исключительно в силу солидарности с товарищами, которые попались на удочку большевиков. Ну, я подсчитал и выдал ему цифру… У меня такое впечатление, Ванечка, что этот долго не вытерпит и пойдет на уступки.

— Твоими бы устами да мед пить, Александр Митрофанович, — сказал Фиолетов. — Только что-то я плохо верю в уступчивость господ капиталистов.

— Нужда заставит, Ванечка… Нужда!

Они сидели до тех пор, пока на востоке не проступила узкая полоска зари, разговаривая все об одном — как выиграть забастовку.

— Ты домой идешь? — наконец спросил Стопани. Фиолетов улыбнулся.

— Да какой там дом… Я и дорогу к нему забыл.

— Значит, не ждет тебя там зазноба.

— Что верно, то верно, Александр Митрофанович, — не ждет…

Этот разговор натолкнул Фиолетова на грустные мысли. Ольга прислала ему всего одно письмишко, в котором жаловалась на судьбу, на то, что все здесь не так, как в Баку, и она скучает без настоящего дела. Он написал ей в тот же день, но ответа не получил и теперь терялся в догадках: что с ней? Впрочем, долго предаваться размышлениям об этом не было времени. Стачка захлестнула его целиком, как захлестывает пловца штормовая каспийская волна.

Днем Фиолетов выступил перед рабочими на промысле Нагиева, где работал Абдула, и, держа в руках только что напечатанную листовку, крикнул в мгновенно выросшую толпу:

— Товарищи! Мы не одиноки! Нас поддерживают рабочие самого крупного в Петербурге завода — Путиловского. Они прислали нам свое пролетарское рабочее приветствие, пожелали нам успеха и собрали деньги, которые уже поступили в фонд бастующих рабочих.

Члены стачечного комитета по нескольку раз в неделю встречались с представителями нефтепромышленников, и те понемногу раз от разу шли на уступки. Сначала мизерные, наименее существенные, доставившие немало удовольствия братьям Шендриковым: от имени совета съезда господин Гукасов согласился заменить в казармах деревянные нары на железные кровати.

— А насчет кипяченой воды? — не унимался Илья Шендриков. — Это пункт шестой наших требований.

— Да будет вам кипяченая вода!.. — Гукасов отмахнулся от Ильи, словно от надоедливой мухи.

Дальше дело пошло хуже. Особенно яростный спор разгорелся вокруг одного из главных требований забастовщиков — о восьмичасовом рабочем дне. Присутствовавший на всех совместных заседаниях генерал Джунковский делал вид, что одинаково беспристрастно относится как к той, так и к другой стороне.

— Как представитель правительства я хочу только одного: чтобы все спорные вопросы между промышленниками и рабочими решались исключительно мирным путем.

— И с этой целью вы затребовали пехотных пластунов и конных казаков. — Фиолетов посмотрел в глаза Джунковскому, и тот, не выдержав, отвел взгляд. — Баку и промысловые районы наводнены войсками.

— По нашим сведениям, их более двух тысяч, — добавил Джапаридзе. — Не считая двух батальонов Кавказской стрелковой бригады и двух сотен Горско-Моздокского казачьего полка.

— О, большевикам, оказывается, известно больше, чем представителю правительства! — воскликнул Джунковский.

— Помилуйте, господин Джунковский, при чем тут большевики? — в тон ему возразил Джапаридзе.

Джунковский покачал головой. Он вспомнил, что не далее как вчера вечером начальник губернского жандармского управления передал ему свежую конфискованную листовку, подписанную «Бакинский комитет РСДРП большевиков» и обращенную как раз к новоприбывшим войскам. «Братья солдаты! — прочитал он в той листовке. — Вас привели сюда, чтобы стрелять в нас, рабочих людей, добивающихся улучшения своей и вашей, солдаты, участи…»

— Как вам это нравится, Ванечка?

Фиолетов и Джапаридзе возвращались с заседания стачечного комитета, и оба мысленно еще были там, еще не остыли от жаркого бесполезного спора.

— Сказать по правде, Алеша, не очень. Даже совсем не нравится.

— Мне тоже.

— Наш стачечный комитет трогательно напоминает персонажей крыловской басни…

— Лебедь, рак да щука? — догадался Джапаридзе.

— Совершенно верно… После сегодняшних разговоров я начинаю опасаться за судьбу стачки.

— От них можно ожидать любой подлости… Меня поражает этот Аракельян. Предложить выйти на демонстрацию, чтобы первыми открыть стрельбу по казакам и полиции, — что может быть абсурднее?

— А грабить магазины?! Нет, господа Шендриковы или беспросветно глупы, или… провокаторы.

— Думаю, Ванечка, что последнее вернее. С каждым днем они прилагают все больше усилий, чтобы сорвать забастовку.

Разговор на заседании стачечного комитета шел о рабочей демонстрации, провести которую предложил Джапаридзе. Вопрос предварительно обсуждался на заседании Бакинского комитета, и все единодушно согласились, что демонстрация должна быть обязательно мирной. Многотысячные колонны забастовщиков пройдут по улицам города до Парапета, неся плакаты с требованием восьмичасового рабочего дня и свободы собраний. Это были два основных пункта, на которые не соглашались нефтепромышленники, и внушительная демонстрация должна была им напомнить о решимости рабочих бороться до конца.

И вот теперь эти провокационные заявления шендриковцев и дашнаков. Дашнаки вообще потребовали отсрочить манифестацию на десять дней, чтобы за это время привезти оружие из Эривани. Большевики, естественно, отказались звать народ под пули и нагайки, после чего Илья Шендриков бросил в лицо Джапаридзе свои излюбленные словечки — «оппортунисты» и «трусы».

…— Зайдемте ко мне, — прервал размышления Джапаридзе. — Мои домочадцы всегда рады вам.

— С удовольствием, Алеша. Мне тоже очень нравится у вас.

Семья Джапаридзе жила в Сабунчах. Квартиру получила жена Алеши — Варвара Михайловна, Варо, как называл ее муж по-грузински, устроившаяся учительницей в школе, которая

открылась на нефтепромыслах «Московского товарищества».

Квартирка была маленькая, но как разительно отличалась она от конуры, в которой ютился Фиолетов! Высокие потолки, каменные, а не дощатые степы, много цветов на подоконниках, этажерка с книгами, небольшой письменный стол, за которым Варвара Михайловна проверяла ученические тетрадки.

— Заходите, Ванечка. — Джапаридзе пропустил Фиолетова вперед и улыбнулся: — Только, пожалуйста, помните о пороге.

У входной двери был высокий порожек, и Фиолетов по близорукости часто спотыкался о него и всякий раз весело смеялся над собственной неуклюжестью. За это Варвара Михайловна в шутку прозвала Фиолетова Иваном Спотыкалычем.

Фиолетов все-таки споткнулся, но не нечаянно, а из простого озорства; под настроение он любил и умел пошутить, и при этом объектом шутки чаще всего избирал собственную персону.

— А у нас, кажется, гость, — сказал Джапаридзе, заметив в прихожей на вешалке инженерскую фуражку. — По-моему, это Мешади Азизбеков, о котором я вам давеча рассказывал. Я с ним впервые встретился несколько дней назад, но когда мы разговорились, мне показалось, что я знаю его по меньшей мере лет сто. Удивительно интересный человек.

Мешади Азизбеков был коренной бакинец и возвратился в Баку из Петербурга по той причине, что Технологический институт, в котором он учился, власти закрыли. Учась в институте, он не раз участвовал в политических демонстрациях, студенческих сходках. Первый раз был арестован в 1897 году, а через год стал членом РСДРП. По приезде в родной город он по явочному адресу разыскал Джапаридзе, который сразу же свел его с большевиками.

…— Эту литературу дома держать небезопасно.

— Я ее снесу в библиотеку и сразу же раздам, кому следует.

— Очень хорошо, Варвара Михайловна.

— Кажется, к нам кто-то приплел. Судя по небольшому грохоту, это должен быть Ванечка. Он, наверное, опять споткнулся о наш порог.

— А нам можно? — спросил улыбающийся Джапаридзе, распахивая дверь в комнату.

— Да уж так и быть, — в тон ему ответила жена. — Здравствуйте, Ванечка! Вы, кажется, опять изволили споткнуться?

— Изволил, Варвара Михайловна. Я же ведь Спотыкалыч.

Джапаридзе протянул Азизбекову руку.

— Здравствуйте, Мешади… И познакомьтесь. Это Ванечка Фиолетов. Вы о нем уже слышали от меня.

— И не только от вас, — добавил Азизбеков, дружески

улыбаясь Фиолетову. — Рад вас видеть.

В отличие от Джапаридзе лицо Азизбекова почти все заросло дремучей черной бородой, широкими усами и густыми бровями, выразительно оттенявшими острые, чуть навыкате глаза.

— Что нового в стачкоме? Вы, наверно, оттуда? — спросил Азизбеков.

— Срывается демонстрация.

Джапаридзе рассказал о последнем заседании стачечного комитета.

За каждого убитого на манифестации армянина дашнаки намереваются убить десять казаков. Не больше и не меньше!

— Ну и ну… — Азизбеков покачал головой. — Впрочем, ничего другого от них и ждать нельзя.

Несмотря на свою типично восточную внешность, он не отличался кавказским темпераментом, а был неизменно спокоен и добродушен.

— Обидно-то как, — сказал Фиолетов. — Победа близка, а они только тем и занимаются, что вставляют нам палки в колеса.

— По дороге в этот гостеприимный дом, — Азизбеков бросил беглый взгляд на Варвару Михайловну, — я зашел к товарищу Монтину и там встретил нашего связного, запамятовал его фамилию, кажется Байрамова, и он рассказал, что Шендриковы уговаривали его и других рабочих с промысла Нагиева завтра выйти на работу. Мол, мы уже добились всего, чего можно, а что касается свободы собраний, то пролетариату не привыкать собираться и без разрешения властей.

— Каковы негодяи! — воскликнул Джапаридзе. — Самовольно прекратить забастовку…

— На заседании стачкома об этом они не обмолвились ни словом!

— Надо срочно выслать пикеты на промыслы Нагиева. — Джапаридзе посмотрел на Фиолетова.

— Хорошо, Алеша, я этим займусь.

Фиолетов надолго запомнил пасмурное холодное утро двадцать третьего декабря. Шел мокрый снег, с моря дул порывистый, слепящий ветер, под ногами хлюпала жирная нефтяная грязь.

Ночевать он пошел к Байрамовым, но спать не пришлось. То, что он услышал от Абдулы, было очень тревожно. Все трое Шендриковых, действуя исподтишка, развили бурную деятельность. Им удалось сагитировать несколько сот человек, которые пообещали завтра утром прийти на промысел и пустить буровые.

— Ничего, Ванечка, я тоже кой-чему научился, — сказал Абдула. — Пока ты шел ко мне, я обегал десять, нет, одиннадцать казарм, и все, кто там живет, мусульмане и русские, не пустят завтра этих… как ты их называешь?

— Штрейкбрехеров?

— Вот-вот… Мне трудно выговорить это слово.

— Ничего, научишься… Ты здорово помог нам, Абдула, — похвалил Фиолетов товарища. — Но давай-ка сходим с тобой еще в другие казармы.

Всю ночь они собирали добровольцев и вместе с ними пошли к буровым Нагиева.

— Стойте здесь… — распоряжался Фиолетов. — Здесь… Здесь… — Он расставлял рабочие пикеты на пути тех, кто собирался утром пойти на работу.

В шесть часов еще было совсем темно и тихо, только гудел вдали неумолчный нефтяной фонтан и бесцельно лилась, растекаясь по долине, нефтяная река.

Фиолетов с Абдулой обходили пикеты.

— Кажется, идут… — шепнул Абдула. Послышались приглушенные голоса, все ближе, ближе. Фиолетов пошел им наперерез.

— А вы куда? — спросил он у первого, кто направлялся к вышке.

— Не знаешь, что ли? — угрюмо ответил тот.

Голос показался Фиолетову знакомым, он поднял фонарь, осветил лицо и узнал Переделкина.

— Дядя Петя! — воскликнул Фиолетов. — Вот так встреча!

— А, это ты, Ванюшка… Ну здорово… Ты чего?

Он попытался пойти дальше, но Фиолетов загородил ему дорогу.

— Туда не положено, дядя Петя.

— Но, но… Что значит «не положено»?

— Есть решение стачечного комитета…

— Плевать я хотел на твой стачечный комитет. Хватит! Набастовались! Я на работу иду, понял?.. Нам жрать неча.

— А нам есть что жрать, да?

Из темноты вышли пикетчики и неровной стенкой стали поперек дороги.

— А ну-ка отойдить в сторону! — вдруг гаркнул Переделкин. — Ребята! За мной!

Откуда-то из закоулков и дворов вынырнули несколько десятков человек и бросились на пикетчиков. Завязалась борьба. В руке одного из нападавших блеснул кинжал, но Абдула успел выбить его.

— Ты на кого замахиваешься, шайтан! — крикнул Абдула.

Штрейкбрехеры наседали. Казалось, еще минута — и они прорвут жиденькое заграждение, но тут на помощь пикетчикам из бараков и казарм стали выбегать рабочие.

Раздалось несколько выстрелов, и вслед за этим кто-то отчаянно крикнул:

— Казаки!

Рядом были бараки, склады, но никто не успел спрятаться. Затрещали выстрелы, засвистели нагайки. Несколько человек замертво упали на землю. От попавшего в голову булыжника свалился с лошади казак. С факелом в одной руке и с револьвером в другой бежали полицейские, путаясь в длиннополых шинелях. От порохового дыма запершило в горле.

Казачья пуля миновала Фиолетова, он отделался синяками, полученными в драке, и теперь с отчаянием искал в мятущейся толпе Абдулу: ему показалось, что его друг свалился на землю после первого залпа.

— Абдула!.. Абдула!.. — звал Фиолетов. Полицейские хватали первых попавшихся рабочих и тащили к тюремной карете. От них тоже надо было спрятаться.

— Абдула!.. Абдула!.. Где ты?

Казаки, сделав свое черное дело, отступили, увозя своего мертвого товарища, а толпа, осмелев, бросилась к тем, кто остался лежать на земле.

— Эти готовы… — сказал кто-то и, сняв шапку, перекрестился.

Абдулы среди убитых не было, и Фиолетов продолжал звать его.

— Я здесь, Ванечка… — услышал он наконец.

— Живой!.. Ну и напугал ты меня.

— Маленько раненный я, Ванечка. В руку… Как теперь работать буду, а?

— Идти можешь?

— Идти могу. В руку я раненный.

— Тогда скорей, а то еще в участок угодим!

Они добрались до пустого склада. Фиолетов зажег кусок пропитанной нефтью пакли — фонарь он потерял в свалке — и осмотрел рану. Пуля попала чуть пониже плеча, прошла насквозь, но кость как будто не задела.

— Счастливо отделался, Абдула. До свадьбы заживет.

…Через день в газете «Каспий», издававшейся на деньги «отца нации» Тагиева, появилась коротенькая, напечатанная петитом заметка:

«Забастовка продолжается. Сегодня, 23 декабря, в Балаханах

произошло столкновение рабочих с казаками. Убиты шесть рабочих и один казак. Много раненых».

— Ну что, добились своего? — Фиолетов в упор посмотрел на Илью Шендрикова. — Шесть убитых рабочих, раненые. А если быть точным, то раненых более сорока.

Они встретились в комнате стачечного комитета. Илья пришел возбужденный, его маленькие глазки горели, на щеках снял лихорадочный румянец.

— Шесть убитых рабочих и более сорока раненых, — удрученно повторил Фиолетов.

— Не так уж и много, — бросил Шендриков. Фиолетова он побаивался, но держался с ним нагло.

— Какую подлость вы еще придумаете?

— Подлость? Однако вы неразборчивы в выражениях.

— А вы — в действиях, что куда хуже… Так что вы еще придумали?

— Мы будем мстить капиталистам. Око за око, кровь за кровь! Ни один убитый рабочий не останется неотмщенным!

Месть… Фиолетов вспомнил прошлогоднюю забастовку, когда тот же Илья подстрекал рабочих поджигать нефтяные пышки и ломать станки. А что, если этот авантюрист решит опять взяться за свое?

Фиолетов хотел посоветоваться с Джапаридзе и Стопани, но они еще не пришли, и он решил действовать на свой страх и риск. Очередное совместное заседание представителей рабочих и промышленников пока не началось, но уже подъехал генерал Джунковский и, заложив руки за спину, прохаживался по тротуару.

Фиолетов следил за ним через окно, все еще не решаясь выполнить задуманное, но наконец решился и вышел на улицу.

— Господни Джунковский…

— А, господин Фиолетов!.. Здравствуйте! Сегодня отличная погода. Вы не находите?

— Бог с ней, с погодой. — Фиолетов машинально снял очки и стал протирать их носовым платком. — Я хотел поговорить с вами наедине. Разрешите?

Джунковский кивнул и с любопытством посмотрел на Фиолетова. О чем собирается говорить с ним этот большевик?

— Просьба у меня к вам есть, господин Джунковский. Не как к представителю правительства, с которым, как вы знаете, мы боремся, а просто как к человеку, что ли…

— Слушаю вас, Иван… Простите, запамятовал ваше отчество.

— Тимофеевич. Так вот просьба к вам есть. Повлияйте вы на

промышленников, чтоб они не затягивали заключение договора… Видите ли, у нас есть сведения, что не сегодня-завтра начнутся поджоги промыслов. Как в прошлом году. А кому это выгодно? Ни нам, ни вам…

— Вы отвечаете за свои слова, господин Фиолетов?

— На девяносто процентов.

Джунковский задумался.

— Хорошо, я поговорю с промышленниками. Пожары — это действительно невыгодно ни той, ни другой стороне.

…Но было поздно. В час ночи на квартиру Джапаридзе прибежал запыхавшийся Фиолетов.

Дверь открыла встревоженная Варвара Михайловна.

— Что случилось, Ванечка?

— Беда, Варвара Михайловна, промыслы горят. — Он посмотрел на Джапаридзе. — В Балаханах горит несколько вышек. Что будем делать?

— Надо сегодня же подписывать договор.

— Шендриковцы заартачатся. Теперь они будут горой стоять за стачку «до конца».

— Само собой разумеется… И провалят стачку.

— С промышленниками теперь станет разговаривать еще труднее.

— И все равно забастовку надо кончать. Затягивая ее из-за гадательной прибавки в несколько копеек, мы рискуем очень многим — тем, чего уже добились.

Фиолетов оказался прав: промышленники подняли шум.

— Где же ваше слово, господа рабочие — процедил сквозь зубы Гукасов. — Кто говорил, кто обещал, что не повторится печальная история августа прошлого года?

Конечно, можно было ответить, что до поджогов рабочих довели те самые капиталисты, от имени которых выступает Гукасов, но учить политграмоте миллионеров едва ли имело смысл.

— Разрешите? — Джапаридзе обратился к председательствующему Джунковскому. — Наша сторона снимает свое требование о выплате половины жалованья за дни стачки.

Гукасов одобрительно кивнул головой.

— Не хватало того, чтобы мы платили бездельникам, вогнавшим нас в убытки. — Он почувствовал, что «рабочая сторона» стала уступчивее. — Что касается ваших требований о восьмичасовом дне, мы по-прежнему считаем его абсолютно неприемлемым.

— На прошлом заседании речь шла о девятичасовом рабочем дне, — напомнил Джапаридзе. — Чтобы не затягивать забастовку,

мы пойдем навстречу господам промышленникам. Пусть будет девятичасовой.

— Ну что же, — процедил Гукасов.

Шендриковы на это заседание не явились, очевидно боясь попасть под перекрестный огонь с той и с другой стороны, и Джапаридзе мог действовать решительно. Примерно так же был настроен и Джунковский.

— В таком случае, господа, — сказал он, — все спорные вопросы как будто решены. И обе стороны могут подписать договор.

Гукасов кивнул головой. Джапаридзе и Фиолетов выразили свое согласие. Представитель дашнаков промолчал.

В тот же день на афишных тумбах, на стенах домов, на заборах были расклеены прокламации:

«…Поздравляем себя с победою! Капиталисты уступили нашим последним требованиям, и организация рабочих прекращает забастовку. Теперь мы должны стать на работу, но теперь же мы должны дать себе клятву, что забастовка эта не последняя. Борьба наша за лучшую долю не кончена, она только что начинается».

Прокламации полиция почему-то не срывала, а может быть, просто не успела сорвать, и Фиолетов с удовлетворением увидел ее на дверях акционерного общества «Электросила», где проходили совещания.

— Любуетесь, господин Фиолетов? — услышал он голос Джунковского. — На сей раз вы одержали победу. Такого договора между рабочими и представителями власти, насколько мне известно, еще не было в России.

— Ничего, господин Джунковский. Лиха беда начало, — весело ответил Фиолетов…

С последнего заседания стачечного комитета все три большевика шли вместе.

— Вот теперь можно и товарищу Ленину сообщить, — сказал Стопани. — Владимир Ильич просил меня писать ему каждую неделю, но я, грешный, не смог выполнить его просьбу. А сейчас напишу, Есть о чем.

Вечером он сел за стол и написал письмо Ленину.

«Бакинский комитет принимал в стачке энергичное участие… В первый же день взялся руководить стачкой: выставил свои требования, организовал переговоры и вел их. Главнейшие требования… удовлетворены при организованных им переговорах».

Глава седьмая

— Как это ни грустно, Ванечка, но вам необходимо уехать из Баку. Увы, мы не можем гарантировать вам безопасность, а сидеть в тюрьме — какой смысл!

Фиолетов выслушал это решение Бакинского комитета молча. Уезжать из Баку, с которым было так много связано, ему совсем не хотелось, но и перспектива попасть за решетку его тоже не устраивала.

— Поедете в Грозный. Там надо налаживать работу, — сказал Азизбеков.

— И надолго, Мешади?

— Кто знает… Как только шпики потеряют вас из виду…

— Потеряв, они все равно его не забудут, — заметил Джапаридзе. — Говоря откровенно, Ванечка, мне очень жаль расставаться с вами.

— Мне тоже, Алеша.

— По восточному обычаю вслед отъезжающему надо выплеснуть воду, — сказал, улыбаясь, Азизбеков.

— Ну что ж, выплесните, Мешади, я не против. Вот вам кувшин…

Поезд еле тащился. Долго стояли в Перовске, ждали, когда отправится воинский состав с ранеными, которых везли с Дальнего Востока через всю страну. Около вагонов ковыляли на костылях солдаты, бегали молоденькие, в белоснежных наколках сестры милосердия, сердобольная старушка совала солдатам коржнки.

«Эти уже отвоевались», — невесело подумал Фиолетов.

В его вагоне было тесно, душно, он рассеянно смотрел в окно и думал о том, что едет в чужой, незнакомый город и совсем неизвестно, что его там ждет, справится ли он с поручением и где найдет пристанище, хотя бы на первые дни. Правда, в голове он держал адресок, которым его снабдили в Бакинском комитете.

Грозный встретил Фиолетова легким морозцем и солнцем, на котором ослепительно блестели и отливали синевой алмазные шапки близких гор.

Город чем-то напоминал ему Баку, точнее, его старую часть; такие же закоулки, узкие улочки и спускающиеся ступенями слепые каменные дома, будто съежившиеся от тесноты.

Идти по адресу пришлось на далекую окраину, заселенную рабочими паровозного депо и мастерских. Фиолетов нашел дом, постучал в калитку, взбаламутив стуком рыжую собаку на цепи. На лай вышел бородатый мужик в посконной рубахе и накинутой

на плечи железнодорожной шинели и поинтересовался, кого надо.

— К Федору Петровичу я… От Варвары, — сказал Фиолетов.

— Федор Петрович уехал.

— Тогда, может быть, Иван Иванович дома?

Хозяин улыбнулся и протянул Фиолетову руку. Хозяина дома звали Сергей Петрович. Он рассказал, что работает кондуктором на товарных поездах и живет бобылем.

— Из членов РСДРП кроме тебя кто на примете?

— Один кочегар в паровозном депо работает, двое на водокачке. Да и на промыслах должны быть…

— Вот видишь, люди, выходит, есть. Надо только связать их друг с другом. Начнем со сходки… Ну, хотя бы на железнодорожной станции, где ты работаешь.

— Это можно. Надо только, чтоб случай представился.

Ждать пришлось недолго. На другой день по приезде Фиолетова в Грозный по городу поползли слухи о том, что в прошлое воскресенье в Петербурге царь расстрелял мирную манифестацию рабочих.

Фиолетов бросился искать петербургские газеты, не нашел и решил, что, наверное, забастовали или железнодорожники, или печатники. На третий день газеты наконец-то пришли, и Фиолетов стал жадно читать скупые сообщения о кровавых событиях в столице. Более тысячи одних убитых! Вызванные расстрелом рабочих забастовки в Петербурге, Москве, Риге, Варшаве. И всюду пули, всюду кровь. Послание Святейшего синода ко всем православным. Фиолетов прочитал и его: «Подстрекатели, имея в среде своей недостойного священнослужителя… дали рабочим насильственно взятые из часовни крест, иконы и хоругви, дабы вернее вести к беспорядку и гибели… Святейший синод, скорбя, умоляет чад церкви повиноваться власти».

Фиолетов отбросил газету. Что ж, картина более или менее ясна, и теперь можно, да что значит можно, необходимо рассказать народу о том, что произошло в Петербурге.

Он пришел в железнодорожные мастерские перед обеденным перерывом. Тут все было ему привычно. Визжало железо под острием резца, дышали жаром печи, в которых накалялся металл, ухали и глухо стучали паровые молоты, снопы холодных искр летели из-под точил.

Сергей Петрович подошел кое к кому из рабочих, что-то сказал им, показывая на стоявшего поодаль Фиолетова. Мастер тоже на него скосился, но ничего не сказал.

Прогудел гудок, и в мастерских стало тихо. Фиолетов вышел

на середину и взобрался на верстак.

— Товарищи!

Многие рабочие переглянулись. Их еще никто так не называл.

— Товарищи! — повторил Фиолетов. — Только что получено известие: девятого января в Петербурге рабочие организовали мирное шествие к царю, чтобы рассказать ему о своей горькой доле. Они шли с детьми. Они несли иконы и хоругви и ждали, что царь встретит их и выслушает. И царь их встретил. Но не добрым словом, на которое они по простоте душевной рассчитывали, а солдатскими пулями, ружейными залпами по безоружной толпе, по таким же пролетариям, как мы с вами.

В мастерских собрались люди, многие из которых впервые слышали революционное слово, и Фиолетов старался говорить просто.

— Тысячи… вы слышите, товарищи, тысячи убитых, раненых и покалеченных людей! Они взывают к мщению. Мы не можем безучастно смотреть, как по велению царя гибнут наши братья по классу. Пусть же пролитая кровь рабочих падет проклятием на царское правительство! Пусть захлебнется оно в народной крови! Народ всей России будет протестовать и уже протестует против учиненного царем кровопролития. Настал момент, когда всеобщая скрытая злоба в ненависть к самодержавию превращается в грозный клич: «Долой героев кнута и насилия! Долой хищника-кровопийцу и его прислужников!»

Фиолетов обвел собравшихся беглым взглядом и успокоился. Его слушали жадно, с той затаенной опаской, которая придает услышанному особый, жгучий интерес.

Народу в мастерских прибывало. Пришли эксплуатационники со станции, конторщики, рабочие паровозного депо. Некоторые протискивались вперед, чтобы лучше слышать этого незнакомого рабочего паренька. А он говорил, все более воодушевляясь.

— Только что закончилась нашей победой всеобщая политическая стачка в Баку. Да вы об этом, наверно, знаете, потому что наша стачка нашла отклик по всей России. Мы добились многого. Где на час, где на два сократили рабочий день, подняли оплату за труд. Пора и вам присоединиться к общей борьбе. Бросайте работу! Предъявляйте требования своей администрации. Боритесь за восьмичасовой рабочий день, за свободу собраний и демонстраций! За демократическую республику!

Митинг начался настолько неожиданно, что полиция узнала о нем, когда все разошлись.

— Однако ты мастак говорить, — похвалил Фиолетова Сергей Петрович. — Складно у тебя получается.

…Планы у Фиолетова были большие и нелегкие. В Баку он постоянно чувствовал локоть друзей, здесь был один. Там он мог в трудную минуту пойти к Вацеку, Алеше, Мешади, чтобы посоветоваться. Здесь, по крайней мере на первых порах, он должен был любое решение принимать самостоятельно, на собственный страх и риск, и это вызывало у него противоречивые чувства — гордость за то, что ему доверили важное и трудное дело, и опасение: а вдруг он что-нибудь сделает не так, не на пользу, а во вред?

В Баку была своя типография, где за время одной лишь декабрьской стачки напечатали тысячи листовок. Тысячи! Здесь же не было даже примитивного гектографа, не было бумаги, красок, помещения. Правда, на все это Кавказский союзный комитет РСДРП отпустил деньги, об этом, посылая Фиолетова в Грозный, сказал Вацек, по-прежнему выполнявший обязанности казначея.

Отпущенные деньги хранились у Сергея Петровича.

— Я их, Иван Тимофеевич, в душнике на кухне храню.

Сергей Петрович пошел в кухню и через несколько минут вернулся с завернутым в холстину толстым свертком.

— Сколько здесь? — спросил Фиолетов.

— Передавали, что тыща.

— Добро… Теперь эти деньги нам бы с толком истратить. На первых порах гектограф приобрести. А потом и типографию организовать. Листовки, брошюры печатать…

Печатать листовки было негде. Фиолетов сунулся было в полукустарную местную типографию, но натолкнулся на какого-то типа, который в ответ на его просьбу пообещал немедленно сообщить о нем полиции. После нескольких дней поисков удалось связаться с милой барышней из гимназии, должно быть учительницей, которая взялась размножить листовку на пишущей машинке. Получилось около ста штук, и это было каплей в море.

Он шатался по базару, ходил по кустарным мастерским, приглядываясь, нет ли у кого гектографа. Спрашивать напрямик было опасно, многие лавочники хорошо знали, для каких целей покупают эту нехитрую машинку. Да ее ни у кого и не было.

И вдруг он вспомнил, что перед отъездом из Баку видел старенький гектограф в лавке Азаряна, что на Торговой улице. Азарян сочувствовал революционерам и откуда-то доставал для них то типографский шрифт, то бумагу, то краски.

— Придется мне, наверно, в Баку ненадолго съездить, Сергей Петрович, — сказал Фиолетов. — Может, гектограф достану.

— А не сцапают тебя там?

— Постараюсь, чтоб не сцапали… Надо нам гектограф вот

как! — Он провел по горлу ребром ладони…

В Баку поезд пришел под вечер. Домой Фиолетов решил не заходить, чтобы не расстраивать мать: мол, показался на минутку и опять уезжает, — а направился с вокзала к Джапаридзе.

— Ванечка! — удивилась Варвара Михайловна. — Ведь вы же в Грозном… Алеша, посмотри, кто к нам пришел!

Джапаридзе удивился не менее жены, хотел было поругать Фиолетова, но когда услышал о цели приезда, успокоился и даже похвалил за инициативу.

— А у нас, Ванечка, очень тревожно, — сказал он. — Ходят упорные слухи, что не сегодня завтра начнется армяно-татарская резня. На всякий случай мы уже сорганизовали на промыслах дружины по десять человек — два азербайджанца, два армянина и шесть русских. Будут ходить по казармам и следить за порядком.

— Пожалуй, тогда мне надо сейчас сбегать к Азаряну.

— Не советую. Уже поздно, и Азарян вам не откроет. Все армяне страшно напуганы и стараются, когда стемнеет, не показываться на улицах.

— Утро вечера мудренее, Ванечка, — сказала Варвара Михайловна. — Переночуете у нас. Небось устали с дороги… Сейчас будем ужинать. Я вас таким пловом угощу…

За ужином тема разговора была все та же — об опасности братоубийственной резни.

— Вот уже две недели, — сказал Джапаридзе, — как полиция распространяет среди мусульман слухи о том, что армяне готовятся к бунту против царя и хотят перебить всех азербайджанцев и русских.

— Какая чушь! — воскликнул Фиолетов.

— А власти палец о палец не ударили, чтобы рассеять нелепую молву. Больше того, полиция и ее агенты стали раздавать мусульманам оружие и патроны и делали это открыто, прямо на улицах.

— Мешади, конечно, в курсе всех дел?

— Само собой. Он сейчас днюет и ночует в помещении правления «Гуммета»… Как-никак, а это — его детище.

— Да, тут Мешади проявил огромную энергию… Кстати, «гуммет» в переводе «энергия».

Джапаридзе улыбнулся.

— Я знаю, Ванечка. В этой мусульманской рабочей организации, которая, между прочим, все теснее примыкает к нашей партии, действительно собрались очень энергичные люди. Мешади, Эфендиев, Нариманов. Этот последний — без пяти минут доктор, исключенный за студенческие беспорядки из

Новороссийского университета.

…А назавтра началось.

Шестого февраля, в воскресенье, в армянский собор, где еще шла служба, вбежал армянин в рваной одежде и закричал не своим голосом:

— Братья армяне! Нас режут мусульмане!

Одновременно с криком «Правоверные! Нас режут армяне!» вбежал в тазанирскую мечеть азербайджанец.

Весть о случившемся мгновенно распространилась по всему Баку и перекинулась на промыслы. В городе началась паника. Возле Парапета появилась группа вооруженных мусульман, паливших в окна квартир, занятых армянами. Из окон им отвечали тем же…

Фиолетов проснулся при первых же выстрелах. Они были едва слышны, и он скорее почувствовал их, чем услышал.

— Кажется, началось, — сказал Джапаридзе, и в его голосе слышалась неподдельная тревога.

— Что будем делать? — спросил Фиолетов.

— Надо немедленно связаться с Мешади. Быстрее! Может быть, поймаем извозчика.

— Алеша, Ванечка! Я вас умоляю, будьте предельно осторожны, — упрашивала Варвара Михайловна.

Им повезло. Извозчик-молоканин, с огромной бородой лопатой, прикрывавшей полгруди, только что привез из города насмерть перепуганного армянина и порожняком возвращался обратно. Он рассказал, что на прилегающих к Парапету улицах видел несколько убитых. Они лежали на мостовой в луже крови.

— А что делают полицейские? — спросил Джапаридзе.

— Ходят… ручки в перчатках за спину, будто прогулку совершают… Тьфу ты господи! — Он снял картуз и перекрестился.

— На Торговую, пожалуйста.

— Ежели проедем, господа хорошие. Там, кажись, самая стрельба.

На Торговой улице пахло порохом, окна многих домов были выбиты, на тротуарах валялись выброшенные из квартир вещи, в воздухе носился пух распоротых подушек.

Напротив лавки Азаряна стояли несколько молодых мусульман с револьверами за поясом и кинжалами в богатых ножнах.

— Подождите нас здесь, — сказал Джапаридзе извозчику. — Оружие, надеюсь, при вас? — спросил он, обернувшись к Фиолетову.

Фиолетов кивнул. Перед отъездом в Грозный он получил в

Бакинском комитете пистолет и носил его постоянно в боковом кармане пиджака.

Они подошли к массивной железной двери, ведущей в лавку Азаряна, и Джапаридзе, стараясь оставаться на виду, достал из кармана связку ключей. Молодчики подвинулись ближе к двери.

Джапаридзе резко обернулся.

— Что вам угодно, господа? — У Джапаридзе был весьма представительный вид, и он вполне мог сойти за какого-либо важного чиновника. — Что вы делаете у моего магазина?

— Вон отсюда, если не хотите, чтобы я вызвал полицию! — крикнул Фиолетов по-азербайджански.

Молодчики недоуменно переглянулись и попятились.

— Навэрпа, мы ашыблысь, — пробормотал один из них, должно быть главный. — Аида отсюда!

Джапаридзе выждал несколько минут и неторопливо постучал в дверь: тук — пауза — тук-тук… Так он стучал, когда по ночам приходил сюда за «товаром» для типографии.

— Это вы, господин Мухадзе? — послышался из-за двери дрожащий голос.

— Да, да, господин Азарян… Откройте скорее.

Было слышно, как хозяин отодвигал тяжелый скрипучий засов и повертывал ключ в замке. Дверь наконец открылась и закрылась сразу же, как только вошли в лавку Фиолетов и Джапаридзе.

Вид у Азаряна был перепуганный, руки дрожали.

— Они меня убьют, о господи! — Он поднял глаза к небу, словно ища там спасения. — Детей и Сильвию, господин Мухадзе, я отправил в село, а сам остался. Я не могу бросить магазин на произвол судьбы. Боже, что со мной будет…

Джапаридзе прервал его излияния:

— Немедленно одевайтесь. Поедете с нами.

На лице Азаряна появилась слабая улыбка.

— О, вы хотите спасти бедного армянина… Чем я могу отблагодарить вас?

— Скорее! У нас мало времени.

Первым вышел Фиолетов и огляделся. Мусульманские молодчики стояли в сотне шагов, не спуская глаз с дома Азаряна.

— Они не ушли, — сказал он в раскрытый проем двери. — И кажется, собираются стрелять.

Джапаридзе выглянул на улицу.

— Азарян, будьте мужчиной. Быстро!

Хозяин лавочки, съежившись, будто это могло сделать его невидимкой, шагнул через порог и бросился к пролетке, но тут же рванулся назад.

— А дверь? Я не запер дверь! — крикнул он в отчаянии.

Фиолетову стоило немалого труда удержать его.

— Этому человеку лавка дороже жизни, — пробормотал он, усаживаясь в пролетку. — На Азиатскую, сто пять, — крикнул он кучеру. — И как можно быстрее.

Дом номер сто пять на Азиатской улице принадлежал Азизбековым и стоял на узенькой, мощенной булыжником улочке, в глубине двора. На удар молоточком в калитку вышла мать Азизбекова Сальминаз-ханум; она придерживалась старых обычаев и носила чадру.

— Заходите, заходите… Гость в дом — радость хозяину, — сказала она, пропуская всех троих во двор. — О аллах, что творится в городе!.. А кто этот господин? — Она показала на понуро стоявшего Азаряна.

— Его надо спрятать, Сальминаз-ханум, — сказал Джапаридзе.

Мать Азизбекова согласно кивнула головой.

— Да, да, у нас ему будет спокойно… Нас тревожат только полицейские и жандармы, но теперь им не до того. Правда, Алеша?

— Правда, Сальминаз-ханум… Мешади дома?

— Дома… Всю ночь где-то был, говорит — работал, и вернулся час тому назад. Я его уложила спать… Может быть, надо разбудить?

— Ни в коем случае. Пусть поспит.

— Спать он не будет, — услышали они голос Азизбекова, и сам он легкой походкой хорошо выспавшегося человека спустился с лестницы. — О, здесь Ванечка! Какими судьбами?

Вслед за Сальминаз-ханум Азарян спустился в подвал через потайной лаз в коридоре, где уже сидели несколько армян.

— Их привел с собой сын… Сказал, что за ними гнались эти кочи, чтоб всемогущий аллах поразил громом их поганые головы.

Азизбеков пригласил Джапаридзе и Фиолетова в кабинет.

— Благодаря принятым мерам на промыслах почти спокойно, — сказал он. — Зато в городе творится что-то ужасное. Мы организовали боевую дружину, но она не может справиться. Армян и азербайджанцев, которые шли на работу, сегодня сопровождала конная полиция, но эта же самая полиция не пошевелила и пальцем, видя, как на ее глазах люди убивают друг друга.

Фиолетов встал и нервно прошелся по кабинету.

— Вы как хотите, но я не могу больше сидеть дома. Надо же что-то делать! Обратиться к народу, что ли…

— Вы наивны, Ванечка. Народ, — Азизбеков подчеркнул

голосом это слово, — в братоубийстве не участвует. Конечно, и с той и с другой стороны есть фанатики, готовые на все из-за ложно понятого национального чувства. Но в основном, в подавляющем большинстве резней заняты мародеры, разные отбросы общества, потенциальные и действительные преступники, кочи.

Кочи… Фиолетов, конечно, знал этих наемных убийц, которые состояли на службе у нефтяных королей. От руки кочей пал не один рабочий, которого хозяин признал смутьяном.

— Сегодня утром, — продолжал Азизбеков, — мы написали листовку. — Он взглянул на часы. — Через час ее надо забрать из типографии и немедленно распространить в городе.

— Разрешите, Мешади, я это сделаю.

— Что ж, если вас не пугает перспектива попасть под шальную пулю…

— Двум смертям не бывать, — махнул рукой Фиолетов. Его деятельная натура не терпела покоя.

…За листовками надо было идти через Большую Крепостную улицу. Там, возле казарм Салынского полка находился винный склад Касабова. Сейчас склад был разграблен, и толпа доканчивала рубить топорами огромные бочки с вином. Мусульмане по закону не могли пить вино, и оно текло по улице широкой красной рекой.

Фиолетов не сразу услышал, что его кто-то окликает. Голос был знакомый, Фиолетов обернулся и увидел Вацека, быстро шагавшего во главе маленького отряда рабочих. Фиолетов обрадовался.

— Иван Прокофьевич! — крикнул он. — Там кочи свирепствуют. — Он кивнул в сторону подожженного дома. — На глазах у солдат и губернатора. Помочь надо людям.

— Поможем, Ванечка… А ты куда? — спросил Вацек.

— За листовками бегу.

— Ну-ну, беги. Может, тебе человека дать?

— Ничего, сам доберусь. Вы лучше тем людям помогите.

…Листовки были готовы, и Фиолетов, забыв об опасности, стал разбрасывать их на улице и совать прохожим. Опасаться полицейских было нечего. Ни одного из них не было на посту. Прогулочным шагом проехал казацкий разъезд. Кто-то из казаков, соскочив с коня, поднял листовку и спрятал в карман. Еще одну листовку схватил тучный, богато одетый чиновник, стал читать, но тут же разорвал ее в клочья. «Значит, здорово написал Мешади», — с удовлетворением подумал Фиолетов и сам поднес листок к близоруким глазам.

«…Вы, граждане мусульмане, больше всего обманутые царским правительством, должны немедленно отвернуться от

него! Оно сделало вас орудием своих преступных замыслов, а теперь всю вину будет сваливать на вас… Граждане армяне! Для вас тоже должно быть очевидным, что виновником бывшей в Баку резни является не темная мусульманская масса, а общий враг всех национальностей — царское самодержавие… И вы, русские граждане, как свидетели только что бывших на улицах Баку зверств, должны обрушиться с удвоенной силон против того же палача…»

…— Ну что ж, друзья, подведем невеселые итоги, — сказал Азизбеков, когда собрались на экстренное совещание члены большевистской фракции Бакинского комитета. — Правительство прибегло к своему испытанному методу натравливания одной национальности на другую. Мы не могли, у нас не было сил остановить резню, но мы сделали все возможное, чтобы братоубийство не перекинулось на промысловые рабочие районы. Побоище возникло не на почве национальной вражды, не на почве социально-экономического антагонизма или религиозного фанатизма, ибо ни вражды, ни антагонизма между мусульманами и армянами не было и нет. Кровавая резня подготовлена исключительно провокацией тайной и явной полиции, распускавшей чудовищные слухи, будто армяне намерены резать татар…

Фиолетов, слушая Азизбекова, согласно кивал головой. Он думал с горечью, по-детски недоумевая: почему люди разных наций, те самые люди, которые работают бок о бок, одинаково гнут спину на хозяина, одинаково страдают, живут в одних казармах, — почему эти люди вдруг начинают ненавидеть и истреблять друг друга?

…Как только в городе стало спокойно и из дома Азизбекова вышли спасенные им армяне, Фиолетов вспомнил, за чем он приехал в Баку. Увы, рассчитывать на то, что в лавке у Азаряна сохранился гектограф, было бы наивно, но он все же, без всякой, впрочем, надежды на успех, спросил об этом у хозяина лавки.

— Гектограф? — Азарян хитровато взглянул на Фиолетова. — Может быть, я смогу помочь вам. Вы, наверное, думаете, что этот глупый армянин, — он ткнул себя в грудь пальцем, — ничего не предусмотрел и оставил свою лавку на растерзание? Так нет! Все ценное он припрятал в такое место, куда не догадается забраться самый хитрый разбойник. Пойдемте.

Дверь в лавку была выломана, внутри все перебито, искорежено, но хозяина это не очень расстроило. Он достал топор и взломал им несколько досок пола.

Под досками виднелась крышка люка, которую Азарян

поднял и по лестнице спустился вниз.

— Подождите меня здесь, и вы через несколько минут будете иметь гектограф, — сказал Азарян.

И верно. Прошло совсем немного времени, и из подвала показался сначала деревянный ящик, а затем и сам хозяин.

— Вот! — сказал Азарян торжественным голосом и вынул из ящика новенький гектограф. — Это, конечно, не печатный станок, но в вашем хозяйстве, я знаю, пригодится и он.

Фиолетов обрадовался.

— Спасибо, господин Азарян. Сколько я вам должен?

Азарян смерил его удивленным взглядом.

— Фи, молодой человек! Неужели вы могли подумать, что у старого армянина повернется язык спросить деньги у людей, которые его спасли? Вам, наверно, еще нужна краска и восковка, так они тоже у меня есть. У старого Азаряна для хорошего человека все есть, так и знайте.

…Фиолетов выехал через день после того, как в Баку прекратилась резня. Поезд в Грозный пришел днем; Фиолетов подождал, пока стемнело, и, взвалив на плечо тяжелый ящик, отправился по старому адресу.

— Ты не будешь против, Сергей Петрович, если я это хозяйство у тебя приспособлю? — спросил Фиолетов.

— Какой разговор, Иван Тимофеевич. Домишко мой стоит в стороне, и улочка тихая. Лучше места не найдешь.

— И вот еще что… — Он смущенно глянул на хозяина. — В этом свертке разные запрещенные брошюры, подарок бакинцев, их бы подальше спрятать, пока не раздадим кому следует.

— Можно и это…

Всеобщей забастовки в Грозном не произошло, но там, где выступал на сходках Фиолетов, рабочие присоединялись к стачечникам железнодорожных мастерских.

Странное чувство овладело Фиолетовым. Он понимал, что в силу сложившихся обстоятельств в Грозном он, а не кто другой теперь вершит всеми революционными делами. Он мечтал о подмоге, завязывал связи с членами партии, но их было мало, и основная тяжесть лежала все-таки на нем. Каждую ночь он печатал листовки, которые сам и писал, каждый день он выступал на сходках перед бастующими рабочими.

Последние дни Фиолетов стал замечать, что во время его выступлений всегда присутствует одетый по-рабочему голубоглазый маленький человечек в картузе с лакированным козырьком, из-под которого торчат красные, видно отмороженные когда-то, уши. С первого взгляда он даже внушал симпатию; настораживало только то, что этот человек бывал решительно на

всех сходках — на железнодорожной станции, в мастерских, на кожевенном заводе. Он не таился и ничем не выделялся среди рабочих, просто приходил на сходку, устраивался в уголке слушал.

За человеком в картузе стали наблюдать и однажды заметили, что он поздно вечером тихонько шмыгнул полицейский участок.

А на следующий день среди ночи в дом Сергея Петровича требовательно и громко постучали:

— Откройте! Полиция.

Спрятать гектограф не удалось. На столе лежали стопки отпечатанных листовок, восковка, несколько привезенных из Баку брошюр.

Тюрьма в Грозном была похожа на тысячи других тюрем России. Приземистое каменное здание со щелями окошек под потолком камер, угрюмый и тесный колодец двора, карцер с ослизлыми от сырости стенами. Начальство в грозненской тюрьме оказалось тупым и жестоким.

Конфликт с начальником тюрьмы произошел в первый же день.

— Я требую, — сказал Фиолетов жестко, — чтобы со мной поступали как с политическим. Надеюсь, вам известна разница между политическими заключенными и уголовниками?

После таких речей Фиолетов попал в карцер — хлеб и вода, которые получал он там, были, по крайней мере, съедобнее, чем тухлая капуста и затхлое пшено — обычное меню заключенных в камерах.

После недели карцера Фиолетова поместили в одиночку.

Его железную койку всегда поднимали на день, противно щелкал автоматический запор, прижимавший ее к стене. Писем не разрешали писать, не разрешали и свиданий.

Книг для чтения в грозненской тюрьме получить было нельзя — их просто там не было. Министерство внутренних дел отпускало российским тюрьмам какие-то гроши на приобретение литературы, но в Грозном эти гроши присваивало себе тюремное начальство.

И была еще одна особенность в грозненской тюрьме: в ней пороли розгами не только уголовников, но и политических.

Каждый день их выводили на получасовую прогулку по темному тюремному двору, напоминавшему каменный глубокий ящик, вымощенный булыжником. Сейчас между камнями пробивалась зеленая травка.

На четырех угловых вышках стояли часовые с винтовками,

нацеленными на заключенных, которые двигались по кругу и цепочкой, обязательно заложив за спину руки. Разговаривать, конечно, не разрешалось, но иногда удавалось кое-кому поделиться невеселыми тюремными новостями.

— Вы знаете, юноша, за что бы я сейчас отдал полжизни? — спросил шагавший впереди Фиолетова пожилой интеллигентного вида человек. — За кусок свежего мяса.

— А я за свежую газету, даже за «Каспий», — ответил Фиолетов.

— Может быть, вам больше подошла бы «Искра»?

— Прекратить разговоры! — крикнул часовой.

Они замолчали, но продолжили разговор, как только вышли из поля зрения этого часового. Из всех четырех часовых он был самым вредным, другие иногда «не замечали», что заключенные нарушают порядок.

— Политик?

— Да. А вы? — спросил Фиолетов.

— Тоже. «За принадлежность к преступным сообществам».

— Рад познакомиться с вами… Фиолетов.

— Савиных.

— Надо составить коллективный протест и передать начальнику тюрьмы. С политическими обращаются хуже, чем с уголовниками.

— Начальник тюрьмы сволочь.

— Если он не удовлетворит наши требования, объявим голодовку. Говорят, это помогает.

— Хорошо. Я поговорю со своими.

— Прекратить разговоры! В карцере давно не сидели? — снова крикнул тот же часовой.

Требования составили через неделю. Остановились на трех, главных: улучшить питание, доставлять в тюрьму книги и свежие газеты, вежливо обращаться с заключенными.

К начальнику тюрьмы пошел Фиолетов.

— Имейте в виду, — сказал он, — что в случае отказа выполнить эти минимальные требования, политические заключенные объявят голодовку.

Начальник тюрьмы расхохотался.

— Вот уж, действительно, нашли чем испугать!

На очередной прогулке Фиолетов успел перекинуться несколькими словами с Савиных.

— Ну что ж, Иван Тимофеевич. Будь по-вашему. С завтрашнего дня начнем голодать, — сказал Савиных.

На следующий день утром тюремный надзиратель, как обычно, открыл окошечко в двери тринадцатой камеры и

поставил на полочку миску с кислыми, дурно пахнущими щами. Обычно Фиолетов тут же быстро съедал это варево, но теперь не притронулся к еде.

Первый день он продержался довольно бодро. Даже не хотелось есть, просто сосало под ложечкой, но, настроившись на длительную голодовку, он старался не замечать этого.

На второй день появилось острое чувство голода, и Фиолетову стоило немалого труда не прикоснуться к миске с едой.

На третий день начала кружиться и тяжелеть голова и огромный комок стал в горле. Суп пах аппетитно, и Фиолетов даже помешал его ложкой. В миске лежал кусок свежего, хорошего мяса. Соблазн был слишком велик, и Фиолетов вылил суп в парашу.

Как сквозь сон он помнил, что в камеру заходил смотритель, несколько минут молча глядел на него, а затем плюнул и удалился, бросив на прощание:

— Подохнешь — никто и знать не будет!

— Ничего, узнают… — через силу ответил Фиолетов.

На четвертый день в теле появилась какая-то необычная легкость, есть совершенно не хотелось, и обед не пришлось выливать в парашу; нетронутый, его унес вечером надзиратель.

На пятый день Фиолетов почувствовал страшную слабость и в изнеможении лег на пол. Койку опускать по-прежнему не разрешали.

В камере снова появился смотритель. И уже не грозил, как в прошлый раз, а христом-богом просил прекратить голодовку и не смущать своим примером других, говорил, что о «печальных событиях в тюрьме» узнали в городе, кое-кто поднял шум. Просил пожалеть его: «У меня ведь семья, молодой человек, дети…»

О том, что было в последующие дни, Фиолетов помнил плохо. На девятый день голодовки он очнулся в тюремной больнице, куда его перевели по настоянию врача.

Сознание возвращалось медленно. Страшно кружилась голова. Тупо болел живот. Не хотелось двигаться, даже шевелить пальцами, стоило неимоверных усилий приподняться на локтях, чтобы взглянуть на себя в маленькое зеркало, висевшее над койкой. В зеркальце отразилось серое, изможденное лицо незнакомого человека с глубоко запавшими глазами.

Подошел доктор в пенсне, старенький, с острой седой бородкой. Из нагрудного кармана халата торчала деревянная трубка для выслушивания.

— Ну вот мы и очнулись, — сказал он, присаживаясь на край кровати. — Дайте-ка мне вашу руку…

Это случилось в конце ноября.

Фиолетова вместе с другими политзаключенными вызвали в кабинет начальника тюрьмы. В кабинете он увидел человека в судейском мундире, с газетой в руке.

— Милостью его императорского величества, — торжественно произнес судеец, вставая из-за стола, — манифестом от семнадцатого октября сего года вы все освобождены из-под стражи.

После этого он сел, давая понять, что разговор окончен.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — пробормотал Фиолетов, выслушав царскую милость.

Глава восьмая

И вот снова Баку — город, который он уже давно считал родным. С радостным, почти сыновним чувством смотрел он на плоскокрышие дома, на золотые купола собора, на минареты, дышал сладковатым запахом нефти, смешанным с запахом соленой морской воды, рыбы и только что выпавшего, но уже начавшего таять на солнце декабрьского снега.

Точно так же, как год назад, кричали мальчишки, продававшие сладости — липкую пахлаву, маленькие кусочки сахара, белую, с орехами, косхалву и коричневую, медовую малхалву. Все так же у крепостной стены сидели продавцы с гюлабом — камешками голубой глины, употребляемыми мужчинами для того, чтобы снять волосы, не прибегая к бритве. В плетеных сумках из тростника лежали пучки сухой мяты и сухого тархуна — душистой травки, которой принято сдабривать овечий сыр. По-прежнему резко, на весь город кричали упрямые ишаки и медленно, важно, независимо шествовали верблюды с седобородыми стариками, уютно устроившимися между двух горбов.

И вдруг в этот привычный городской шум ворвались какие-то дикие выкрики вперемежку с нестройным пением. Фиолетов прислушался.

Возвеселися, царь, о боге,
Ликуй, Россия, о царе…—

донеслось со стороны собора Александра Невского.

Через несколько минут показалась процессия, направлявшаяся к Николаевской улице. Впереди шло духовенство, за ним солдаты Салынского полка, а дальше разношерстная толпа без шапок, с развернутым черным знаменем.

— Что такое? — спросил Фиолетов у прохожего.

Тот усмехнулся.

— Патриотическая демонстрация. В честь государева манифеста. — Он помолчал. — Вот вчера тут другая демонстрация прошла. С красным флагом. Народу — видимо-невидимо. Митинг на Парапете был. Оттуда к баиловской тюрьме пошли, потребовали, чтобы политических выпустили.

— И что же? — живо спросил Фиолетов.

— Сам не видел, врать не буду, но говорят, что не устояло

тюремное начальство.

Вот это была новость! Фиолетов остановился в раздумье: куда пойти? К Джапаридзе? К Азизбекову? Домой?.. Вещей у него не было, он был свободен в своем городе, и радостное чувство не могла омрачить даже эта черносотенная демонстрация с хоругвями и крестами.

«Нет, сначала все-таки домой!» — решил он и пошел искать попутную подводу.

…Отчим еще не пришел с работы, а мать, как всегда, хлопотала по хозяйству. Увидев сына, она всплеснула руками, и крупные слезы потекли из ее глаз. С радостным криком бросилась к нему сестренка и повисла на шее.

— Ну вот и я… — сказал Фиолетов, растерянно улыбаясь.

— Сыночек. Вернулся… Господи! — Мать глянула на икону в углу и перекрестилась. — Все глаза свои старые выплакала, тебя дожидаючись.

Он бегло, путаясь рассказал о том, где и как провел этот год.

Мать от Абдулы знала, что сын попал в тюрьму, и чуть не умерла от горя. Ей было непонятно: ведь не вор же ее Ванюшка, не убивец какой, не разбойник — и вдруг тюрьма. За что? За какую провинность? Однажды зашел Джапаридзе, долго толковал, рассказывал, почему попал за решетку ее сын, чем он не угодил государю императору. От этого разговора не стало легче. И вот ее Ванюшка опять дома. Но надолго ли? Спрашивать об этом не хотелось.

— Тут тебя письмо дожидается, однако с полгода лежит, — сказала мать и полезла в сундучок, где хранились разные нужные бумаги.

— Мне? Письмо? — удивился Фиолетов.

Он взял в руки конверт, надписанный крупными неровными буквами, посмотрел на почтовый штемпель и обмер: Воткинский Завод — поселок, куда уехала Ольга!

— От кого письмо-то? — спросила мать. — Да не прыгай ты, коза! — прикрикнула она на Анюту. — Может, и хранить не стоило?

— Стоило, стоило, мама…

Ольга писала все о том же: что ее истомила праздная жизнь, что Иван опять собирается в Баку на легкие заработки и, возможно, они приедут к зиме или весной… («Может быть, она уже здесь, — мелькнула мысль, — и не зашла?.. Нет, должна была бы зайти…») И была в том письме просьба, которая тоже обрадовала Фиолетова, — прислать его фотографию.

— Мам, у тебя найдется рубль? — спросил он.

— Найдется, найдется, сынок. Для тебя найдется, — ответила

мать и снова полезла в заветный сундучок…

Фотография получилась хорошая, по крайней мере, он остался доволен. Старый фотограф выдал ему белоснежную манишку, галстук-бабочку, пиджак и, лишь нарядив его во все это, сфотографировал на фоне нарисованного на полотне шикарного морского пейзажа.

«Приехала не приехала, а я отошлю», — решил Фиолетов.

Он зашел в ближайшую почтовую контору, где в высокую деревянную стойку были врезаны чернильницы, и написал на обороте карточки: «…Дорогому товарищу от И. Т. Фиолетова. 1905 год».

С Джапаридзе он встретился только на другой день.

— Ба, кого я вижу! Дорогой! — Джапаридзе обнял Фиолетова.

— Здравствуйте, Алеша… Не ждали?

— Почему не ждал? Как можно сказать такое — не ждал? После опубликования манифеста я вас ждал со дня на день. Что нового?.. Нет, сначала о здоровье.

— Здоровье, Алеша, не очень, — ответил Фиолетов. — Глупость я одну в тюрьме допустил: в виде протеста объявил голодовку, да еще других втравил в это дело. На девятые сутки попал в тюремную больницу. Вот с тех пор и маюсь. Живот, простите, болит, да и зрение хуже стало. Очки менять надо.

— Это плохо, это очень плохо… Я слышал о голодовке заключенных в грозненской тюрьме, о том, что она закончилась победой.

— Эта победа, Алеша, далась дорогой ценой.

Джапаридзе внимательно посмотрел на Фиолетова и только теперь заметил, насколько он осунулся.

— Послушайте, Ванечка, вам надо обязательно сменить работу… Хватит стоять за верстаком по девять часов. Мы подыщем вам что-нибудь полегче. Например… Например, есть возможность устроить вас на должность заведующего Балаханским народным домом… Как вы на это смотрите?

— Отрицательно смотрю, Алеша… Когда я работаю слесарем, я каждый день общаюсь с рабочими. Я у всех на виду, и все на виду у меня. А в народном доме? Народный дом — учреждение, конечно, нужное, полезное, но не по мне. Спасибо, но я пойду опять в мастерские или на завод.

— Ну как хотите, Ванечка. Конечно, работа в массах дает больший эффект. Тут вы совершенно правы.

— А что нового в Баку? — спросил Фиолетов. — О последней демонстрации я немного слышал.

— А про бунт в военной флотилии? Черносотенцы устроили

демонстрацию с черным флагом, а матросы ее разогнали. Понятно, не без нашей помощи. Матросов арестовали и хотели предать военно-полевому суду. И тут на их защиту поднялся весь Баку. Наш Совет рабочих депутатов вынес решение о том, что не позволит упасть ни одному волоску с головы своих товарищей матросов. И что бы вы думали? — Джапаридзе весело глянул на Фиолетова. — Люди, которым грозила смертная казнь, отделались всего несколькими месяцами тюрьмы… Да, чуть было не забыл. Есть еще новость, на сей раз касающаяся лично вас.

— Меня? — удивился Фиолетов.

— Именно. Пока вы отсутствовали, вас избрали в Бакинский Совет рабочих депутатов.

— Вот как! Спасибо, Алеша.

— Между прочим, первым предложил вашу кандидатуру Монтин.

— Петр Васильевич? Его освободили? — спросил Фиолетов.

Джапаридзе помрачнел:

— Его убили, Ванечка.

— Что вы говорите, Алеша!..

— Да, Петра Васильевича нет в живых. А какой был человек!.. Его нашли убитым возле православного кладбища. Он лежал у ворот, припорошенный снегом. Случайные прохожие видели, как под вечер он выходил из дома Азизбекова на Азиатской улице. Мы ведь устроили ему проводы, он уезжал на конференцию в Таммерфорс… Через несколько дней мы хоронили Петра Васильевича. Несметные толпы народа — двадцать тысяч человек — с обнаженными головами шли за гробом, на который была возложена гора венков. С обеих сторон процессию сопровождали вооруженные дружинники «Гуммета». Впереди шагали полицейские, но город вышел из-под их повиновения. Сто пятьдесят предприятий Баку и промысловых районов в этот день прекратили работу, чтобы проводить погибшего революционера…

Фиолетов был потрясен рассказом Алеши. Гибель товарища по борьбе он воспринял как личное горе.

Наступила ранняя бакинская весна, самое хорошее для этого города время года. Фиолетов уже давно научился находить ее приметы среди грохочущих и задымленных промыслов. То где-то через слой пропитанной нефтью, казалось бы, мертвой земли вдруг пробьется зеленая травка. Набухнут почки на одиноко стоящем деревце. Пролетит высоко в небе стая птиц, торопящихся на родину после зимовки на берегах Каспия.

В один из таких дней Фиолетов возвращался с ночной смены. Низкое утреннее солнце окрасило в розовый цвет верхушки буровых вышек. Обычно домой он не спешил, часто задерживался

на часок-другой, чтобы встретиться с рабочими дневной смены, но сегодня почему-то заторопился и пошагал, тихонько напевая веселую поселку.

Еще издали, подходя к своей казарме, он увидел сестренку, которая вприпрыжку бежала ему навстречу.

— А тебя тетя искала! — выпалила она на ходу.

— Какая тетя?.. Мам, кто ко мне приходил? — спросил он, войдя в комнату.

— Да эта ж… с которой ты в город ездил.

— Ольга?

У него защемило сердце от радости, что она наконец-то приехала, и досады, что он разминулся с ней.

— Что-нибудь передавала?

— Записку оставила.

Он схватил сложенный наподобие аптечного порошка листок бумаги, развернул и прочел:

«Ванечка! Если хочешь меня видеть, то приходи в воскресенье к мусульманскому кладбищу. Утром часов в десять. Я буду ждать тебя у входа. Леля».

Ошалелыми от радости глазами он посмотрел на мать.

— Мам, какой сегодня день недели?

Мать покачала головой:

— Да что с тобой, сынок? Пятница с утра была.

Пятница… До воскресенья надо было ждать двое невероятно долгих суток.

Магометанское кладбище было огорожено невысокой каменной стеной. За ней тут и там торчали каменные надгробные плиты, воткнутые в твердую землю. На плитах арабской вязью было высечено имя того, кто лежал под этой плитой.

Фиолетов пришел за полчаса до назначенного срока, так ему не терпелось поскорее увидеть Ольгу.

Но и она появилась тоже раньше десяти. Он заметил ее издали, в легоньком платьишке и платочке, стянутом у подбородка узлом, и, улыбаясь, не сдерживая своей радости, побежал ей навстречу. Она тоже ускорила шаг, заулыбалась и не успела оглянуться, как он крепко обнял ее и прижался лицом к ее лицу.

— Я так соскучился по тебе… А ты?

— И я, Ванечка… Что уж тут скрывать.

— Ты насовсем приехала в Баку?

Она согласно кивнула.

Его подмывало узнать про Ивана, но он не хотел портить себе настроение, нарушать очарование минуты и ничего не спросил;

она первая завела разговор об этом.

— Чего ж про Ивана не спросишь? Небось интересно знать.

— Скорей боязно.

— А чего бояться? — Она вздохнула, но без боли. — Не получилась у меня с ним жизнь.

— Он проехал?

— А куда ему деться?.. К Бенкендорфу на завод пошел… Ну а ты как? Все время тут?

Он рассказал ей про последнюю забастовку, про Грозный, про тюрьму и голодовку.

— А чем сейчас занимаешься?

— Да все тем же. Вот на новую стачку собираемся народ подымать.

— Ох и достукаешься ты… Опять посадят.

— Не посадят. — Он весело хмыкнул. — Теперь, Леля, я стреляный воробей, голыми руками не возьмешь.

— Неугомонный ты, Ванечка, — сказала Ольга, и по интонации ее голоса он почувствовал, что она одобряет это.

Ночная работа имела для Фиолетова то преимущество, что он мог в любой день поехать в город и побывать в Бакинском комитете. Сегодня он застал там братьев Шендриковых и яростно дискутирующего с ними Джапаридзе. Спор заканчивался, Шендриковы поспешно ушли, но экспансивный, легковозбудимый Алеша никак не мог остыть после этого разговора.

— Эти продажные шкуры получили от господина Джунковского тридцать тысяч рублей. Как вам это нравится, Ванечка? — Джапаридзе взмахнул руками. — Чиновник особых поручений при кавказском генерал-губернаторе дает деньги — и немалые! — партийцам, членам РСДРП!

— Да какие они партийцы! — Фиолетов поморщился. — Соглашатели они, а не партийцы.

— И на эти деньги шайка Шендриковых строит завод, на котором будут мирно уживаться труд и капитал. Типичная зубатовщина на шендриковский манер!.. Нет, за такое надо сразу же отдавать под строжайший партийный суд… — Джапаридзе немного успокоился. — Что нового на промыслах, Ванечка?

— Пока ничего особенного.

— А у нас есть новость, и притом приятная. ЦК направляет к нам товарища Макара — Виктора Павловича Ногина…

Через несколько дней, придя в Бакинский комитет, фиолетов увидел молодого, немного сурового на первый взгляд человека в очках, с пышной шевелюрой, усами.

Джапаридзе познакомил их:

— Товарищ Макар будет работать партийным организатором в Балаханах, а числится он конторщиком на «Электрической силе». Со Старковым все договорено. Вам же, Ванечка, поручается охранять товарища Макара и беречь его пуще глаза.

— Не беспокойтесь, Алеша, в обиду товарища Макара не дам.

Директор завода «Электрическая сила» Старков был у бакинских большевиков своим человеком. Он хорошо знал Ногина еще по петербургскому «Союзу борьбы».

С Ногиным Фиолетов сошелся быстро, оба были рабочими, один слесарем, другой текстильщиком, оба выросли в нужде, оба рано вступили в РСДРП, оба уже успели побывать в государевых тюрьмах за революционную пропаганду. Не так давно Ногин бежал из ссылки в Швейцарию, к Ленину, и там три месяца работал в женевской группе большевиков. Потом был Петербург, подготовка к восстанию осенью девятьсот пятого.

— В Питере мы с Красиным бомбы делали, — пояснил Ногин.

— С Леонидом Борисовичем? — Фиолетов обрадовался, услышав эту фамилию.

— С ним, Ванечка. Для баррикадных боев. Сначала из консервных банок мастерили, потом Красин достал на заводе чугунные муфты, заказал будто для фабрики, на которой служил. Ну, мы эти муфты маленько подправляли на токарных станках — и в дело. Хорошие бомбочки получались.

У парторганизатора Балахан Ногина было много работы, но главной своей целью он поставил окончательное разоблачение Шендриковых и поэтому немало расспрашивал о них рабочих.

— Один интересный документик, Виктор Павлович, я тебе достану, — сказал Фиолетов.

«Интересный документик» он видел у меньшевика Тер-Нерсесова.

Этот человек однажды заночевал у Льва Шендрикова. Хозяин заснул, а гостю не спалось, и он от нечего делать подошел к письменному столу и увидел письмо, адресованное «глубокоуважаемому господину Джунковскому». Писал Лев Шендриков. «Если с Вашей стороны, а также со стороны правительства, — прочитал Тер-Нерсесов, — будет нам оказана материальная поддержка, то окажется возможным направить рабочее движение в желательную для правительства сторону». Это уже пахло предательством, и Тер-Нерсесов переписал письмо.

— Это же чудесно! — воскликнул Ногин, познакомившись с копией письма. — Лучшего документа для обвинительного заключения не придумаешь!.. Ты не очень устал после ночи? — Он взглянул на Фиолетова. — Нет? Тогда проводи до библиотеки.

Туда один мусульманин обещал заглянуть, а я, как ты знаешь, не шибко силен в азербайджанском.

— А я вот выучил. И сразу стал ближе к народу. У нас ведь нефтяники почти все из местных. Многие из деревень. Бегут от голода. Ты бы видел, как их нанимают: осматривают, как скот, щупают мускулы, в рот заглядывают, а потом на испытание — крутить барабан часов пять подряд, желонку с нефтью поднимать. Кто не свалился с ног, того берут, кто свалился — выгоняют.

По дороге Фиолетова не раз останавливали идущие навстречу рабочие, и Ногин заметил, что все они, даже старики, старались первыми поздороваться с Фиолетовым — мусульмане прикладывали руку к сердцу, а русские стягивали с головы картуз.

— Прижился я тут, в Балаханах, — словно оправдывался Фиолетов. — Все вроде родными стали.

— Я вижу, Ванечка… Эх, таких бы, как ты, да побольше!

Они не торопясь шли по узеньким грязным улочкам, разговаривая о Шендриковых, о том вреде, который они наносят рабочему движению, и незаметно добрели до библиотеки.

— Подождем маленько, — сказал Фиолетов, замедляя шаги. Через незанавешенное окно он увидел знакомого полицейского из балаханского участка. Он стоял у шкафа и листал какую-то книгу.

Ждать пришлось недолго. Распахнулась дверь, и из библиотеки выкатился толстенький блюститель порядка. Козырнув провожавшей его Лидии Николаевне, он медленно удалился.

— Наверно, пронесло, — сказал Фиолетов.

Лидия Николаевна была спокойна и даже весела.

— Между прочим, в Баку, в отличие от Петербурга, полиция еще ни разу не прибегала к личному обыску. И посему сегодня все обошлось просто чудесно. Отвернитесь на минутку, — попросила Лидия Николаевна. Она достала из-за пояса, из внутренних карманов жакета, несколько брошюр и листовок. — Я его увидела из окошка и приняла меры. Он порылся в шкафу, в который раз спросил, почему нет портрета государя, и ушел с носом.

— Разрешите? — Ногин взял со стола брошюрку. — «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии»… — прочитал он вслух. — Ты знаком, Ванечка, с этой книжицей?

— Я как раз приготовила ее для Ванечки, — сказала Лидия Николаевна. — И еще у меня есть для него…

Фиолетов вопросительно посмотрел на нее.

— Ленин. «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Привезли из Петербурга.

Пришел тартальщик Галеев, которого и ждал Ногин. По-русски он почти не говорил, и Фиолетов был за переводчика. Ногин расспрашивал Галеева, о чем с ним вчера беседовал Илья Шендриков, и выяснилось, что тот просил его поджигать вышки. Галеев отказался, и тогда Шендриков пригрозил ему, что поговорит «с самим управляющим» и его, Галеева, уволят с волчьим билетом.

— Каков подлец! — возмутился Ногин. — Но ничего, найдем и на него управу.

В последнее время Фиолетов стал замечать, что по следам Ногина ходит подозрительный субъект в кожаной куртке и кепочке. Иногда он оказывался и без куртки, но с кепочкой не расставался.

Ногину о филере Фиолетов пока не хотел говорить, а с Сулейманом, вместе с которым они охраняли Ногина, поделился.

— Интересно, на кого он работает. Может быть, на Илью? Надо б немного поумерить пыл этого типа.

— Апустыть его в мазут, — решительно сказал Сулейман.

— Можно и так. Пусть покупается.

Случай выполнить задуманное представился через несколько дней. Вечерело. Ногин вышел из конторы «Электрической силы», и за ним словно тень последовал человек в кепочке. До этого он битый час прохаживался возле конторы со скучающим видом.

Фиолетов и Сулейман двинулись следом. В это время Ногин всегда направлялся в библиотеку за свежими газетами, приходившими из Тифлиса вечерним поездом. Путь его был хорошо известен: мимо нефтяного промысла Нобеля, складов и открытых хранилищ мазута.

Возле одного из них они нагнали филера, и Сулейман, тихонько подкравшись сзади, накинул ему на голову мешок. Филер даже не успел вскрикнуть, как его подхватили на руки, пронесли несколько шагов и бросили в яму с мазутом.

Судил братьев Шендриковых рабочий суд. Зал был полон народу. На сцене за столом сидели Джапаридзе, Азизбеков, Вацек, Фиолетов. Сбоку, на скамье подсудимых, все четверо Шендриковых — три брата и Клавдия.

Защищал Шендриковых меньшевик Сандро Девдариани, обвинителем был большевик Виктор Ногин.

Обвинение Ногин сформулировал резко и точно. Шендриковы предали интересы рабочего класса, вошли в сговор с буржуазией. Боясь оттолкнуть буржуазию, они пошли на сделку с правительством, с представителем наместника Джунковским, от которого получили, якобы на борьбу с безработицей, тридцать

тысяч рублей, но безработные из этих денег не увидели ни гроша. Зато близ Баку под лживой вывеской «Союз балаханских и биби-эйбатских рабочих» появился завод, или, как господа Шендриковы назвали его, «трудовая артель», где по их бредовой идее рабочие будут мирно уживаться с капиталистами.

— Это ли не ярчайший пример полицейского социализма! — воскликнул Ногин. — А вот и не менее яркий акт предательства.

Ногин вынул из кармана копию письма Льва Шендрикова Джунковскому и прочитал ее. В зале зашумели. Раздался свист, крики «Позор!».

— Я не посылал этого письма Джунковскому, — крикнул Лев с места.

— Это наглая ложь! Все инспирировано! Провокация! — поддержали брата другие Шендриковы.

Защитник Девдариани в запальчивости так стукнул тростью по столу, за которым сидел обвинитель, что сломал ее.

— Тише, товарищи! — Председатель тщетно пытался призвать к порядку сторонников Шендриковых. В зале их было мало, но шумели они за всех.

— Слово имеет Газар Айрапетян.

Маленький человек с лицом, почти сплошь заросшим волосами, быстро поднялся на сцену. Увидев его, Лев Шендриков опустил голову.

— О, он боится посмотреть мне в глаза! — крикнул Айрапетян. — И знаете почему? Потому что он перед армяно-татарской резней продавал оружие и нам, и мусульманам. Да, да! Я купил у него, — он ткнул пальцем в сторону Льва Шендрикова, — пятнадцать револьверов по двадцать два рубля за штуку… Но не в этом дело. Дело в тех словах, которые я от него услышал. Он сказал: «Ты распространяй эти револьверы среди армян, — по-моему, тюрки затевают против вас темное дело, и армянам надо вооружаться». А когда я пришел к нему через несколько дней, то застал там мусульманина. Сначала Лев не заметил меня, и я слышал, как мусульманин его ругал за то, что Лев забрал у него триста рублей, а дал совсем мало револьверов. Разве поступают так честные члены партии?

— А кто, как не Шендриковы, подослали к представителю ЦК двух молодчиков, которые действовали от имени Нобеля! — говорил другой свидетель. — Эти двое предложили члену ЦК от имени Товарищества сначала двадцать, потом пятьдесят тысяч рублей, лишь бы он настоял на продолжении забастовки. И это в то время, когда настала необходимость срочно закончить стачку, чтобы не потерять и того малого, чего добился стачечный комитет. Шендриковы кричали на всех углах о стачке до победы и

поджигали промыслы, чтобы дать предлог капиталистам провалить заключение коллективного договора. Что вы скажете на это, господа Шендриковы?

Шендриковы ничего не сказали. Вместо ответа один из их прихлебателей прибегнул к испытанному приему — бросил в середину зала большую тощую кошку. Ошарашенная кошка, истошно мяукая, начала метаться и прыгать по плечам и головам собравшихся.

— Товарищи могут воочию убедиться, какие методы используют в споре господа Шендриковы! — крикнул в зал Фиолетов.

Заседали всю ночь. Дело не раз доходило до драки, до пощечин, которыми встречали сторонники Шендриковых ораторов, выступавших против них. Страсти не утихали и во время перерыва.

— Ванечка, пожалуйста, смотрите за Макаром, — предупредил Джапаридзе. — Противники обнаглели, и я очень боюсь за него.

Фиолетов кивнул и спустился в зал к толпе, окружившей Ногина. Ногин стоял на возвышении, и его статная фигура хорошо виднелась на фоне белой стены.

И вдруг… Это произошло совсем невольно, скорее, интуитивно. Фиолетов обернулся и увидел в сторонке худощавого молодого человека, который вытаскивал из кармана револьвер. Иван мгновенно бросился к нему. Еще секунда, и раздался бы выстрел, но этой секунды оказалось достаточно, чтобы выбить уже нацеленное в Ногина оружие.

— Негодяй! В кого стреляешь! — крикнул Фиолетов по-азербайджански.

Парня сразу окружили и повели к Ногину.

— Отпустите его, — сказал Макар. — Он еще очень молод и, очевидно, совсем не разбирается в политике.

Приговор вынесли на рассвете. Льва Шендрикова исключили из партии, остальные выкрутились, отделались испугом, но их политическая репутация была навсегда испорчена.

Фиолетов часто встречался с Ольгой. Она сама назначала место и время встречи, и он прибегал туда всегда чуть раньше и всегда радостный и возбужденный. Правда, выпадали дни, когда он не мог встретиться с ней: то надо было выступить на сходке, то охранять Макара, то, съездить на заседание в Бакинский комитет; — она не обижалась, понимающе кивала головой с тяжелыми косами и только тревожно поглядывала на него.

— Трудную ты себе выбрал жизнь, Ванечка, — сказала она

однажды. — Может, я тебе чем могу помочь?

Он обрадовался:

— Конечно, можешь… А не боишься?

— Если б боялась, не набивалась бы в помощницы… А что надо делать?

— Дел, Леля, много. Опять же — листовки расклеивать. В типографию за ними ходить. Рабочих подбивать на забастовку.

— Это я смогу.

Фиолетов задумался. Вправе ли он толкать любимую женщину на тот опасный путь, который выбрал сам? Возможно, что он отговаривал бы ее от опрометчиво принятого решения, от рискованного дела, находись они далеко друг от друга, но сейчас они в одном городе, вместе, насколько будет легче и радостнее ему, если Ольга будет с ним рядом!

— Ладно, Леля, — сказал он. — Если ты решилась, давай завтра сходим к хорошему человеку.

— Что ж, давай сходим, — ответила Ольга.

— Послушай, Ванечка, я лучше тебя тут подожду, — сказала она, когда они подошли к домику, где жил Джапаридзе.

— Чудачка. Тебе ж надо с ним познакомиться… Пошли, пошли. — Он легонько подтолкнул ее. — Только, пожалуйста, осторожней. Тут у них высокий порожек, о который я всегда спотыкаюсь.

Джапаридзе сидел один в маленькой комнате, которая служила одновременно и гостиной, и столовой, и кабинетом. Рядом, на столике, на стульях, лежал ворох газет, только что принесенных из книжного магазина, а сам хозяин был настолько углублен в чтение, что не слышал, как в комнату вошли Фиолетов и Ольга.

— К вам можно, Алеша?

— А, это вы, Ванечка? — ответил Джапаридзе, узнав гостя по голосу. Он держал перед собой полосу «Нового времени» и не видел, кто пришел. — Садитесь. Я быстренько дочитаю одну паршивенькую статейку и буду к вашим услугам.

Через минуту Джапаридзе отложил газету и только тут увидел, что Фиолетов не один. Ольга робко стояла у того самого порога, о который часто спотыкался ее спутник.

— Простите, ради бога, Ванечка! Я не предполагал, что вы с дамой, — сказал Джапаридзе виноватым голосом. — И кто эта дама?

— Банникова Ольга. Она уезжала из Баку на родину, а недавно вернулась… Наш человек. Ее Вацек хорошо знает.

— Очень приятно. — Джапаридзе поклонился. — Да вы

проходите. Вот только негде сесть. — Он стал сбрасывать со стульев газеты.

— Она в кружок ходила, — продолжал Фиолетов. — На манифестации, на сходки. Листовки расклеивала…

— Что ж, это похвально… Вы кем работаете, товарищ?

— Модисткой… — Ольга уже немного освоилась.

— Очевидно, ходите по своим клиентам? Да? Прекрасно. Нашему брату не часто приходится бывать в домах… Простите, вы обшиваете только рабочий класс или также чиновников?

— Всяко бывает… На прошлой неделе к госпоже Одинцовой пригласили — дочке платье сшить к первому причастию.

— К жене сабунчинского полицейского? — Джапаридзе удивленно поднял брови. — Ее благоверный — довольно мерзкая личность.

Ольга смутилась.

— Может, не надо было ходить к ней?

— Что вы, напротив! Если вам и дальше удастся поддерживать связь с этим домом, мы, возможно, заранее узнаем, какую пакость нам готовит глава этого неблагородного семейства.

Джапаридзе поинтересовался, откуда Ольга родом, где научилась шить, живы ли родители.

— Живы… Мать с отцом на Воткинском заводе остались. Старенькие уже. Братик есть, семь сестер…

— Ого! Большая семья… Вы замужем?

Ольга на секунду задумалась и вдруг ответила решительно:

— Нету у меня мужа!

— Что ж, это бывает… А вот у меня семья. Жена, дочурки. Скоро должны прийти…

С этой минуты Фиолетов плохо понимал, о чем же разговор, — он переживал только что услышанное: Ольга сказала, что у нее нет мужа!

— Вы читали свежие газеты, Ванечка? — вернул его к действительности голос Джапаридзе.

— Еще не успел.

— Тогда почитайте. Наше заботливое, великодушное, гуманнейшее и так далее правительство соизволило разрешить организацию профессиональных союзов. Отныне они могут существовать легально, — правда, при условии, если их устав будет зарегистрирован в правительстве… Вы понимаете, Ванечка, что из этого следует?

— Вроде бы догадываюсь, Алеша. Станем организовывать союз на промыслах.

— Совершенно верно. И заняться этим нам надо будет в

самое ближайшее время. На первых порах поможет товарищ Макар, но я боюсь, что нам придется с ним скоро расстаться. Наверное, его отзовут в Москву.

Ногин уехал из Баку в начале апреля. На прощальном вечере у Джапаридзе он напомнил бакинским большевикам о том, что правительство перешло в наступление, относительное спокойствие кончилось и надо быть очень осторожными.

И одним из его последних дружеских напутствий было: «Берегите Ваню Фиолетова».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Уже больше года минуло с той поры, как Фиолетов ушел из казармы, снял комнату возле вокзала и стал жить там вместе с Ольгой.

Когда первый раз он привел Ольгу к матери и сказал: «Мам, вот моя жена», мать недоуменно, ничего не понимающими глазами глянула на него.

— Как же так, Ванечка? Без венца?.. Или обвенчались уже?

— Нет, мама, не обвенчались мы. У Ольги муж есть.

Мать всплеснула руками:

— Так что же это выходит? При живом-то муже, к тебе пошла?

— Мы любим друг друга, мама.

Мать не слушала.

— Я вот тоже с другим живу, однако твоего отца я не кинула, господь его от меня забрал. А ты? — Она сурово посмотрела на Ольгу.

— А я кинула… Не люб он мне, Александра Яковлевна…

Жить они переехали в так называемый «раствор», бывший когда-то складом, а теперь приспособленный под квартиру, которую им сдал за недорогую цену сочувствующий социал-демократ Иссер Шендеров. Железная гофрированная дверь открывалась не как обычные двери, а поднималась и опускалась с дробным тарахтением и вела в довольно большое помещение, приспособленное под жилье.

Совсем близко шумел неумолчный вокзал, бренчала конка, ругались на стоянке извозчики и ломовики, и все равно здесь было неизмеримо лучше, чем в той лачуге, в которой Фиолетов прожил столько лет.

И главное, рядом находилась Ольга.

Теперь у них была одна жизнь, одни заботы и одни опасности, которые подстерегали их на каждом шагу.

Много событий произошло за полтора года их совместной жизни. И арест девятнадцати активных большевиков, из которых четырнадцать были сразу же брошены в баиловскую тюрьму. По счастью, Фиолетов не пришел на это собрание, проводившееся в доме купца Левита на Гимназической улице… И знакомство на промысле Шамси Асадуллаева с веселым фельдшером по имени Серго Орджоникидзе… И первомайская демонстрация, когда Фиолетов уговорил казаков отпустить арестованных рабочих, которых они вели в участок… И выход нелегальной газеты «Бакинский пролетарий» в июне 1907 года.

Фиолетова избрали членом редколлегии, и ко всем его заботам теперь добавились еще редакторские мытарства.

Он сотрудничал в отделе рабочей хроники, и у него по карманам теперь постоянно были рассованы небольшие листки бумаги с планом будущих заметок или пока еще «голыми» фактами, только что увиденными на буровых.

На заседания редколлегии Фиолетов приходил прямо с промысла. Пока собирались сотрудники, устраивался где-нибудь в уголке поудобнее и, опустив голову на край стола, мгновенно засыпал от усталости. Его будил Джапаридзе:

— Ванечка, проснитесь, уже все в сборе…

Фиолетов вскакивал и, прежде чем надеть очки, долго протирал глаза.

— Я ведь прямо с вахты, — говорил он виноватым голосом.

Он вынимал из кармана заметки и тихонько читал их вслух, вынося на всеобщее обсуждение. К его замечаниям прислушивались все, столько было в них глубокого знания промыслового быта и умения разбираться в самых сложных вопросах, которые волновали рабочих.

Редколлегия проходила всегда на конспиративной квартире по Орловской улице. Большая неуютная комната, вся мебель которой состояла из круглого стола и нескольких табуреток, наполнялась возбужденными голосами. Спорили о каждой заметке и тут же общими усилиями правили ее. Заседали долго, порой с утра до шести часов вечера.

На первом же заседании редколлегии Фиолетов увидел молодую симпатичную женщину, которую ему представил Джапаридзе:

— Ольга Александровна Тарасова или, иначе, «учительница Ольга». Между прочим, недавно бежала из-под ареста прямо из зала суда в Москве. Она вам поможет составлять заметки.

— Что вы, Алеша, — ответила «учительница», — я видела, что написал товарищ Фиолетов, и это не нуждается ни в какой правке. Очень остро и, главное, бьет прямо в цель.

Она жила в городе, и с одного из заседаний они возвращались вместе. Фиолетов пригласил ее к себе, чтобы познакомить с женой. Пили чай с теплым лавашем и узнали, что их гость совсем не Ольга Александровна, а Надежда Николаевна, и не Тарасова, а Колесникова, но говорить об этом, само собой, не следует.

Но, может быть, самое яркое впечатление, которое осталось от этих полутора лет, — знакомство со Степаном Георгиевичем Шаумяном.

Фиолетов увидел его на общебакинской конференции,

которая проходила на заводе Хатисова в Черном городе. Стояла отвратительная погода: шел снег, дул норд. Окна в цехе, где собралось более ста активистов, были выбиты, но Шаумян выступал в одном костюме, одетый с подчеркнутой тщательностью. Он говорил негромко, без лишних жестов, и Фиолетова поразила железная логика его речи и тонкий, однако ж ядовитый сарказм, которым он разил меньшевиков. Его красивая, обрамленная волнистыми волосами голова была гордо запрокинута, а выражение лица менялось с удивительной быстротой.

Потом они много раз встречались в Бакинском комитете, на промыслах, в народных домах, которыми заведовал Шаумян, на собраниях и митингах, где с особой силой проявился его ораторский талант.

Собрание актива решили провести в помещении статистического отдела городской управы. Об этом договорился Стопани, он был знаком с начальником отдела, и тот разрешил собраться после четырех часов, когда разойдутся служащие.

До четырех времени оставалось мало, и Фиолетов торопился, шел быстро и не заметил, как ему пересек дорогу Абдула.

— Ванечка! Стой!.. Туда нельзя! — крикнул он шепотом.

— Что случилось?

— Полиция… Солдаты… Я через окошко удрал.

— Ольга там? — У Фиолетова еще теплилась надежда, что она опоздала.

— Там, Ванечка… И еще много, всех я не знаю.

Фиолетов снял очки и стал машинально протирать стекла.

Неожиданно мелькнула смелая до абсурда мысль, и он бросился вперед, но Абдула схватил его за руку:

— Не надо, Ванечка, там их шибко много.

— Ничего. Попробуем отвлечь на себя охрану. Или ты боишься?

Но выполнить задуманное не удалось. Сзади тихонько подкрались двое полицейских и привычно вывернули им руки.

Из здания статистического отдела вывели арестованных, и Фиолетов увидел Ольгу. Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и ободряюще улыбнулась ему.

Арестованных окружили солдаты, державшие винтовки наготове, конные казаки, впереди стоял жандармский офицер и командир роты. Процессия двинулась.

— Хотел бы я знать, куда нас поведут? — пробормотал Фиолетов.

Вопрос не был праздным. В 1905 году специально дли политических заключенных в Баку прибавилась еще одна тюрьма.

Ее построил на свои деньги и подарил город гаджи Зейнал Тагиев.

Повели в Баилов. Политические занимали небольшое двухэтажное здание с больничкой наверху. Высокий забор отгораживал его от пятиэтажного уголовного корпуса. Женское отделение находилось на заднем дворе.

Еще не так давно про баиловскую тюрьму ходила народе поговорка: «Отсюда не выходят, а выносят», после того, как в январе 1905 года политические заключенные устроили здесь форменный бунт в знак протест против расстрела петербургских рабочих, в тюрьме сменили начальство и тюремный режим был на время смягчен.

— Ну вот и пополнение пришло, милости просим, господа, — приветствовал начальник тюрьмы «новоселов». — Рад вас видеть.

— Не можем ответить тем же, — выразил общее мнение кто-то из арестованных.

Начальник тюрьмы не обиделся.

— Вам не будет скучно, господа. Тут вашего брата…

И верно. Не успели они войти в корпус, в длинный коридор с камерами по обеим сторонам, как из разных концов послышались веселые приветственные крики:

— Кого я вижу!.. Сколько лет, сколько зим!..

Привели еще двоих — Семена Жгенти и сторожа при библиотеке, где работала Лидия Николаевна.

— С вашей начальницей ничего не случилось? — спросил у него Фиолетов. Он подумал, что Лидия Николаевна, возможно, уже сидит в женском корпусе вместе с Ольгой.

— Пока на воле…

Через некоторое время привели Алешу Джапаридзе.

Двери всех камер были открыты, тюремные надзиратели сидели в коридоре, пили чай из блюдечек, и заключенные чувствовали себя свободно, насколько можно себя чувствовать свободными в таком заведении.

Из открытого окна корпуса, стоявшего в глубине двора, доносилась песня.

Скучно, товарищи, мне, одинокому,
В тесной каморке моей,
Скучно по родине, краю далекому,
Скучно, товарищи, мне, одинокому,
Здесь без родных, без друзей…

Тюрьма переполнена. Царское правительство согнало сюда «политиков» всех направлений — большевиков, меньшевиков,

эсеров, анархистов, дашнаков, членов азербайджанской буржуазной партии «Мусават». Пожалуй, кроме тюрьмы, не было другого места, где бы могла собраться такая разношерстная компания.

— По-моему, можно открывать партийное собрание, — живо сказал Джапаридзе. Даже в тюрьме он не терял оптимизма…

А споры между большевиками и меньшевиками возникали стихийно и по любому поводу. Особенно горячились кавказцы. Фиолетов чуть было не расхохотался, прислушавшись к страстной полемике между двумя грузинами.

— Ты знаешь, кто это такой — большевик? — спрашивал кавказец-большевик.

Меньшевик ответил вопросом:

— А ты знаешь, генацвале, кто такой чиновник особых поручений?

— Знаю…

— Так вот это все равно что большевик!

— Ах, так!

Неизвестно, чем бы закончился спор, если бы между спорщиками не возникла трехаршинная, тощая фигура «внефракционника» Ванадзе. По профессии он был юрист, ладил со всеми, в том числе и с уголовниками, которым писал прошения, чем и завоевал среди них особую популярность. Ванадзе грозила длительная высылка, и он лелеял мысль о побеге.

— Ты не знаешь, кто из ваших скоро уйдет отсюда? — спросил он у Фиолетова.

— Понятия не имею… Разве что Абдула. — Он показал на Байрамова.

Как выяснилось после первого же допроса, Абдуле не предъявили никаких обвинений, а лишь требовали назвать «сообщников». Следователь уверял, что ему «все известно», что «чистосердечное раскаяние» поможет облегчить дальнейшую участь подсудимого. Джапаридзе, который уже не раз бывал в подобных переделках, высказал предположение, что Абдулу должны скоро освободить.

— Хвиалетов! На допрос пожалуйте! — выкрикнул надзиратель. — Беда мне с ентими политиками, никого на отведенном месте не застанешь, — пробормотал он.

Штаб-ротмистр Маслов из жандармского управления был поначалу приторно любезен.

— Садитесь, пожалуйста, господин Фиолетов… Курите? Нет? О, это очень хорошо. Курение ведь вредно, я знаю, а вот никак не

могу бросить… Но приступим к делу. Итак, господин Фиолетов, вы уже имели удовольствие познакомиться с учреждением, в котором я имею честь служить. Это было в городе Грозном, не так ли?

Фиолетов согласно кивнул, возражать не имело смысла.

— Но, как это ни прискорбно, — продолжал жандарм, деланно вздыхая, — вы ровным счетом ничего не вынесли из преподанного вам урока и, возвратившись в Баку, продолжали заниматься своей прежней преступной деятельностью. А именно…

Штаб-ротмистр был довольно хорошо информирован и перечислил несколько митингов, сходок, собраний и демонстраций, на которых выступал или хотя бы присутствовал Фиолетов.

— Кроме того, вы обвиняетесь в принадлежности к преступной Российской социал-демократической партии, а также в предосудительных деяниях, выразившихся в организации и проведении стачек в тысяча девятьсот четвертом, тысяча девятьсот пятом, тысяча девятьсот шестом и тысяча девятьсот седьмом годах в Балаханском, Сабунчинском, Биби-Эйбатском, Черногородском и Белогородском районах и в преступном подстрекательстве к оным рабочих указанных районов… Признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях, господин Фиолетов?

— Нет, не признаю.

— Напрасно, напрасно. — Штаб-ротмистр покачал головой. — Что вы знаете… — он скосил глаза в лежавшую на столе бумагу, — об Иссере Мордуховиче Шендерове?

— Это хозяин, у которого я снимаю квартиру.

— Он тоже примыкает к партии, к которой принадлежите и вы?

— Я не принадлежу ни к какой партии, сколько раз надо повторять это!

— Ай-ай-ай, как нехорошо, господин Фиолетов! — Во взгляде штаб-ротмистра чувствовалась укоризна. — Ведь вы же не глупый человек. У нас есть неопровержимые доказательства.

Штаб-ротмистр задал еще несколько вопросов, ответы на которые уже почти не слушал. Он прекрасно знал, что люди, подобные Фиолетову, «эти фанатики-большевики», будут все отрицать, виновными себя не признают и в довершение всего наговорят разных дерзостей в адрес государя.

Отпечатанного в типографии бланка допроса не нашлось и пришлось писать от руки:

«1908 года, марта 28 дня, я, отдельного корпуса жандармов

штаб-ротмистр Маслов, на основе Положения о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года, расспрашивал нижепоименованного Фиолетова Ивана Тимофеевича, который показал…»

— Что ж, господин Фиолетов, нам придется еще раз встретиться. Советую быть более… как бы тут выразиться… более гибким, что ли.

— Напрасно надеетесь, господин следователь, — сказал Фиолетов.

Обвинение, выдвинутое против арестованных большевиков, было шатким, основанным главным образом на показаниях филеров, и следствие затягивалось. Свободного времени оставалось много, и Фиолетов решил, что теперь самая пора выполнить давно задуманное — начать готовиться к экзаменам на аттестат зрелости.

— Полностью одобряю, — сказал Джапаридзе. — Весь «тюремный университет» вы пройти не успеете, но первый курс закончите наверняка.

Вокруг по-прежнему без конца спорили, и Джапаридзе шутил:

— Это ли не парадокс! Единственным местом, где мы добились свободы слова и собраний, оказалась баиловская тюрьма!

Молодой щеголь, в начищенных до блеска мягких сапожках и с усиками, смазанными виноградным соком, хорохорясь, выкрикивал по-петушиному:

— Главная задача сейчас состоит в том, чтобы вооружить народ страстной ненавистью к угнетателям…

— Вы полагаете, уважаемый, что одной ненавистью вы свалите царский трон? — Джапаридзе снисходительно взглянул на оппонента.

— …вооружить неудержимым стремлением к победе! — продолжал тот.

— И выстрелить этим стремлением по Зимнему дворцу. Да? Без оружия, без винтовок и пушек…

В другом углу речь держал эсер Ламоткин:

— Мы, партия социалистов-революционеров, не скрываем того, что возлагаем известные надежды на российскую буржуазию, и мы будем толкать ее на революционный путь!

— Да она уже сама вас столкнула с революционного пути! — ответил ему Енукидзе. — От вашей концепции «скрещенных рук» буржуазии и пролетариата за версту несет оппортунизмом!

— Я протестую! Это демагогия!

Фиолетов прислушивался, откладывал в сторону свою

задачку по алгебре и подходил к спорщикам. Он еще не считал себя достаточно подготовленным, чтобы ввязываться в спор, и слушал молча.

Ему не все было понятно в спорах, особенно когда ораторы прибегали к примерам из мифологии. «Не верьте данайцам, даже дары приносящим» — эту фразу Джапаридзе сегодня бросил меньшевику Рамишвили. Мысль была ясна: не верьте царскому правительству, швырнувшему народу какую-либо подачку, но все-таки кто же были эти данайцы?

— Вам вообще, Ванечка, следует пополнить свои знания по мифологии древних… — Фиолетов и Джапаридзе медленно шагали по тюремному коридору. — Я думаю, что мы сможем организовать лекцию на эту тему.

…Абдулу выпустили в начале июня. Он прибежал в камеру из тюремной канцелярии с криком:

— Ванечка! Мне сказали собирать вещи. И завтра утром уходить на все четыре стороны!

Рядом вырос длинный Ванадзе:

— Ты, кажется, от радости забыл, о чем мы с тобой договорились. Скажи старшему надзирателю, что придешь за вещами позже.

Абдула недоуменно посмотрел на него.

— Если вам так хочется… — пробормотал он.

— Надеюсь, у тебя много вещей?

Вещей у Абдулы было до обидного мало — теплая одежда, в которой его арестовали, да Коран, который передал ему в тюрьму отец.

— Тогда держи!

Ванадзе притащил из своей камеры тяжелую стопку книг, чугунный котелок, массивный чернильный прибор, зимнее пальто и большущую сплетенную из сухого тростника корзину. В таких корзинах крестьяне привозили на базар вороха первой зелени.

Абдула все еще ничего не понимал.

— Сложишь это в корзину и скажешь старшему надзирателю, что здесь твои вещи, — продолжал Ванадзе. — И еще скажешь, что ты за ними придешь… завтра… например в восемь часов… Впрочем, часом позже, часом раньше — не имеет значения, но я должен точно знать, когда ты придешь.

— Ты что-нибудь понимаешь, Ванечка? — спросил Абдула.

— Кажется. — Фиолетов перевел взгляд с корзины на длинного юриста. — Вместо вещей? — спросил он у Ванадзе.

— О, из тебя выйдет хороший криминалист! — похвалил Ванадзе.

— Боюсь, что ты не поместишься в корзине.

— Что значит не помещусь, генацвале! Я уже примерял.

План дерзкого побега «внефракционника» Ванадзе захватил политических всех фракций, по особенно ему обрадовались падкие на авантюры анархисты.

Утром Абдулу отпустили домой.

— За вещами, — он показал на корзинку, — завтра заеду. Вечером. В восемь часов.

Подобные случаи уже бывали, и старший надзиратель не сопротивлялся…

За пятнадцать минут до восьми Ванадзе залез в корзину. Закрыли крышку и навесили замок.

— Не беспокоит? — вежливо поинтересовался Енукидзе.

Ровно в восемь Фиолетов и анархист по прозвищу Нико подхватили корзину и понесли к выходу.

В тюремной практике еще не было случая, чтобы оставленные «политиками» вещи проверялись у тюремных ворот. Но сейчас стражникам что-то показалось подозрительным.

— Что несете? — спросил один из них.

— Вещи Байрамова, — ответил Фиолетов.

Привратник подошел к корзине, снял с плеча винтовку и поднял ее кверху, намереваясь проткнуть корзину штыком.

Фиолетов и Нико мгновенно оттащили ее в сторону.

— Что вы делаете! Там дорогие вещи! — крикнул Нико.

— А ну отмыкай замок! Живо! — рявкнул привратник.

Делать было нечего, и замок отперли. Из корзины высунулась голова Ванадзе с всклокоченными волосами.

Привратник засвистел, примчалась стража, вышел из канцелярии старший надзиратель.

— Что случилось, Дмитренко? — спросил он.

— Да вот, Николай Мефодьевич, бежать один политик собрался.

Глаза старшего надзирателя недобро заблестели.

— Проучить! — крикнул он страже.

Стражники кинулись на столпившихся у ворот политических. Били с ожесточением — прикладами винтовок, металлическими пряжками ремней. Старший надзиратель с невозмутимым видом наблюдал за побоищем.

Избитые, кое-как перевязанные, в кровоподтеках и синяках, политические вернулись в камеры. Решено было немедленно вызвать прокурора. Собрали все металлические кружки, котелки и стали громко стучать в дверь.

— Про-ку-ро-ра!.. Про-ку-ро-ра!.. — скандировали все разом.

Прокурора не прислали, но неожиданно вызвали в тюремную

канцелярию Джапаридзе и объявили, что он свободен.

— Ничего не понимаю… — Начальник тюрьмы пожал плечами. — Самого зачинщика — и выпускают!

— А за меня хлопотала знакомая фрейлина при дворе его императорского величества, — шепнул ему на ухо Джапаридзе.

— Вот оно что… — протянул начальник тюрьмы, но поняв, что над ним издеваются, стукнул кулаком по столу: — Насмехаться изволите, господин Джапаридзе! Вы за это еще ответите. Небось не последний раз с вами видимся.

…Утром следующего дня Джапаридзе уходил из тюрьмы.

— Ну что ж, Ванечка, до встречи! — Он крепко пожал Фиолетову руку.

— До встречи, Алеша. Только где — на свободе или снова здесь?

— Будем надеяться на лучшее, Ванечка…

С Ольгой Фиолетов не встречался. Иногда ему удавалось увидеть жену во время прогулки по заросшему травой тюремному двору: в это время она вставала на койку, чтобы дотянуться до маленького зарешеченного окошка в камере.

Но сегодня он ее встретил в коридоре тюремной канцелярии, возвращаясь с очередного допроса. Конвойные в нерешительности остановились, увидев, как бросились друг к другу эти двое.

— Что у тебя, Ванечка?

— Высылка. А у тебя?

— Тоже… Хоть бы вместе…

— Не положено разговаривать, господа хорошие! — вяло прикрикнул конвоир, который вел Фиолетова. — Пошли, пошли.

…Следственная машина продолжала неторопливо крутиться, скрипела немазаными своими частями, стучала, брала разбег и снова замедляла ход. Тощее сперва дело, начатое Бакинским губернским жандармским управлением задолго до ареста Фиолетова и других большевиков, постепенно обрастало листами с государственными грифами, печатями и подписями официальных лиц.

Фиолетов по-прежнему использовал вынужденный досуг для занятий. После алгебры пришла очередь географии. Ему попался старенький учебник, в котором такие же, как он, узники обвели карандашом города, служившие местом ссылки. Особенно густо были подчеркнуты строчки, посвященные описанию Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний, а также Якутской, Томской, Тобольской.

«Какая ж достанется нам с Ольгой?» — невесело подумал Фиолетов.

Он часто вспоминал мать, которой написал, что уезжает на

остров Челекен. Она, конечно, тревожится, ждет от него письма оттуда, а письма все нет. А может быть, к ней заходили Абдула или Алеша и она уже знает горькую правду…

— Хвиалетов, на выход! — прервал его размышления знакомый голос надзирателя.

Фиолетов с неохотой отложил в сторону книгу.

— Кому это я понадобился? — недовольно пробормотал он.

— Не извольте тревожиться. На свиданьице повесть велели.

В комнате по ту сторону перегораживавшей ее решетки Фиолетов вдруг увидел мать, отчима и сестренку, которая испуганно, во все глаза смотрела на брата. У Фиолетова перехватило дыхание.

— Ванюш… Сыночек… — тихонько промолвила мать. Он протянул ей руки через решетку.

— Ну здравствуй, Иван. Достукался-таки, — сказал отчим. — Сколько раз говорил тебе, брось это дело, негоже супротив царя идти…

Фиолетов не слушал его, он смотрел в заплаканные глаза матери и гладил по голове сестру.

— Вот гостинца тебе принесла, — сказала мать, развязывая узелок. — Коржики твои любимые, сама пекла, орешки, изюму немножко… Небось соскучился по вкусненькому.

— Ты лучше спроси, — перебил ее отчим, — долго ли ему тут сидеть. Аль еще дальше пошлют?

— Да откуда ему знать-то… — Мать безрадостно махнула рукой.

Фиолетов ждал, что она спросит про Ольгу, но мать не спросила, она все еще не могла простить ни сыну, ни невестке («Да какая она мне невестка!»), что сошлись они без церковного обряда, без родительского благословения.

А в этот самый день в канцелярию бакинского градоначальника пришел из Петербурга запечатанный сургучом пакет.

Исполняющий должность градоначальника полковник Петр Иванович Мартынов привычно взмахом серебряного ножа вскрыл печати, вынул лист бумаги с грифом «Арестантское. Секретно» и наскоро пробежал глазами то, что там было написано.

— Наконец-то! — Полковник сказал это вслух, хотя в кабинете никого, кроме него, не было. — Ну вот и решился вопрос об этом Фиолетове.

Мартынов запомнил Фиолетова. Вскоре после организации Союза нефтепромышленных рабочих градоначальник пригласил к себе членов правления этого союза. Среди прочих пришел и

Фиолетов. После короткой беседы градоначальник заявил на прощание: «Предупреждаю, если сойдете с легальной почвы на нелегальную, то мы — враги». За всех ответил Фиолетов: «Друзьями, господин Мартынов, мы никогда с вами не были».

Мартынов водрузил на нос пенсне и еще раз перечитал распоряжение министра внутренних дел:

«…Крестьянина Ивана Тимофеева Фиолетова, мещанина Иссера Мордухова Шендерова, крестьянку Ольгу Иванову Банникову, дворянина Семена Дмитриева Жгенти… в Вологодскую губернию на три года каждого, считая срок для всех с 27 июня 1908 года».

Глава вторая

Отправляли этап знойным августовским днем. На тусклом, грязно-синем небе не было ни облачка. Солнце жгло невыносимо, капля воды, упавшая на раскаленный камень, испарялась мгновенно. Притаились в тени мелкие пичуги, и только неутомимые чайки летали над морем, задевая бугристую поверхность воды.

— Хвиалетов, прощаться с тобой будем, — прокричал надзиратель веселым голосом. — Забрать вещи и следом за мной.

В канцелярии было полно народу, пока только мужчин. Помощник смотрителя протянул Фиолетову листок бумаги, уже подписанный несколькими фамилиями под печатным текстом.

— Распишитесь, что вы не убежите из ссылки.

— А если не распишусь? — спросил Фиолетов.

— Тогда у нас придется задержаться.

Вскоре всех вывели во двор, заполненный уголовниками в наручниках. Политических поставили сзади.

Стоять на жаре было мучительно, сильно хотелось пить, но бачок для воды, как всегда, был пуст… Наконец привели женщин, и Фиолетов облегченно вздохнул, увидев Ольгу.

Вещи политических и уголовников сложили на телегу. Раздалась команда «приготовиться!». Натужно скрипнули железные ворота, и колонна, предводительствуемая начальником конвоя, медленно двинулась на улицу, где ее ждали измученные зноем, злые солдаты, выстроившиеся по тротуарам в два ряда.

Фиолетов шел в паре с Семеном Дмитриевичем Жгенти. Жгенти был всего на несколько лет старше Фиолетова, но выглядел совсем стариком: большая лысина со лба, морщины, рано поседевшие виски. Еще до последнего ареста его приговорили к заключению в крепости, но как обжаловавшего решение судебной палаты отпустили под залог, пока не арестовали снова.

— И вот результат, — Жгенти болезненно улыбнулся. — Вологодская ссылка.

Шагавшие рядом солдаты прислушивались к разговору, и Фиолетов не мог упустить возможность заняться агитацией. Он начал нарочито громко ругать строй, при котором одетый в солдатскую шинель крестьянин или рабочий вынужден идти против своих же братьев по классу.

Под караулом казаков,
С оружием в руках

Ведем в тюрьму большевиков,
Как каторжных — в цепях, —

продекламировал он.

— Редактируете Некрасова? — поинтересовался Жгенти.

— Специально для него, — Фиолетов показал глазами на солдата.

…Чем ближе подходила колонна к вокзалу, тем больше шло за ней народу. Фиолетов знал, что никого из своих он не увидит в толпе, но все равно смотрел, искал глазами. Если бы знала мать, она бы обязательно пришла. И пришли бы Абдула, Джапаридзе, Вацек. Но они не знали.

На станции уже стоял поезд, составленный из вагонов третьего класса, куда стали загонять всех подряд — политических и уголовников. Женщин повели вперед, и Фиолетов успел только переглянуться с Ольгой.

Когда все разместились, в вагон вошел начальник конвоя с папкой в руках. В ней лежали списки заключенных и заведенные на них в управлении бакинского полицеймейстера «открытые листы». Фиолетова штабс-капитан выкрикнул первым и с минуту молча рассматривал его. «С чего бы это?» — подумал Фиолетов. Он не знал, что начальнику конвоя было вменено в обязанность учинить за этим большевиком специальный надзор, как за преступником, «весьма опасным для общества».

Возвратившись в свое купе, штабс-капитан вынул из папки «опросный лист на административного арестанта бакинской тюрьмы, непривилегированного Ивана Тимофеева Фиолетова» и пробежал его глазами: «…без оков… под особым присмотром… арестантской казенной одеждой не снабжен… ценных вещей и собственных денег не имеет… Приметы: двадцати четырех лет, рост средний, лицо чистое, глаза серые, волосы, брови и усы светло-русые, нос обыкновенный. Особые приметы: на левой щеке малозаметный шрам».

…Вагон был накален солнцем, и в нем было еще более душно, чем на улице. Двое конвойных, стоявшие у обеих дверей с обнаженными шашками, не разрешали открывать окна.

Разговаривать между собой не воспрещалось, и политические рассказывали друг другу, кто в какую губернию определен, на сколько лет, чем собираются заняться в ссылке. Больше всего людей ехало в Вологодскую и Архангельскую губернии. Некоторые по второму, а иные и по третьему, по четвертому разу. Фиолетов завидовал их мужеству, стойкости, решимости продолжать начатое дело несмотря ни на что.

За окном пробегали еще знакомые места — желтая полупустыня-полустепь с жесткими травами.

Долго стояли в Грозном, но из вагонов не выпускали, и он не смог увидеть Ольгу.

Места дальше этого города Фиолетов проезжал только раз, когда безусым юнцом ехал в Баку из Туголукова. Что-то там теперь, в его родном селе? Писали, что в кровавом девятьсот пятом году его односельчане восстали, за что и были иссечены казацкими нагайками, а кое-кто и порубан насмерть. Наверно, были и сосланные, и кто знает, не встретится ли он с ними там, на севере…

Почти на всех узловых станциях этапников перетасовывали, как колоду карт, отводили в пересыльную тюрьму и там раскладывали масть к масти. Скоро в вагоне, где ехали Фиолетов и Жгенти, из бакинцев остались только сосед-кавказец да несколько уголовников. Но их вагон по-прежнему был набит до отказа. Очень трудно переносил дорогу Жгенти, все время лежал, надрывно кашлял. Фиолетов предложил похлопотать, чтобы его положили в больницу, но Жгенти не захотел. «Тут хоть вместе едем, а там совсем один останусь».

На вокзале в Туле в вагон посадили новую партию арестантов, направлявшихся на север, и среди прибывших Фиолетов узнал Шендерова, у которого снимал комнату в «растворе».

— Здравствуйте пожалуйста! — Веснушчатое, заросшее ярко-рыжими волосами лицо Шендерова расплылось в приветливой улыбке. — Может быть, теперь вы мне уступите уголок, где я смогу преклонить свою бедную голову? Вам, я вижу, не сиделось в Баку, и вы променяли прекрасную комнату в районе вокзала на этот паршивый вагон. — Он вздохнул. — Впрочем, ваш покорный слуга очутился точно в таком же положении.

Фиолетов был рад увидеть своего квартирного хозяина. В Баку он с ним почти не общался и о том, что Шендеров помогает социал-демократам, узнал только в тюрьме.

Наступила ночь, и конвойный зажег в фонаре стеариновую свечку. Ее хилое пламя колыхалось на ходу, освещало вагон неверным светом. Жгенти уснул, а Фиолетову не спалось, он сидел, прислонясь лицом к оконному стеклу, смотрел на бегущие мимо силуэты деревьев, на редкие огоньки и думал…

Вот еще три года украдет у него царский режим. Когда окончится срок ссылки, ему стукнет двадцать семь.

Много это или мало? И что полезного сделал он, промысловый балаханский слесарь? Ровным счетом ничего… Хотя…

Разве не он, Иван Фиолетов, поднимал людей на забастовки, не он — не один, понятно, — добился для своих товарищей нефтяников девятичасового рабочего дня, выплаты больничных денег, месячного оплачиваемого отпуска? Разве не с его помощью открыли в Балаханах школу для детей рабочих? И что, может быть, важнее всего, на митингах, на собраниях, на сходках его слушали, наверно, тысячи человек. И если пусть не все, а хотя бы сотни из них поняли, что за свою жизнь надо бороться, что Манташевы и Нобели добровольно не отдадут рабочим и копейки из своих миллионов, то и тогда он может считать, что его жизнь не проходит зря… Да и в ссылке тоже найдется работа. Не в обетованную землю едет он, а в край, где люди, возможно, еще более забиты и беспомощны, чем в Баку. Разве там не будет нужна его помощь, его призывное слово большевика?

…В Москве Фиолетов наконец-то смог поговорить с Ольгой. Это случилось в печально знаменитых Бутырках. Их продержали в вагонах, пока не наступила ночь, и лишь тогда повели по обезлюдевшей Москве.

Тюрьма была переполнена, очередная отправка ожидалась только под утро, и всех, кто прибыл ночью, загнали в пустую и угрюмую канцелярию. Двери не заперли, и все вышли во двор. Светила полная, похожая на головку сыра луна, затмевая своим светом тюремные фонари, было по-летнему тепло, и по двору невысоко от земли проносились бесшумные летучие мыши.

— Откуда и куда путь держите, товарищи? — сразу же донеслось из открытых окон корпуса.

— Из Баку в Вологду, — крикнул Фиолетов.

— Везет же людям!

— А вы что, дальше?

— Немножко… До Якутска… Нас завтра гонят, А вас?

— Сейчас спросим у начальника тюрьмы. Вы, конечно, знаете, где его квартира?

Ольга услышала голос Фиолетова и прибежала.

— Ты все шутишь, Ванечка, — сказала она, радуясь этому.

— А без шутки что за жизнь, Леля…

Последняя перед Вологдой остановка была в Вятке.

В вагоне теперь остались почти одни «политики», уголовников, каторжников погнали на восток, на забайкальские рудники и Сахалин. И чем больше набиралось в вагонах политических, чем ближе были места высылки, тем мощнее выставляли конвой, словно власти боялись, что не довезут ссыльных до места.

В вятскую тюрьму шли через весь город, окруженные двойной цепью драгун и казаков с шашками наголо.

Спешить было некуда, и Фиолетов с интересом смотрел на незнакомые улицы с каменными торговыми рядами, домиками с мезонинами, присутственными местами и убогими хибарами бедняков. Все было, как и повсюду в России: роскошь соседствовала с нищетой.

В Вятке уже чувствовались первые признаки осени. На деревьях появились оспины пожелтевших листьев, хмурилось низкое небо, и дул сырой северный ветер. Ночи были холодные, заключенные мерзли под вытертыми до дыр одеялами.

Встречал колонну новоприбывших сам смотритель тюрьмы, грузный, с пергаментной кожей лица, на котором топорщились колючие седые усы. Смотритель был из старых жандармов и знал толк в том, как надо выматывать арестантам душу. Он стоял на высоком крыльце канцелярии, широко расставив ноги, упершись руками в бока, неподвижный, подобный монументу и чем-то похожий на Муравьева-«вешателя», карикатурный портрет которого Фиолетов увидел еще на первом занятии рабочего кружка. Во дворе готовили к отправке очередную партию политических. Несколько десятков человек с вещами переминались с ноги на ногу. Послышались обычные вопросы: кто? куда? за что?

— Молчать! Не разговаривать! — прикрикнул смотритель.

Вскоре он отлучился, и тут заговорили все сразу.

— Остерегайтесь провокаций, товарищи! Здесь администрация умышленно вызывает политических на эксцессы.

— Могут забить насмерть, — добавил «политик» с багровыми кровоподтеками на лице. — Вы знаете, сколько времени мы тут стоим? С трех часов ночи!

Конвойные солдаты не показывались, — очевидно, до отправки еще было далеко. Наконец из караульного помещения вышел нахального вида унтер с тупым конопатым лицом разбойника с большой дороги. Ожидавшие отправка заключенные встрепенулись, некоторые подхватили вещи, но унтер прошел мимо.

— У кого курево кончилось, налетай! — крикнул он в сторону новоприбывших.

Первым подошел к нему Жгенти. Несмотря на слабое здоровье, он много курил, пытаясь этим спастись от душившего его по утрам кашля, и купил у унтера втридорога несколько пачек — в запас. Политические делали ему какие-то знаки, но он их не замечал.

Распродав папиросы, унтер наконец обратил внимание на ожидавших отправки.

— Перекличка!

Он вынул из-за голенища замусоленный список и стал выкрикивать фамилии. Делал он все нарочито медленно, не торопясь водил пальцем по списку и «терял» фамилию, на которой остановился. В конце оказался «лишний» арестант, и унтер, грязно выругавшись, повторил все сначала. Потом в третий раз. Заключенные едва держались на ногах.

Когда наконец все сошлось, унтер объявил, насмешливо глядя на измученных людей.

— Все. Сегодня не поедете… По камерам, быстро!

…На завтрак дали какую-то отвратительную баланду, затертую мукой, с кусочком несвежего мяса; есть ее было невозможно. Обед был не лучше. Фиолетов потребовал выдать кормовые деньги, но старший надзиратель лишь расхохотался в ответ.

— Ишь чего захотел! А вот этого не хошь? — Он поднес к его лицу здоровенный кулак, и Фиолетову стоило немалых усилий не схватить негодяя за руку.

— Хорошо, что вы проявили выдержку, — сказал «политик» с багровым шрамом. — Сидеть бы вам в карцере.

Как этапнику «непривилегированному», Фиолетову полагалось в день десять копеек кормовых, Жгенти, как «привилегированному» — дворянину, — пятнадцать, но в вятской тюрьме половина этих денег оседала в карманах тюремщиков.

Жизнь превратилась в пытку. Мест в тюрьме не хватало, на смену убывшим прибывали новые партии, один этап сменялся другим. Спали на полу, в коридорах. По стенам днем и ночью ползали клопы; гулял ветер, врываясь в разбитые окна.

В этом аду их продержали больше двух недель. Три раза будили среди ночи, заставляли выходить с вещами во двор, на осенний холод и дождь; там они часами мокли, строились, мучительно ждали, пока из караульного помещения выходил унтер, делал перекличку, после чего отсылал обратно в камеры.

На четвертый раз все повторилось, но унтер, закончив выкрикивать фамилии, не сказал свое обычное «сегодня не поедете», а стал обыскивать каждого. Это уже было что-то новое, и Фиолетов подумал, что, наверное, сегодня их все-таки отправят дальше.

Унтер рылся в вещах, ощупывал карманы.

— Енто не положено, — бормотал он, вытаскивая из чемоданчика Жгенти пачки папирос, которые сам же продал ему.

…Вологда встретила этапников хорошей погодой, бабьим летом с паутиной, плывущей по воздуху.

В пересыльной тюрьме, в отличие от других тюрем, было чисто и даже уютно, если это вообще возможно в подобного рода

учреждениях. В камерах на семь человек стояли заправленные чистым бельем кровати, на полотенце лежал кусок мыла. За кормовые деньги купили продукты и сварили кофе в большой кастрюле. «Не иначе как ждут начальства», — подумал Фиолетов и не ошибся. Днем в тюрьму явился полицеймейстер с начальником губернского жандармского управления Конисским.

— Нас тут долго продержат? — задал вопрос Фиолетов. Полицеймейстер и смотритель посмотрели на старшего по чину, ожидая, что он ответит.

— Полагаю, что недолго. Как только господин губернатор ознакомится с вашими делами.

Ожидание не показалось Фиолетову особенно томительным. Жилось сносно. Впереди была пусть относительная, но все же свобода — без тюремных камер, надзирателей, побудок, перекличек, и теперь его тревожило только одно: что с Ольгой? Он знал, что она болела, лежала даже в больнице.

Каждый день несколько человек, дождавшись решения губернатора, отправлялись дальше, уже в пределах губернии. Те, у кого были деньги, нанимали подводу и катили с приставленным жандармом куда-то — в Тотьму, в Кадников, в Верховажье. А такие непривилегированные, как Фиолетов, ждали, пока наберется партия до места ссылки.

Первым из бакинцев уехал Жгенти, в сельцо Вознесенье Никольского уезда.

Прощание получилось грустным.

— Свидимся ли? — Жгенти болезненно улыбнулся.

— Странный вопрос, генацвале! — ответил Фиолетов по-грузински. Рука Жгенти была холодной и потной, и у Фиолетова сжалось сердце от тревоги за своего товарища.

Участь самого Фиолетова все еще решалась в дебрях канцелярии губернатора Хвостова.

— Пока ничего нового, молодой человек, — всякий раз отвечал ему старичок, сидевший в канцелярии тюрьмы.

Так и не дождавшись губернаторской резолюции, Фиолетов решил испытать судьбу и подал прошение на имя самого губернатора. Надежды на успех он не питал, однако подумал, что бумага, как известно, все терпит, а значит, стерпит и это.

«Честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой. Я был задержан и заключен под стражу 24 февраля сего года в городе Баку вместе с Ольгой Ивановной Банниковой (которая есть моя гражданская жена) по одному и тому же делу. По постановлению министра внутренних дел мы высланы в Ваше расположение для определения места отбывания срока ссылки. Ольга Банникова следовала со мной в одной

партии ссыльных и по состоянию здоровья была оставлена конвоем до следующего этапа в ярославской тюрьме. Принимая во внимание болезненное состояние Ольги Банниковой, нуждающейся в постоянном уходе, что подтверждается медицинским освидетельствованием, я обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой выслать нас вместе в один город.

Административно-ссыльный Иван Фиолетов».

Дождаться ответа на свое прошение он не успел.

9 сентября 1908 года правитель канцелярии вологодского губернатора Ивановский получил от своего начальника заведенное на Фиолетова дело с короткой резолюцией, начертанной самим Хвостовым. Начальник канцелярии не глядя, на ощупь достал служебный бланк с типографски напечатанным грифом «3-й стол» и стал каллиграфическим почерком писать изрядно надоевший ему текст, в котором менялись только фамилии, даты да названия городов.

Бумага заканчивалась словами:

«По прибытии Фиолетова в Вологду господин начальник губернии назначил местом жительства ему город Сольвычегодск».

…Из Вологды конвой вышел утром. На нежарком осеннем солнце сияли златоглавые церкви кремля. Булыжная мостовая, деревянные тротуары, дворы — все было усеяно желтой опавшей листвой, шуршавшей под ногами ссыльных. Шли к пристани широкими прямыми улицами, застроенными аккуратными домами с наличниками и карнизами замысловатой северной резьбы. За заборами перекликались, стараясь перекричать друг друга, огненные петухи и беззлобно лаяли лохматые собаки.

У пристани стояла баржа, на которой предстояло добираться по Сухони — кому до Тотьмы, кому до Устюга Великого, кому до Сольвычегодска, а кому и дальше — уже по извилистой Вычегде — до Яренска и Усть-Сысольска, самого отдаленного города в губернии, куда ссылали.

Отчалили в полдень. Настроение у всех было приподнятое, как-никак тюрьма оставалась позади. Конвоиры тоже были настроены миролюбиво и не мешали петь песни, за которые на воле таскали в участок.

Перемигнувшись с незнакомой девушкой, по виду простолюдинкой, такой же, как Ольга, в ситцевой кофточке и жакетике, наброшенном на плечи, Фиолетов затянул на мотив «Коробушки»:

Эх, полным-полна коробушка,
Есть там «Искра» и «Заря».

Не возьмешь ли ты, зазнобушка,
Прокламаций от меня?

«Зазнобушка», очевидно, знала песню, и дальше они пели вместе:

Заграничные, печатные,
Есть и здешнего станка.
Недалеко они спрятаны —
В голенище сапога…

— Как тебя зовут? — спросил Фиолетов у девушки.

— Казакова Дуся, — ответила она, поведя озорными серыми глазами. — А тебя?

Он назвался и спросил:

— Куда путь держишь?

— В Яренск… Даже не знаю, где такой есть.

— На северо-западе губернии. От Вологды семьсот шесть верст, от Петербурга тысяча двести восемьдесят пять. На реке Кижмоль… — Нет, он явно недаром учил географию России в бакинской тюрьме. — Имеются целебные источники… Две ярмарки, — продолжал он тараторить. — Собор и три другие церкви, если это тебя интересует…

— Ой, откуда ты все это знаешь! — Она искренне удивилась.

О «своем» Сольвычегодске он тоже мог бы рассказать немало, но этот город Дусю не интересовал. Они долго стояли на палубе, глядя на берега, покрытые лесом, то лиственным, багряным, то темным, густым ельником, кое-где отступавшим, чтобы дать место деревеньке или селу с рубленой церковкой и погостом. Дуся рассказывала про свою неудавшуюся жизнь, про покойного мужа-пьяницу и охальника, поведала, что сослана она на два года, а арестована была в Киеве.

До Сольвычегодска добирались трое суток. Баржа останавливалась в Тотьме и Великом Устюге. В кристально чистой воде Вычегды отражались одинокие рыбацкие избы на берегу, строгие древние церкви. Печальный звон их колоколов был слышен за много верст.

На пристанях к барже степенно подходили северные красавицы с иконописными лицами и, опустив глаза долу, угощали арестантов разной домашней выпечки снедью — шаньгами, калачами, ватрушками. Конвойные их не отгоняли.

На четвертые сутки, под вечер, за крутым поворотом Вычегды показался Сольвычегодск. Города еще не было видно, но в ясном

закатном небе уже обозначились громады двух пятиглавых соборов. Затем вырисовалась розовая кирпичная стена Введенского монастыря с многочисленными церквами и звонницами, на которых висели отлитые здесь же, в Сольвычегодске, семпдесятипудовые колокола, древний гостиный двор, красивое здание присутственных мест, украшенное колоннадой.

Пристань была вся заполнена народом. Несколько сот человек глядели на приближавшуюся баржу. Все дружно махали фуражками и платками, что-то кричали, улыбались.

«Наверно, кого-то встречают», — подумал Фиолетов и посмотрел назад, не идет ли следом пароход с гостями. Но парохода не было.

«Да ведь это же нас встречают! Нас!» — вдруг догадался Фиолетов, и радостный комок подступил к горлу. Пристань запрудили политические ссыльные. Они узнали, что сегодня придет очередная баржа с «пополнением».

Конвой стал выпускать на берег тех, у кого в Сольвычегодске заканчивался этап, остальные должны были оставаться на барже, и Фиолетов тепло простился с Дусей Казаковой.

— Счастливо тебе добраться до твоего Яренска, — сказал он, пожилая ей руку.

— Спасибо, Иван… Я тебе напишу в Сольвычегодек.

Едва Фиолетов сошел на берег, как очутился в крепких объятиях какого-то совершенно незнакомого человека в шляпе, который выхватил у него из рук узелок с вещами.

— У вас есть где остановиться? — спросил он. — Впрочем, я задаю нелепый вопрос. Это от радости. Здесь так редко можно встретить свежего человека с воли! Я имею в виду своего человека… Меня зовут Запорожный. Семен Пантелеймонович. А вас?.. Очень приятно. Сейчас пойдем ко мне, это недалеко, и вам не придется на ночь глядя искать пристанище.

Пока он говорил, с Фиолетовым успели поздороваться десятки людей, тоже незнакомых. Они спрашивали, как он доехал, откуда он и не нужна ли ему помощь. Запорожный ревниво отстранял их.

— Ивану Тимофеевичу ничего не требуется. Он мой гость.

Домик, где Запорожный снимал комнату, стоял на берегу реки, окнами на воду. Вяло тявкнула собака, но, узнав своего, вильнула хвостом и снова залезла в будку.

— Прошу вот сюда… Осторожно, здесь ступенька, — предупреждал Запорожный.

В комнате стояла кровать, шкафик, стол, этажерка с книгами,

на стене висела групповая фотография.

— Как вам нравится мое спартанское жилье? Сейчас мы попросим притащить еще одну кровать, и вы чудесно отдохнете.

Запорожный продолжал суетиться, принес с кухни шумящий самовар, стал доставать из шкафа посуду.

— Простите за нескромный вопрос, — он посмотрел на Фиолетова. — Вы большевик, меньшевик, социалист-революционер? Впрочем, для меня это не имеет значения.

— Не имеет значения? — Фиолетов с настороженным любопытством посмотрел на него. — Большевик. А вы?

— Знаете ли, Иван Тимофеевич, я еще не определил свои политические взгляды.

— И когда же вы собираетесь их определить, если не секрет? — Фиолетов уже не скрывал насмешки.

— О, время пока терпит…

Фиолетову вдруг стало неуютно в этой чистенькой комнате с шумящим самоваром на столе.

— Простите, Семен Пантелеймонович, но я, пожалуй, пойду, — сказал он, поднимаясь со стула.

Запорожный остановился посреди комнаты с чашками в руках.

— Почему? Что с вами?

— Вспомнил, что надо срочно явиться к исправнику, а то, чего доброго, попадет.

— Но ведь там никого нету… Пойдете завтра утром…

— Кто-нибудь есть. Там и с жильем устроюсь. Не смею мешать.

Фиолетов взял свой узелок с вещами и зашагал к выходу. Запорожный недоуменно пожал плечами.

— Никак не могу понять этих большевиков.

Фиолетов вернулся на пристань, устроился на скамейке, где и скоротал ночь, а утром отправился искать уездного исправника, чтобы доложить, что административно-ссыльный Иван Тимофеев Фиолетов прибыл в город Сольвычегодск для отбывания срока надзора.

Резиденция исправника помещалась в трехэтажном здании присутственных мест, которое Фиолетов заметил еще с баржи. В этом же доме находилась почта, казначейство, полиция, тюрьма и тюремная церковь, о чем свидетельствовала возвышавшаяся над железной крышей маковка, увенчанная голубым крестом.

При виде Фиолетова исправник вздохнул. С политическими ссыльными было очень хлопотно. Он даже послал слезное письмо господину губернатору, просил его ограничить присылку в уезд «политиков», а тот продолжал сдать и слать.

— Ну что ж, раз направил губернатор, будем за вами присматривать, — сказал исправник. — Прошения и прочие просьбы на имя вышестоящего начальства надлежит подавать только через меня, — пробормотал он заученной скороговоркой.

Фиолетов прочитал и подписал: «Обязуюсь исполнять все в точности…»

— И еще несколько вопросов, господин Фиолетов. — Исправник взял со стола другой бланк. — Ваше имя, отчество, фамилия… Впрочем это мне известно… Место рождения… Вероисповедание… Были ли под судом? Нет? Так и запишем. А где собираетесь жить? Впрочем, это ваше дело. Хочу только предупредить, что в квартире больше, чем втроем, поднадзорным собираться запрещается.

Когда Фиолетов ушел, исправник вызвал делопроизводителя и продиктовал ему секретное донесение в канцелярию вологодского губернатора о том, что административно-ссыльный крестьянин Иван Фиолетов 12 сентября 1908 года прибыл в Сольвычегодск и водворен на жительство с учреждением за ним надзора полиции.

Политические ссыльные получали от государства пособие, так называемые кормовые и одежные. Фиолетову, как непривилегированному, полагалось на пропитание восемь рублей пятьдесят копеек в месяц. Одежные выдавались два раза в год — на лето одиннадцать рублей и на зиму тридцать шесть рублей девяносто девять копеек.

— Подумаешь, какая точность… — Фиолетов усмехнулся, узнав в полиции об этой царской милости.

— Напрасно смеетесь, молодой человек, — заметил сидевший в участке полицейский. — Будь я на месте государя, я бы и копейки таким, как ваш брат, не дал бы.

Спорить с ним было бессмысленно и небезопасно. Фиолетов держал в руке только что полученные восемь с полтиной, соображая, как их растянуть на целый месяц. Была бы с ним Ольга — вышло бы семнадцать на двоих, она вела б хозяйство, и все было бы хорошо.

Фиолетов все же надеялся, что его прошению на имя губернатора дадут ход, и он, набравшись терпения, ждал, когда подойдет сюда очередной этап, — возможно, с ним приедет Ольга. Правда, уверенности в этом не было.

Одинокую фигуру Фиолетова, каждый день прохаживающегося по пустому причалу, в конце концов приметил начальник дебаркадера.

— Вы чего тут постоянно гуляете, молодой человек? — спросил он дружелюбно.

— Да вот жена должна приехать… Вы не знаете, когда следующий этап прибудет?

— Знаю. Послезавтра к ночи. Так что возвращайтесь-ка домой, молодой человек, а в четверг часам к десяти придете.

…Конечно, в четверг он явился на причал не к десяти часам, а к шести — не хватило выдержки.

Приход баржи с политическими ссыльными местные власти всегда старались держать в секрете, но это им никогда не удавалось, и к восьми часам на пристани появились первые встречающие, а к девяти весь причал уже был заполнен народом.

Баржа показалась вовремя — точная копия той, на которой приехал Фиолетов. Уже совсем стемнело, высыпали звезды. Два керосиновых фонаря на дебаркадере почти не давали света, но на барже горели огни, и были видны сгрудившиеся на палубе пассажиры, конвой, швартовая команда с пеньковыми тросами в руках. Те, кому полагалось сойти, стояли отдельной группой, человек десять — двенадцать.

Ольги среди них не было.

«Что же это такое!» — чуть не вскрикнул Фиолетов, и в этот момент услышал ее голос:

— Ванечка! Я здесь… — Она стояла на куче канатов, валявшихся на палубе, и, увидев Фиолетова, подбежала к борту. — Меня в Яренск везут!

— В Яренск? — Он чуть не задохнулся от обиды на свою судьбу.

Фиолетов стоял внизу, задрав голову, и смотрел на свою Ольгу. Слабый свет фонаря освещал ее похудевшее лицо, белый платок, из-под которого выбивались толстые косы.

— Как здоровье? Я так волновался…

— Поправилась, как видишь… Я не знала, куда тебя загнали. На каждой пристани искала, все глаза проглядела.

— Я тоже каждый день сюда ходил, тебя встречал.

— Вот и встретились… — Она горько усмехнулась, — чтоб сразу расстаться.

— Не положено разговаривать, барышня. — К Ольге подошел пожилой конвойный солдат.

— Это мой муж, — сказала она, показывая на Фиолетова.

Солдат молча отошел от нее.

«Муж… — Фиолетов тяжело вздохнул. — Если бы мы были обвенчаны… Семейных почти всегда направляют в ссылку в одно и то же место». Он задумался и вдруг радостно улыбнулся от шальной мысли.

— Послушай, Леля. В Яренске есть такая Дуся Казакова. Она со мной одним этапом ехала. Найди ее и спроси, не будет ли она

против, если я ее в невесты возьму.

— Да ты что, Ванечка! — Ольга всплеснула руками.

— Глупенькая. Если я напишу губернатору, что в Яренске у меня невеста, меня туда обязательно переведут. Только чтоб она согласилась на эту комедию.

Ольга наконец поняла и обрадовалась.

Баржа простояла в Сольвычегодске до утра. Старожилы из ссыльных давно разошлись по домам, уводя с собою новичков — кого к себе, кого на заранее подысканную квартиру. Несколько человек местный конвой отвел тюрьму: они в чем-то провинились в Вологде и губернатор определил им «дополнительную меру наказания». А Фиолетов и Ольга все стояли друг против друга, говорили и не могли наговориться…

Для Фиолетова настали трудные дни.

Ранняя северная осень вступила в свои права. Оголились деревья, застуденела вода в Вычегде. По утрам под ногами хрустел молодой ледок, и Фиолетов мерз в своем истрепанном летнем пальтишке. «Одежных» денег так и не выдали…

Настоящего дела на первых порах не было, и он много читал. У ссыльных оказалась маленькая библиотечка, куда с воли иногда попадали даже запрещенные книжки и газеты. Там же время от времени устраивали жаркие дискуссии между большевиками и меньшевиками, и Фиолетов не оставался в стороне. Работать где-нибудь в учреждении или в мастерской «политикам» не разрешали, но они все равно как-то подрабатывали, и местные власти до поры до времени смотрели на это сквозь пальцы. Фиолетов чинил замки, запаивал прохудившиеся кастрюли и ставил металлические оградки на могилах. И еще ждал писем от Ольги. Она обещала сразу написать, как доехала, устроилась, договорилась ли с Дусей Казаковой.

Письмо от Ольги пришло только в начале октября.

Ольга писала, что скучает, мается без своего Ванечки, что недавно послала в Вологду губернатору телеграмму, и тут же привела ее почти полностью: «Жизнь дорога. Квартиры нет. Посторонней помощи нет. Живу впроголодь. Покорнейше прошу перевести в Сольвычегодск».

«Только из моей телеграммы ничего путного не вышло, — писала она. — Так что, Ванечка, теперь осталась одна надежда — на твою затею. С Дусей я говорила, она хорошая женщина и на все согласна».

«Ну что ж, попробуем зайти с другого хода», — сказал сам себе Фиолетов и попросил у знакомого почтаря листок бумаги.

«Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство о

переводе меня из города Сольвычегодска в город Яренск, ввиду того что там находится моя невеста Евдокия Георгиевна Казакова, с которой я намерен обвенчаться».

— На свадьбу позовете? — У исправника, которому Фиолетов подал эту бумагу, поднялось настроение: одним ссыльнопоселенцем у него в уезде, возможно, станет меньше.

— Нет, господин исправник, не позову, — ответил Фиолетов. Он понимал, что сидящий перед ним полицейский изволит шутить, но даже шутки от него принимать не хотелось.

— Ладно, не петушитесь. — Исправник тут же написал сопроводительный рапорт. — Лично против вас, господин Фиолетов, я ничего не имею и, дабы помочь вам поскорее справить свадьбу, докладываю господину губернатору о том, — он заглянул в только что написанное, — что «за время проживания в городе Сольвычегодске Фиолетов вел себя скромно и ни в чем предосудительном замешан не был».

На сей раз губернатор Хвостов оказался более милостивым и просьбу поднадзорного Фиолетова удовлетворил. Дело объяснялось просто: Яренск находился севернее Сольвычегодска и считался более суровым местом ссылки.

26 января 1909 года состоящий под гласным надзором полиции крестьянин Иван Фиолетов, имея на руках проходное свидетельство, выбыл из города Сольвычегодска в город Яренск.

Глава третья

Пара добрых коней мчала розвальни по занесенному снегом почтовому тракту, проложенному вдоль Вычегды. Полчаса назад в сани уселся Фиолетов, накрывшись казенным тулупом. В Сольвычегодске его провожал околоточный, на прощание просивший не убегать и спокойно доехать до Яренска.

— Все равно найдем, — сказал он добродушно. — Только лишних хлопот и мне и себе наделаете.

Мороз был градусов двадцать, скрипел снег под полозьями саней, возница тянул вполголоса какую-то песню, звенел колокольчик под дугой коренника, а Фиолетов смотрел по сторонам и думал о скорой встрече с Ольгой. Отяжелевшие от инея ветви сосен обвисли и задевали за шапку, если он не успевал нагнуться. Дорога предстояла неблизкая, хотя по северным понятиям не такая уж и далекая — верст полтораста.

Судя по тому, что вычитал Фиолетов в книжках по географии, захудалее уездного города, чем Яренск, в губернии не было. «Городишко здесь самое убогое», — писали о Яренске. А вот похвалиться своей древностью он мог. Известен по книге «Большой Чертеж» 1552 года.

У Яренска был свой герб. Верхняя его половина копировала герб Вологды: рука в облаке, несшая золотую державу и серебряный меч, в нижней — на голубом фоне две бегущие друг за другом белки как напоминание о том, что беличий промысел — главный для жителей Яренска.

О том, что он едет в Яренск, Фиолетов дал Ольге телеграмму. О том же сообщил и уездный исправник, но не Ольге, а своему коллеге в Яренске и губернатору Хвостову. Начальник губернии в свою очередь поставил в известность о передвижении Фиолетова господина министра внутренних дел. Каждый шаг политического ссыльного должен быть известен начальству.

На четвертые сутки над холмами с темно-зеленой щеткой хвойных лесов показались верхушки яренских церквей, их сиявшие на солнце позолоченные кресты и голубые купола.

— Скоро вить приедем, барин, — сказал возница.

Фиолетов расхохотался:

— Тоже мне, нашел барина!

— Не мужик, однако.

— А вот как раз и мужик… Из мужиков я, отец.

— Не слоти, — оборвал его возница.

— Что, что? — переспросил Фиолетов. — Не понял тебя.

— Не болтай, говорю, пустого.

Возницы за дорогу несколько раз менялись, и этот, последний, был родом из Яренска. Говорил он на каком-то странном наречии, вроде бы и по-русски, но в эту русскую речь было вкраплено много слов, о смысле которых Фиолетов не всегда догадывался.

Засыпанный снегом, скрывшим под собой немощеные улицы с подгнившими дощатыми тротуарами, свалки мусора, Яренск в эту зимнюю пору выглядел по-своему уютно и живописно. Пласты чистейшего снега свешивались с крыш, четко, словно нарисованные черной тушью, выделялись на белом фоне дома, столбом поднимался дым из труб.

Где живет Ольга, Фиолетов не представлял, да и вообще не знал в Яренске ни одного адреса. Никто из ссыльных не имел понятия, когда он приедет. Ждала его только Ольга, встречала у почтового тракта на Сольвычегодск — все глаза проглядела. Но не дождалась, ушла. Короткий зимний день уже клонился к вечеру, крепчал мороз, и окна в домах были густо разрисованы ледяными узорами. Если из какого-либо дома и смотрит Ольга в окошко, все равно ничего не увидит.

— К уездному исправнику подъезжай, — попросил Фиолетов.

— К Михаилу Антиповичу, значить… Вредная штучка, — ответил возница, усмехаясь. — Собакой люди кличут. А по фамилии Булатов… Тебе до него обязательно надо?

— Обязательно, отец… Далеко это?

— Да у нас, мил человек, все близенько.

Лошади остановились перед большим рубленым домом с высоким крыльцом. Фиолетов взял свой баул и протянул вознице руку.

В жарко натопленной комнате с кафельной печью, за обшарпанным письменным столом, сидел, развалясь, грузный старик с окладистой седой бородой и небольшими, глубоко посаженными глазами, которые остро и враждебно глянули на вошедшего.

— Приехали-таки на мою голову! — сказал исправник, разглядывая проходное свидетельство, которое ему протянул Фиолетов. — Права и обязанности административно-ссыльных известны?

— Обязанности — да. Что касается прав, то о них не слыхал.

Левая бровь исправника взметнулась кверху.

— Вот как?.. Дерзить изволите!.. А права у вас, к сожалению, есть, и вы ими пользуетесь. Ровным счетом ничего не делая, получаете от государства кормовые и одежные, которые в сумме, кстати сказать, много больше пособия, выдаваемого солдату за его верную службу государю. Вас, поднадзорных, возят на

лошадях за счет казны, — исправник скосил глаза на лежавшее перед ним проходное свидетельство, — а защитник престола и отечества должен сотни верст идти пешком… и так далее…

А вы говорите, что у вас нет прав. Да вы их с мясом у нас вырываете!

Исправник достал из шкафа «Дело» Фиолетова, которое заранее прислали сюда из Сольвычегодска, и бегло полистал его.

— О, его превосходительство господин губернатор настолько великодушен, что разрешил вам проживание в Яренске вместе с вашей будущей женой. Вы должны ценить это, Фиолетов, и вести себя должным образом. Помните, что за малейшее нарушение режима, установленного для административно-ссыльных, я буду жестоко наказывать. Же-сто-ко.

Фиолетов устал с дороги, ему не терпелось скорее увидеть Ольгу, и он с трудом дождался, пока выговорится исправник.

Адрес Ольги — Набережная улица, дом Савиных — ему дал сидевший в соседней комнате пьяненький остроносый писарь.

В Яренске было три главных улицы — Первая, Вторая и Третья — и столько же не претендующих на главенство — Задняя, Новая и Набережная, на которой квартировала Ольга.

Пока Фиолетов сидел у исправника, началась метель и почти совсем стемнело. На Набережной не горело ни единого фонаря и только тускло светились окна в домах. Первый же прохожий показал Фиолетову, где находится дом Савиных — последний, дальше уже поле за высоким глухим забором. На стук в калитку залаяла собака. Скрипнула дверь, и кто-то вышел из сеней во двор.

— Кого там бог несет на ночь глядя?

— Откройте… Здесь живет Банникова? — крикнул Фиолетов в темноту.

— Здесь, здесь! — услышал он радостный голос Ольги, и сама она, простоволосая, в наспех накинутой на плечи шали, бросилась ему навстречу.

У Ольги был свой угол за пузатым комодом, где стояла деревянная кровать да самодельный дубовый стул с высокой спинкой. Над кроватью висела его бакинская фотография, та самая…

Они проговорили всю ночь — шепотом, чтобы не мешать хозяйке.

— Надо комнатенку хоть какую найти, только чтоб отдельную, — сказала Ольга.

— Обязательно надо, — поддержал ее Фиолетов. — Однако, наверно, дорого очень.

— Дорого. Да и комнат нету. Тут один товарищ из ссыльных

говорил, что в Яренске на полторы тысячи местных пятьсот таких, как мы с тобой… Да ты не горюй, что дорого. Я шитьем заработаю.

— А я что, лыком шит? — Он показал ей свои ладони, с которых еще не сошли мозоли.

— К председателю колонии сходим… Мне тут листок один дали, вроде памятки. — Ольга протянула руку к висевшему на спинке стула платью и достала из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. — На, погляди.

— Давай. «…Пусть каждый, прежде чем снять квартиру в каком-нибудь районе или на какой-либо улице, справится сначала у местной квартирной комиссии, не бойкотируется ли эта квартира, нет ли на нее кандидатов, за какую цену она ходит. Только с товарищами против хозяев, а не с хозяевами против товарищей»… Что ж, по-моему, все правильно написано.

В Сольвычегодске колонии не было, по крайней мере о ней Фиолетов не слышал, хотя там и ссыльных было побольше, и городок повнушительней, а вот в Яренске колонию создали, и это настроило его на оптимистический лад: видно тут «политики» не сидят сложа руки, у них есть своя организация, а значит, есть кружки, ведется работа среди населения.

— Ты не знаешь, где они помещаются?

— Знаю, Ванечка. На Задней улице.

Они завтракали на кухне под хмурым взглядом хозяйки дома. Утром, только что встав с постели, Ольга на радостях рассказала ей про своего Ванечку, что с ним она не обвенчана, и хозяйка сразу насупилась, помрачнела.

— Вот что, Ольга, — сказала она, глядя в пол. — Баская ты баба и полюбилась мне по первому взгляду, а тольки сраму в моей избе я не потерплю.

Ольга ничего не сказала об этом мужу.

Позавтракав, они пошли на Заднюю улицу. В старом деревянном доме с мезонином было четыре квартиры и четыре официально зарегистрированных жильца, живших коммуной и обходившихся двумя комнатами, остальное предназначалось для собраний, занятий кружков, устройства рождественских елок, шахматных турниров и просто диспутов, проходивших зачастую за чашкой чая.

В дом Фиолетов зашел один, Ольга лишь проводила его.

— Мне, Ванечка, надо платье одной барыне дошить, так что ты уж извини…

Когда он открывал входную дверь, где-то в глубине дома прозвенел колокольчик.

— Разрешите? — Он зашел в просторную комнату и увидел

молодого человека с усиками и бородкой «под Чехова», в чеховском пенсне и с чеховской мягкостью во взгляде.

— Милости просим… С кем имею честь?

— Фиолетов. Новый ссыльнопоселенец.

— Очень приятно. Платонов, председатель совета колонии.

Должность эта была выборной — на два года. Платонова выбрали председателем недавно, но срок ссылки у него заканчивался раньше, и ему надо было думать о новом человеке на свое место.

— С каждым днем работать становится все труднее, — рассказывал Платонов. — Вас в Сольвычегодске не познакомили с циркуляром его превосходительства господина губернатора? Циркуляр, естественно, засекречен, но мы сняли копию. Вот, полюбуйтесь. — Он достал из стола переписанный от руки текст циркуляра. — Адресован волостным полицеймейстерам и уездным исправникам… Прочитайте…

Фиолетов пробежал глазами циркуляр:

«По распоряжению его высокопревосходительства г-на министра внутренних дел… предписываю: во-первых, немедленно закрыть во вверенном вам уезде комитеты и колонии ссыльных, а также содержимые названными колониями квартиры для собраний, столовые и школы».

— Не правда ли, гнуснейший документ? — спросил Платонов. — Однако, несмотря на запрет, мы продолжаем существовать и, больше того, действовать, работать!

Они разговаривали долго и понравились друг другу. Платонов несколько раз бывал в Баку, любил этот город, и ему было интересно все, о чем рассказывал Фиолетов. Фиолетову было интересно все, что рассказывал Платонов.

— Надеюсь, Иван Тимофеевич, мы будем иметь честь видеть вас в числе членов колонии, — сказал Платонов.

— Конечно, Павел Антонович. Если есть такая организация, то как же мне оставаться в стороне?

— Тогда прошу познакомиться с нашим уставом.

Фиолетов прочел отпечатанный на гектографе («У них и гектограф есть», — подумал он) текст устава: «Цель устройства колонии — объединение ссыльных, оказание пособия своим членам посредством выдачи ссуд, способствовать политическим ссыльным в приискании квартиры…»

— Кстати, Иван Тимофеевич, как у вас с жильем? Устроились?

— Пока не устроился… Я, видите ли, к жене приехал… А она сама живет на птичьих правах.

— Квартирными делами у нас занимается товарищ Шефнер,

но список свободных комнат есть и у меня. Вот, например, довольно удобная квартира у Новоселовых на Первой… Комната с кухонькой, отдельный вход. И не очень дорого — четыре рубля в месяц. Вас это устроит?

Назавтра они перебрались на новую квартиру, и Фиолетов сразу поехал в лес за дровами. Лошадь дал хозяин, Иван Иванович, степенный мужик, уже в летах, бородатый, как все старообрядцы. Он вышел на крылечко и смотрел, как его новый квартирант запрягает лошадь. Последний раз Фиолетов занимался этим делом в детстве, однако не забыл и выдержал экзамен.

— Глянь-ка, — сказал хозяин, — царский преступник, а запрячь коня горазд… Ладно, с тобой по первому разу поеду, а то заблукаешь сам-то.

Доверие хозяина было завоевано, и это обрадовало Фиолетова. Кто знает, может быть, и этого человека удастся обратить в свою веру, научить его разбираться, что к чему. Не только в Баку надо будоражить людей, и раз судьба, при помощи царя-батюшки, забросила его в этот медвежий угол, то и здесь надо продолжать делать то, что делал он в Баку.

Комната им понравилась. Теплая, с трубкой, в которой весело потрескивали звонкие березовые дрова. Фиолетов намаялся за день, сам перерубил все привезенные из лесу бревна, сложил по-хозяйски в поленницу, а вечером долго сидел рядом с Ольгой у огня на низенькой скамеечке, молчал и думал, что жизнь, если разобраться, совсем неплохая штука…

На следующий день Фиолетов разыскал Дусю.

— А, женишок приехал, — приветствовала она гостя.

— Пришел поблагодарить тебя.

— Не за что… А я, Ванечка, уезжаю из Яренска. В Кадников переводят.

— Вот как… Ну что ж, удачи тебе…

Первые три-четыре дня он намеревался заниматься только домашними делами, но уже на второй день не выдержал и собрался искать библиотеку. Еще в баиловской тюрьме он твердо решил, что за годы ссылки подготовится и сдаст экзамен на аттестат зрелости.

Хозяева квартиры не знали, где помещается в Яренске библиотека, пришлось спрашивать на улице у прохожих.

— Как раз туда направляюсь, — ответил Фиолетову коренастый молодой человек в легоньком не по сезону пальтишке. Лицо его было закутано башлыком, надетым поверх фуражки.

— Вот и хорошо, вместе пойдем.

Человек в фуражке ухмыльнулся и скосил на Фиолетова глаза.

— Я, собственно, понятия не имею, где у них тут библиотека. Только вчера приехал.

— По своей или по чужой воле?

— Кто ж сюда по своей воле приезжает!

— И то верно… Может быть, познакомимся? Фиолетов Иван, политический ссыльный.

— Зевин Яков…

— Володя! — В голосе Фиолетова звучало неподдельное удивление. — Вот это да… Черт полосатый, так закутался, что тебя и не узнать. Гляжу, облик вроде знакомый, а чей — не догадываюсь. Ну здравствуй! Так, значит, тебя тоже в Яренск? На сколько?

— На два года. А тебя?

— На три… И голос на твой не похож, — продолжал оправдываться Фиолетов.

— Хриплю, Ванечка. Простудился в дороге.

С Яковом Зевиным, которого в Баку звали подпольной кличкой Володя, Фиолетов встретился впервые год назад. Партийную работу они вели в разных районах: Фиолетов в Балаханах, Зевин в Городском районе — и виделись редко.

— Еще кто из наших есть в Яренске? — спросил Зевин.

— Ольга Банникова…

— Тебе повезло… Я ехал сюда из Вологды вместе с Шендеровым. Он рассказывал, что вы с Ольгой у него квартиру снимали.

Фиолетов кивнул.

— Было дело… Значит, нас, бакинцев, уже четверо. Сила, как любит говорить Вацек…

Бесплатная земская библиотека-читальня за неимением казенного помещения занимала комнату в доме священника Покровской церкви Добрякова. Отец Иосиф и его многочисленная семья — матушка Прасковья Кондратьевна, четверо взрослых дочерей и сын, студент Томского университета, — сочувствовали политическим ссыльным и помогали им. Отец Иосиф в нарушение всех мирских и церковных правил мог, например, обвенчать холостяка с неразведенной женой, только бы они оба остались в Яренске. «Политические ссыльные считают его своим священником, — докладывал яренский исправник начальнику Вологодского жандармского управления, — и все совершающиеся с ними браки, крещения, похороны обязательно исполняются о. Добряковым… Все его семейство проникнуто либерализмом и весьма неблагонадежно в политическом отношении».

Комната, куда они вошли, живо напоминала Фиолетову библиотеку в Черном городе, где он впервые получил книги, рекомендованные Лидией Николаевной. Здесь тоже была своя Лидия Николаевна, но выглядела она совсем по-иному: пожилая, полная, с тугим пучком седых волос на затылке — и звалась Варварой Порфирьевной.

— Милости просим, господа, — приветствовала она вошедших. — Раздевайтесь, у нас тепло.

Несколько шкафов с книгами были распахнуты и кое-где сверкали бронзой корешков. На большом круглом столе лежали газеты и журналы «Природа и люди», «Вокруг света», «Нива»…

— Выписываем двадцать два журнала — на любой вкус, — сказала Варвара Порфирьевна. — И десять наименований газет.

— А учебники у вас есть? — спросил Фиолетов.

— Конечно… Вам по какому предмету?

— Да по всем… — Он хотел было добавить: «кроме закона божьего», но спохватился: вдруг библиотекарша имеет отношение к хозяину дома?

Варвара Порфпрьевна улыбнулась.

— «По всем» тоже есть… Спрос на учебники у нас большой, особенно среди приезжих… таких, как вы. Да и беллетристику берут тоже в основном политические ссыльные. Коренное население, увы, не больно сильно в грамоте.

— А вы бы кружки организовали. Или некому руководить?

— Пробовали. Но встретили резкое осуждение со стороны господина исправника.

— Тогда надо, чтобы каждый ссыльный научил грамоте хозяина или хозяйку, у которых стоит на квартире.

— Прекрасная мысль! — похвалила Варвара Порфирьевна. Она взглянула на Фиолетова. — Вот вам бы и начать!.. Вы у кого снимаете комнату? У Новоселовых? Иван Иванович человек грамотный, но, кроме псалтыря, ничего не читает.

— А мы его попробуем приобщить к чему-нибудь другому, что понужнее, — сказал Фиолетов.

Варвара Порфирьевна достала из шкафов несколько учебников: по географии, логике, словесности, три тома «Истории государства Российского» Карамзина.

— Если вас, господин Фиолетов, интересуют книги… как бы это выразиться поделикатнее… которые не в чести у нашего уездного исправника, то за этим вам следует обратиться в колонию ссыльных, к господину Платонову.

— Спасибо за совет, Варвара Порфирьевна. Я обязательно им воспользуюсь.

Зевин остался дочитывать свежие газеты, а Фиолетов ушел,

забрав с собой тяжелую пачку книг.

— Обязательно заходи к нам. Первая улица, дом Новоселовых, — сказал он Зевину, прощаясь.

— И вы с Ольгой. Мы с Шендеровым обосновались на Задней у Самсоновых.

Уездный Яренск был самым бедным и самым заброшенным из всех городов губернии. «Макар к нам телят никогда не гонял», — с грустной улыбкой говорили приезжим яренцы. Про Яренск кто-то сочинил плохонькие и обидные стишки, которых патриоты города (а они конечно же были) стеснялись и старались не вспоминать, хотя стшики эти и были напечатаны в какой-то книжке:

Яренск! Яренск! Город грязный,
Захолустный городок.
Люд живет в тебе приказный,
Инвалид без рук, без ног.
Из мещан пятъ-шесть, не боле,
И те — нищий наголо!..
Еще ссыльных поневоле
Преступленье привело.

И все же в захолустном этом городке, отстоящем от губернской Вологды на семьсот шесть верст, жизнь не замерла и не остановилась. Местная интеллигенция старалась скрасить провинциальное свое существование тем, что с помощью ссыльных устраивала любительские спектакли и музыкально-литературные вечера, выписывала «Ниву» с приложениями и жадно ловила политические новости, привозимые ссыльными…

— Батюшки-светы, сколько книжек принес! — воскликнула Ольга, когда Фиолетов ввалился в комнату с тяжелой пачкой в руках.

— Тут и тебе кой-что есть, и Ивану Ивановичу.

— Хозяину? — удивилась Ольга. — А ему-то зачем?

— Буду просвещать, — задорно сказал Фиолетов. — Во рассказы для народа Льва Толстого принес. Это ему. Не захочет сам читать — громкую читку устроим. А то псалтырь, тьфу!

Он деловито уселся за стол, с удовольствием разложил учебники и достал из баула ученическую тетрадь. Подумал и написал на первом листе: «План занятий И. Т. Фиолетова: с 9 час. утра и до 2 час. дня и с 7 час. вечера до ночи — подготовка к экзамену…»

— А с двух до семи что будешь делать? — спросила Ольга.

Положив ему на плечи руки, она сверху смотрела, как старательно выводит буквы Фиолетов.

— Общаться с товарищами. Будут же у нас товарищи, а? — Он весело глянул на нее. — Вот скоро познакомимся… Да, забыл тебе сказать. Утром Зевина Якова встретил на улице. Из Баку. Помнишь…

Ольга перебила его:

— А на меня у тебя хоть несколько минуток останется?

Он весело рассмеялся:

— Да с тобой, Леля, в мыслях своих я ни на минуту не расстаюсь…

Шли дни. Впрочем, для Фиолетова они не шли — бежали.

Незаметно переломилась зима, и началась долгая северная весна. Всю вторую половину марта стояли ясные дни с редкими облаками в невероятно высоком небе. Дороги зачернели, свесились сосульки с крыш, появились первые лужицы, под снегом образовалась вода. На речках Яренге и Кижмоле стало промывать лед, я он уже прогибался под тяжестью человека, пытавшегося перейти на другой берег.

А потом с горушек побежали, забормотали ручьи. Фиолетов вышел на улицу и остановился, с нежностью глядя на эти ручьи, будто их видел впервые. В Баку не бывало снега и не было таких говорливых ручьев, а вот в Туголукове были. И глубокие, чистые снега, и ручьи, такие же, как эти, яренские. Он вынул из кармана завалявшийся листок бумаги, сложил из него кораблик, пустил по воде и долго смотрел, как он подпрыгивал на игрушечных волнах, преодолевал пороги и мчался все дальше, дальше, пока не скрылся из глаз.

— Що тако, Иван Тимофеевич, в бирюльки играш? — весело спросил Новоселов. Он увидел его из окошка и не поленился, вышел на крыльцо.

Фиолетов смутился.

— Да вот детство вспомнил.

— Бывать, бывать, — снисходительно заметил хозяин. Квартирант направлялся в «колонистский дом»; вчера он получил записочку от Платонова с просьбой зайти. В часы, отведенные «для общения», Фиолетов любил бывать в этом доме; там можно было и поговорить, и отдохнуть, и сыграть партию-другую в шахматы, особенно если удавалось застать Зевина.

Сегодня Зевина не было. В комнате кроме Платонова сидел один из постоянных жильцов дома, Михаил Борисов, и незнакомый человек лет двадцати на вид, с ухоженной русой бородкой и большими натруженными руками, которые, как видно, не чурались никакой работы.

— Мы как раз о вас говорили, — сказал Платонов, поднимаясь из-за стола навстречу Фиолетову. — Познайомьтесь, пожалуйста. — Он показал на молодого человека. — Вадим Папиевич Подбельский. За нарушение режима переведен к нам из Кадникова, где отбывал срок ссылки.

Подбельский встал и поклонился Фиолетову, по-солдатски щелкнув каблуками хорошо начищенных сапог.

— Мы с Вадимом Папиевичем знакомы еще по Якутии, — продолжал Платонов, — и могу заверить, что наша колония с приездом его к нам обогатилась еще одним очень хорошим человеком, волевым, чутким, принципиальным…

— Павел Антонович, ну что это вы… — запротестовал Подбельский, но Платонов остановил его движением руки.

— Кроме того, Вадим Папиевич мастер устраивать побеги. А из ссылки, как вы знаете, люди бежали, бегут и будут бежать. Короче говоря, есть необходимость создать в Яренске специальную тройку для устройства побегов, и я предлагаю в нее включить товарищей Подбельского, Мишу Борисова и вот — Ивана Тимофеевича.

— Но почему же меня? — Фиолетов удивился.

— А потому, Иван Тимофеевич, — ответил Платонов, — что таково мнение коллектива колонии. И кроме того, вы еще только начинаете ссылку…

— …и у вас все впереди, — шутливо добавил Подбельский.

— Совершенно верно, Вадим Папиевич, и это имеет немаловажное значение. Вот, например, меня в тройку включать бессмысленно, так как летом я покину сии благословенные места…

— И мы лишимся прекрасного колониального старосты, — сказал Подбельский, — человека волевого, чуткого, принципиального…

— Благодарю вас. — Платонов церемонно поклонился Подбельскому. — Так сказать, око за око… Но я шучу, конечно. Что касается побегов, то одними своими силами нам не справиться и надо к этому делу привлечь кое-кого из местного населения. — Он посмотрел на Фиолетова. — С кем, Иван Тимофеевич, вы уже успели познакомиться?

— С библиотекаршей… Немного с семьей Добряковых… Доктора Волка однажды вызывал к жене, и он категорически отказался взять гонорар за визит…

— Владимир Леонидович — очень порядочный человек. У него наши люди не раз получали фиктивные справки, чтобы поехать в Вологду… Заведите знакомство с сестрами Писаревыми — Натальей, Верой и Софьей. Софья Константиновна дружит с

политическим ссыльным Сандлером, и не исключена возможность, что отец Иосиф их скоро обвенчает.

— Не забывайте, Павел Антонович, о сестрах Титовых, — напомнил Борисов.

— Совершенно верно, Миша. Учительницам Титовым можно доверять безоговорочно.

Домой Фиолетов возвращался вместе с Подбельским. Разговаривали о только что организованной тройке, о том, как много надо приложить усилий, чтобы обмануть бдительность полицейских, которые каждый вечер проверяют, на месте ли их подопечные. Надо будет научиться изготовлять фальшивые паспорта, найти подводу или лодку, чтобы добраться до железной дороги.

— Может быть, ко мне зайдем? С женой познакомлю, — предложил Фиолетов.

— С удовольствием, Иван Тимофеевич.

Ольга что-то строчила на хозяйской швейной машинке и при виде гостя стала поспешно убирать шитье со стола.

— Мы вам помешали, — сказал Подбельский, здороваясь.

— Ничего… И отдохнуть пора, — ответила Ольга. — Это я хозяйке шью за то, что она своей машинкой разрешает пользоваться.

Подбельский хмыкнул и, прищурясь, взглянул на Ольгу:

— А вы бы могли сшить… подвенечное платье?

— Могу и подвенечное… А что?

— Возможно, я обращусь к вам с этой просьбой. — Он доверительно улыбнулся. — Сюда должна приехать одна очень симпатичная девушка… Такая же бедолага, как и мы с вами.

Зашли на огонек Зевин и низенький рыжебородый Шендеров. Зевин принес шахматы в надежде обыграть Фиолетова.

— Больше, чем по четыре, не собираться! А нас, если я не разучился считать, пятеро. Может быть, мне уйти? — Зевин рассмеялся.

— А что, — сказал Подбельский. — В Кадникове, откуда я имел честь недавно прибыть, меня посадили в тюрьму за то, что нас собралось трое. Не пятеро!

— На всякий случай задернем занавеску, — сказала Ольга и стала собирать чай.

— Товарищи, а вам не кажется, что скоро наступит Первое мая? — спросил Фиолетов, подавая Подбельскому чашку. — В Баку, наверное, уже готовятся.

— В Якутии тоже… Я ведь оттуда родом, — сказал Подбельский. — Там первого мая гуляют метеля и стоят трескучие морозы.

— А здесь что будет? — подал голос Зевин. — Никто из нас, по-моему, не был в Яренске в это время. Все — осенне-зимние.

— Вот увидите, теплая будет погода, — предсказала Ольга.

— Значит, праздник будем устраивать в лесу, — подытожил Фиолетов. Относительно того, что Первое мая надо обязательно отметить, у него не было ни малейшего колебания.

После чая Фиолетов играл в шахматы с Зевиным и выиграл. Подбельский расспрашивал Ольгу про Баку; он провел юность на севере, и с удовольствием слушал рассказ о юге. Шендеров читал повести Пушкина, которые Фиолетов принес для хозяина квартиры.

Едва ушли гости, Фиолетов стал раскладывать на столе книги.

— Может, ты сперва поможешь посуду убрать? — попросила Ольга.

— Лелечка, ты же знаешь, что мне надо заниматься.

Она сделала вид, что обиделась.

— Хорошо, хорошо. Сей минут мы вымоем всю посуду, — объявил он громогласно.

Он лихо взялся за дело: налил из самовара в таз горячей воды, схватил стакан и тут же уронил его на пол. Взял другой и, вытирая, раздавил. Третий стакан Ольга ему уже не дала.

— Спасибо, Ванечка… Чем мы будем расплачиваться с хозяйкой? — спросила она.

— Ничего, — ответил он бодро. — Я им за эти стаканы дров нарублю целую поленницу. Вот и расквитаемся… Леля, а ты догадалась, что я нарочно стаканы бил, чтобы ты меня больше не просила мыть посуду?

— Конечно, Ванечка.

Он подошел и чмокнул ее в щеку.

— А все-таки хорошо, что ты есть на свете!.. Хочешь, пойдем погуляем?

Она обрадовалась. Гулял Фиолетов мало, особенно во время, которое сам себе отвел на подготовку к экзаменам.

— Пойдем знаешь куда? — Через мост к лесу, — сказал он. — Очень люблю эту дорогу. Одевайся, пока не передумал.

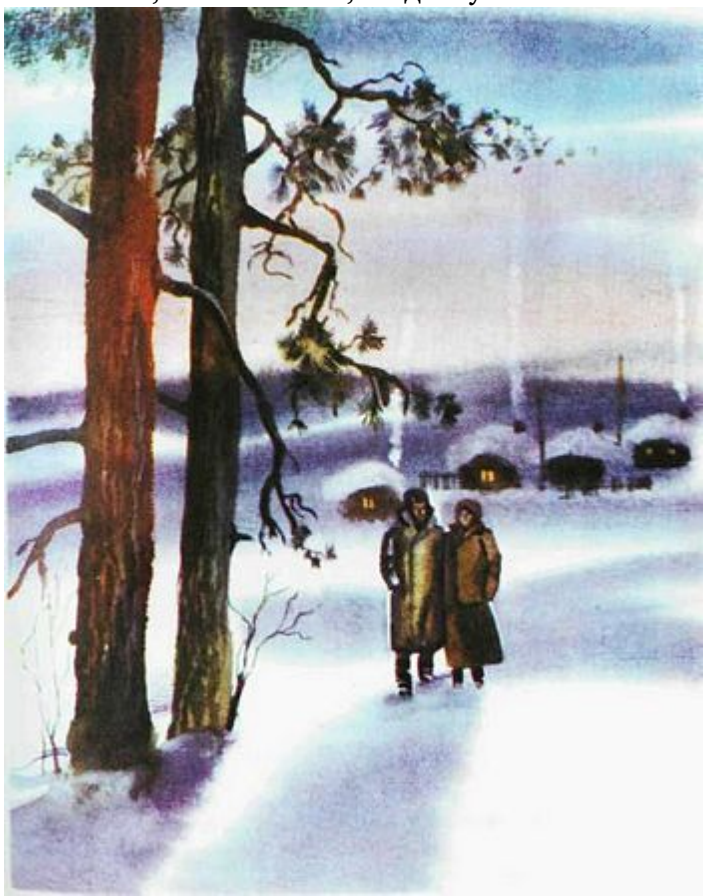
К зиме им выдали одежные деньги: Фиолетову — 8 рублей 69 копеек, Ольге — 7 рублей 53 копейки. И они купили в лавке купца Синельникова по паре ботинок, а на зимней афанасьевской ярмарке — по подержанному овчинному полушубку.

К вечеру стало подмораживать и затихла капель с крыш, только блестели, переливались на закатном солнце синими огнями длинные сосульки. Под ногами хрустел ледок, был чист и прозрачен воздух.

— Как тут хорошо дышится, не то что в Баку, — сказала Ольга.

— А ты знаешь, Леля, я очень соскучился по Баку.

— Не по Баку ты соскучился, Ванечка, а по работе, по забастовкам своим, по митингам, по дискуссиям…



— А ведь угадала. — Он весело рассмеялся. — Там — жизнь, движение. А здесь — тишина, покой…

— Ничего, ты их скоро нарушишь, чует мое сердце.

— Не ты, а мы, — поправил ее Фиолетов.

Дома скоро кончились, и они пошли по укатанной до зеркального блеска, уже пожелтевшей от конского навоза дороге, которая вела к деревне Богословский Погост. Шли медленно, и их нагнал мужичок, очевидно спешивший в ту же деревеньку.

— Здравия желаю, молодые люди, — сказал он. — Гуляем?

— Гуляем, — ответил Фиолетов.

— Это хорошо… Урожай сего лета ладный будет, — объявил мужичок.

— Откуда знаешь, папаша?

— А ты, мил человек, глянь-ка на дорогу, что по речке идет. Видишь, дорога-то поднимается, а края-то низкие, дорога-то куда как выше снегу стала.

— Ну и что, что выше?

— А то, что примета есть: ежели весной, об эту пору, дорога бывает нижен снегу, тогда по весне мы на охоту в лес уходим и не сеем. А нонешний год высеем поля.

— А часто дорога бывает ниже снегу?

— Ой, часто, мил человек, почитай, каждый третий год…

«Да, несладко живется тут крестьянам, — подумал Фиолетов. — Каждый третий год неурожай». Мысль перекинулась на Туголуково. Казалось бы, пора забыть, столько лет минуло, ан нет, глядишь, и выхватит лучик памяти из темноты какую-нибудь картинку детства… Что там сейчас, в Туголукове? Тоже недороды, нищета, от которой уехали мать с отчимом, надеясь на лучшее, а что нашли? И так повсюду на Руси. Недавно газеты писали о голоде где-то в Заволжье. А почему голод? Или мало земли в России, или так уж плоха она? Поди попробуй втолковать вот такому мужичку, что не от бога недород и не от бога голод… А втолковывать надо, иначе все так и останется до второго пришествия — голод, рабская покорность судьбе…

Глава четвертая

Собрание, которому предстояло решить вопрос о праздничной маевке, назначено было на шесть часов вечера. Место встречи выбрали около водяной мельницы на речке Кишере. Вечер выдался погожий, тихий, теплый. Снег остался лежать только в лощинах. Речка разлилась, затопив низкий берег полой водой.

Сперва Фиолетова провожала Ольга, потом он пошел один. Чтобы не привлекать внимание полиции, решили, что около мельницы соберутся только уполномоченные от участков.

Фиолетов шел, напевая веселую песню и помахивая вырезанной по дороге тальниковой палочкой. В детстве, в Туголукове, он любил в эту весеннюю пору мастерить из вербы свистульки, хотел было сделать и сейчас, но решил, что свистеть в дуду несолидно, да и не стоит оглашать воздух свистом, когда идешь на тайную сходку.

Собирались по одному… Вот показался Зевин и помахал ему рукой. Пришел подтянутый, щеголеватый Подбольский. Секретарь колонии — добродушный толстяк Тронов. Павел Антонович Платонов, увидя Фиолетова, издали дружески кивнул ему. Несколько человек Фиолетов не знал; их выбрали недавно, одновременно с ним.

Подмытая недавним паводком могучая сосна лежала вдоль берега, на нее все уселись. Пахло смолой. В подступавшей к берегу березовой роще горланили устраивавшиеся на ночь грачи. Замшелая мельница отражалась в воде.

Было спокойно, тихо, и ничто не напоминало Фиолетову сходку где-нибудь на горе Степана Разина или возле мусульманского заброшенного кладбища, когда каждую минуту надо было ждать казаков, налетавших со стремительностью бакинского норда.

Колонистский староста Платонов встречал Первое мая б Яренске уже в четвертый раз и вспомнил, как отмечался этот праздник и в 1906, и в 1907, и в 1908-м годах. Устраивали демонстрацию на Торговой площади, с красным флагом, с «Марсельезой», а заканчивали митингом на городском кладбище, у могил политических ссыльных. Стояли, обнажив головы, и вспоминали тех, знакомых и незнакомых, кто так и не дождался того светлого дня, за который отдал жизнь. Полиция не решалась вмешиваться, чинно шла рядом с процессией, и можно было подумать, что полицейские скорее охраняют демонстрантов, чем препятствуют им. По дороге к ссыльным присоединялись местные

жители, сначала робко, по одному, а потом, увидев в рядах своих, группами, все смелее… Доктор Волк, учительницы Титовы, сестры Писаревы… Было странно видеть в первомайской колонне бородатого отца Иосифа, который вместо молитв пел своим могучим басом революционные песни. Со страхом и любопытством смотрели на него из окон богобоязненные и трусливые купчики, крестились и охали, не зная, что и подумать про своего пастыря.

Что-то будет теперь? Как пройдет майский праздник 1909 года, когда не то что демонстрация — безобидное чаепитие впятером карается тюрьмой?

— Товарищи, надо бы охрану выставить, — спохватился Фиолетов. Он все еще помнил печальные уроки Баку.

— А стоит ли? — возразил Платонов. — Тайна нашего собрания соблюдена… Впрочем, если вы считаете нужным…

— Понял вас… Я покараулю, — ответил Фиолетов. Он пошел в березовый, росший на бугре лес, откуда открывался вид на дорогу в город, по пути срезал вербовую ветку и быстро смастерил свнстульку.

— Свистну, если что! — крикнул он сверху.

Он сел на пенек и подумал, что хорошо бы прийти сюда и набрать кувшин березового сока, да еще заквасить его, как делала мать в Туголукове. В Балаханах березы не растут, там вообще ничего не растет, одни нефтяные вышки.

Задумавшись, он чуть было не проглядел, как на дороге вдруг показались мчащиеся во весь опор конные полицейские с бородатым исправником на первом коне.

Фиолетов выскочил из своего укрытия и пронзительно засвистел в дудку.

— Полиция! — крикнул он.

Бежать к своим было бессмысленно, он скрылся за деревьями и едва забрался в чащу, как к берегу прискакали всадники и окружили собравшихся. Через несколько минут Фиолетов осторожно вышел из укрытия и увидел, как их повели по дороге в Яренск. Исправник размахивал плеткой и что-то кричал, обращаясь то к Платонову, то к Зевину… Фиолетов дождался, когда арестованные скрылись нз виду, и побрел домой, запоздало ругая себя за то, что не смог вовремя предупредить товарищей.

«Вот тебе и „тайна нашего собрания соблюдена“», — думал он. Откуда же узнали полицейские и час и место где должны были собраться ссыльные? О предательстве думать не хотелось, но именно эта мысль не покидала ею. «Не господь же бог надоумил уездного исправника прискакать к заброшенной мельнице». Он стал перебирать в памяти всех, кто участвовал в

сходке, и сразу же отмел подозрения от Платонова, Тронова, Зевина, Подбельского… Оставались те несколько неизвестных ему уполномоченных от районов. Почему-то в глазах стоял смуглый, с гладко зачесанными черными волосами молодой человек, не в меру говорливый и снабжавший каждую свою фразу энергичными жестами…

Ольга уже все знала и конечно же страшно волновалась за мужа, хотя хозяин Иван Иванович, который случайно видел, как вели арестованных, сказал, что Фиолетова среди них нет.

— В тюрьму их отправили, Ванечка, — сказала Ольга.

— Вот тебе и Первое мая. — Фиолетов невесело усмехнулся. — Однако все равно, да что там все равно, тем более надо готовиться. Даже если их не выпустят.

Их выпустили на второй день. До двадцать второго апреля, дня, когда решено было отметить Первое мая, оставалась ровно неделя.

Фиолетов сразу же пошел к Платонову.

— Рад вас снова видеть в этом доме, Павел Антонович… Выпустили-таки? — Широко улыбаясь, он протянул ему руку.

— Побоялись, что вы поднимете всенародную бучу.

— И поднял бы!.. Уже сагитировал народ устроить перед тюрьмой манифестацию.

— А может быть, и вообще напасть на тюрьму? — Платонов улыбнулся. Ему все больше нравился этот решительный парень.

— А что вы думаете! Придет время — и на тюрьмы нападем!

— Правильно, Иван Тимофеевич. Только с таким боевым настроением и должен жить наш брат большевик… Ну, что у вас нового? Рассказывайте.

— Нового мало, Павел Антонович. Написали листовку к Первому мая. Вот теперь с Ольгой сидим все вечера и переписываем. Пишущей машинки нет, гектографа нет…

— А вы умеете пользоваться гектографом? — Платонов оживился.

— Умею… Собственно, из-за гектографа в грозненскую тюрьму угодил.

— Вот как… Гектограф есть, Иван Тимофеевич. И будет просто чудесно, если вы используете его по назначению.

— Что ж, на квартире у нас пока спокойно, можно и у нас. — Он помолчал. — Вам, Павел Антонович, не кажется странным, что полиция приехала туда на берег очень вовремя?

— Кажется, Иван Тимофеевич. И наводит на грустные размышления.

— Но кто? Вас всех в одно и то же время посадили и всех одновременно выпустили — так?

— Так. Но это еще ни о чем не говорит.

— Знаю… С вами был такой говорливый товарищ, все время руками махал. Кто это?

— Самуил Каневский. Член РСДРП. Сослан на три года…

— Что-то я его раньше не встречал.

— Он лежал в больнице несколько месяцев.

Первое мая в Яренске все же отметили. Фиолетов с Ольгой отпечатали листовки. Этим занимались средь бела дня, полагая, что налета полиции всего вернее ждать ночью. Налета не было. Правда, проверявший их ежедневно полицейский Федоров зашел как-то не в обычное время, но все опасное уже лежало в подполье у хозяина.

Фиолетов раздал листовки надежным товарищам, а часть оставил себе.

— Ну, Леля, вспомним Баку?

— Вспомним, Ванечка, — ответила она радостно.

Все было почти так, как в первый год их знакомства. Плоская фляжка с клейстером лежала в одном кармане, листовки — в другом. Работали порознь, но так, чтобы видеть друг друга. Условились, если встретится полицейский, говорить, что идут за доктором.

Когда они вышли, еще только начало светать и сонно перекликались первые петухи. Фиолетов оглядывался, намазывал клеем листовку и быстро, с размаху пришлепывал к стене или двери. Потом искал глазами Ольгу — все ли у нее в порядке? — находил и шел дальше, радуясь, что делает доброе дело.

Утром Фиолетов прошелся по улицам и вернулся домой веселый. Если бы видела Леля, с каким остервенением срывал исправник их листок с двери своей конторы!

…А в следующее воскресенье они устроили небольшую вылазку в лес. Компания уже установилась: Фиолетов с женой, Платонов, Зевин, Подбельский. Из местных были доктор Волк и сестры Писаревы, все трое, как на подбор, молоденькие, хорошенькие, в модных кофточках, выписанных из Петербурга. Ольга сначала стеснялась своего простенького, со стоячим воротничком платья, но оказалось, что как раз на него женщины и обратили внимание, а когда узнали, что Ольга шила его сама, взяли с нее обещание сшить им по такому же.

Как было хорошо в тот день в лесу! Теплое солнце пробивалось через молодую листву берез, лениво шевелились на земле их дырявые тени, и заливались, щелкали, рассыпали трели неумолчные соловьи в кустарнике на берегу речки. Цвела и сладко, пряно пахла лесная черемуха, горчил чебрец, источали смоляной запах новые, нежно-зеленые иголки на лиственницах…

Подбельский захватил с собой фотографический аппарат, треногу и, накрывшись черным платком, снимал всех.

В июне истекал срок ссылки Платонова, и по этому поводу две недели подряд опрашивали ссыльных, кого бы они хотели видеть на месте Павла Антоновича. Наконец опрос был окончен, и комиссия сделала свой выбор.

Погожим июньским утром домой к Фиолетову нежданно зашел Платонов. Вид у него был торжественный.

— Извините, Иван Тимофеевич, что нарушаю ваш порядок. Вы, как обычно, в это время занимаетесь науками, но… — он протянул Фиолетову руку, — по мне хотелось первым поздравить вас с избранием на пост председателя совета Яренской колонии политических ссыльных.

Фиолетов опешил.

— Павел Антонович, но… но…

— Что «но»? Что «но», Иван Тимофеевич? Все правильно!

Платонов вскоре уехал из Яренска, оставив на память свою фотографию с шутливой надписью: «На добрую память Ольге Ивановне от человека, который пил у нее чай — 1 раз».

…Новая должность прибавила Фиолетову множество новых забот. Теперь не было дня, чтобы к нему на квартиру не приходил кто-нибудь из ссыльных решить неотложный вопрос — о жилье, о материальной помощи, о том, когда придет его очередь на запрещенную книгу, которую тайно привезли с воли.

Ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм» попала в Яренск месяца через полтора после того, как книга увидела свет. Привез ее из Великого Устюга Самуил Каневский, который уезжал туда лечить зубы.

Он пришел к Фиолетову поздно вечером, поинтересовался, нет ли кого постороннего в доме, поправил задернутые занавески на окнах и лишь после этого вынул из-за пояса книгу.

— Иван Тимофеевич, — сказал он торжественно. — Это вам как председателю совета нашей колонии от политических ссыльных Великого Устюга.

Фиолетов раскрыл книгу и на титульном листе увидел фамилию автора.

— Вот это да! Вот это подарок! — воскликнул он радостно. — Но почему именно мне? Это же для всех. Для народа. Для кружков. Да, да, для кружков. Мы сразу же начнем изучение этой работы. — Он взглянул на Каневского. — И попросим вас руководить кружком.

— Нет, нет, увольте. Я неподготовлен. У нас есть образованные товарищи… Подбельский, Зевин, вы…

Фиолетов махнул рукой.

— Ну какой я подготовленный… с одноклассной-то школой. Мне самому учиться надо, а не других учить. А кружок, вернее, кружки мы организуем…

— В таком случае я записываюсь первым, — сказал Каневский.

Гость ушел, и Фиолетов набросал план работы колонии.

«Социал-демократическая фракция ставит своею задачей, — писал он, — распространение социал-демократических идей в городе и уезде среди ссыльных и коренного населения. С этой целью организовать три кружка по пять-шесть человек в каждом для изучения работы тов. В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“… Провести собрание уполномоченных… Начать издание гектографированного журнала колонии».

Издавать журнал предложил Подбельский.

— Понимаешь, Иван Тимофеевич, нам надо иметь свой печатный орган, — горячо говорил он Фиолетову. — Боишься, что некому будет писать? Не беспокойся. Обратимся с письмами к товарищам из других городов вологодской ссылки. Организуем широкий обмен мнениями, и это даст нам возможность освещать вопросы, которыми так богата современная ссылка. Будем клеймить позором тех подонков ссылки, которые, именуя себя «политическими», творят насилия, воровство, предательство… Гектограф в порядке?

— В порядке, Вадим Папиевич, — ответил Фиолетов. Недели через две Каневский привез из Вологды, куда ездил к доктору, несколько нелегальных книг штутгартского издания из «Фонда Вольной русской прессы».

— Только, пожалуйста, Иван Тимофеевич, у себя эту литературу не держите, — предупредил он.

— Что вы. Все это мы сразу распространим по кружкам, — ответил Фиолетов.

Книги раздали по квартирам кружковцев. Это было семнадцатого июня. А восемнадцатого домой к Тумаркиной, тихой женщине из Одессы, сосланной на два года за принадлежность к РСДРП, нагрянула полиция и нашла спокойно лежавшую на столе книгу Ленина «Что делать?». Тумаркиину арестовали и отправили в тюрьму на четыре месяца. С обыском пришли и к Подбельскому, но брошюру «Ипполит Мышкин и Архангельский кружок» он успел передать хозяйской дочке, и та все время, пока длился обыск, продержала ее под кофточкой.

И снова тревожные мысли лезли в голову Фиолетова. Откуда полиция узнала, у кого хранится запрещенная литература? Каневский? Но Фиолетов при нем не говорил, кому именно он

собирается передать книги. Да и зачем было Каневскому, рискуя собой, везти пачку этого взрывоопасного груза в Яренск?

…Подбельский нравился Фиолетову все больше. Энергичен сверх всякой меры. Ему оказалось мало руководства кружком, докладов о современном положении социал-демократического движения в России. А ведь к ним надо готовиться не только по «Вологодским губернским ведомостям» или суворинскому «Новому времени», надо черпать материалы из нелегальной литературы, из собственных наблюдений, из бесед с другими ссыльными. А чего стоит сбор материалов для первого номера журнала колонии. Все это легло на плечи человека, недавно перенесшего сыпной тиф в одной из пересыльных тюрем.

И в довершение ко всему — энергичная помощь ссыльным, которым необходимо бежать.

Короткое северное лето было самым удобным временем для устройства побегов. Каждый номер «Вологодских губернских ведомостей» пестрел стандартными заметками, объединенными одним заголовком: «Розыск». Были месяцы, когда треть, половина, чуть ли не две трети всех ссыльных губернии находились в бегах.

— Послушай, Иван Тимофеевич. Что будем делать с Гольдбергом? Он здесь умрет. Умрет, и все. Я только что виделся с ним и нашел его в ужасном состоянии. Ему нужен покой, лечение, а здесь что? Нет, нет, ему надо немедленно бежать из Яренска, и не куда-нибудь, а во Францию. Я дам адрес чудесного врача…

Все это Подбельский выпалил с ходу.

— Вадим Папиевич, — Фиолетов улыбнулся в ответ, — ты так горячишься, будто я только и делал, что возражал тебе с пеной у рта.

— Так, значит, ты со мной согласен?

— При одном условии. Если мы сможем гарантировать удачу. Если побег сорвется, Гольдберга посадят в тюрьму и там ему будет во сто крат хуже, чем здесь.

— У этого чудака я отобрал письмо, которое он хотел послать знакомому в Симферополь. Вот послушай… — Подбельский вынул из кармана листок бумаги. — «Здравствуй, дорогой Адольф. Положение мое ужасно. Пожалуйста, спаси, иначе я погиб. Я могу в этих днях умереть. Постарайся всеми силами достать денег, чтобы я мог поскорее уехать отсюда…» Как вам нравится эта откровенность? «Я тебя прошу еще раз, умоляю со слезами, я тебя никогда не забуду. Ведь у тебя так много знакомых, можно сделать сбор в пользу меня. Сделай все, чтобы я мог уехать, иначе я пропал. Неужели я должен погибнуть из-за

каких-нибудь восьмидесяти рублей, ведь это не так трудно достать. Я не знаю, кто есть в Симферополе из моих старых друзей, я бы сам их попросил, но ведь ты знаешь… Прислать деньги можно на адрес: Яренск, политическому ссыльному Гольдбергу. Кланяйся Соне и детям. Михаил».

— Да, письмецо будто специально написано для полиции, — сказал Фиолетов.

— Я слышал, что есть распоряжение Хвостова контролировать всю переписку ссыльных.

— Хорошо, что ты взял это письмо.

— У него не было конверта, а я сказал, что иду на почту… Так что будем делать с Гольдбергом?

— Надо готовить побег. Паспорт. Деньги. Адреса…

— Деньги соберем. Адрес даст Киселев. Паспортную книжку поможет достать Елизавета Петровна.

Учительница женской прогимназии Елизавета Петровна Титова жила вместе со своей сестрой Валентиной Петровной на Третьей улице.

Комната, куда вошел Фиолетов, напоминала оранжерею, так много было в ней цветов — на подоконниках, на тумбочках, на полу в больших кадках.

— Заходите, Иван Тимофеевич… Давно вас не видела.

— Я на минутку. Дело есть, Елизавета Петровна… Вы, я знаю, в добрых отношениях с дочерью нашего малоуважаемого исправника…

— С Шурочкой? Она очень приятная девушка и, между прочим, в минувшем году принимала участие в первомайской демонстрации… Она вам нужна?

— Нужна. Но нам, Елизавета Петровна, несколько неудобно встречаться с нею, и мы хотели попросить вас…

Он запнулся, не зная, как поделикатнее выразить свою просьбу.

Титова улыбнулась.

— Смелее, Иван Тимофеевич. Так что же вы хотели от меня или от Шурочки?

— Чистый паспортный бланк.

— Хорошо, — ответила она, подумав. — Я попробую. Обещать не могу, но Шурочка сочувствует социал-демократам и не очень уважает профессию своего отца. Зайдите ко мне дня через три.

Чистую паспортную книжку Елизавета Петровна достала.

Она учила девочек в прогимназии кроме словесности еще и чистописанию и могла писать каллиграфическим почерком не

хуже писаря.

— Может быть, вы и в этом нам поможете? — попросил ее Фиолетов.

— Семь бед — один ответ, — сказала Елизавета Петровна. — Диктуйте, что там у вас.

…Члены колонии ежемесячно платили членские взносы — пятнадцать копеек непривилегированные и двадцать пять привилегированные. Были пожертвования от состоятельных ссыльных. Кое-какой доход поступал от продажи литературы, от спектаклей и концертов, которые время от времени устраивали «административные поселенцы». Из этих денег Гольдбергу выделили те восемьдесят рублей, которые он просил в письме.

Домой к нему с деньгами направили Фиолетова. Гольдберг, истощавший, осунувшийся, с прозрачным от худобы лицом, лежал на кровати.

— Готовься, Михаил. Завтра, — сказал Фиолетов. — Вот паспорт, деньги, адреса — в Вологде, в Москве, в Шавлях. Оттуда уже недалеко до границы.

— Вержболово… Я помню.

Каморка, в которой ютился Гольдберг, своим единственным окошком смотрела на заросшую травой Заднюю улицу. Наблюдавший за ним полицейский почти никогда не заходил в дом, если видел сидящего спиной к окну Гольдберга, и шел дальше, к другому ссыльному.

Завтра место Гольдберга должен занять другой человек, который тоже уткнется лицом в газету, сидя спиной к окну. Заменить на четверть часа беглеца соглашались многие, но Фиолетов остановился на самом худом из них. Решили, что Гольдберг будет с утра мозолить глаза начальству, прохаживаясь перед полицейским участком, а потом, переодевшись в женское платье, уйдет с сестрами Писаревыми в лес за ягодами.

Платье сшила Ольга. Гольдберг примерил его, повязал голову платком, надел коротенькие сапожки (без сапог в лес не ходили, боялись гадюк) и, по крайней мере издали, стал похож на служанку из купеческого дома.

— Хорош, — одобрил Подбельский. — Родная матушка не узнает.

Сестры Писаревы в соломенных шляпках с полями, беззаботно щебеча друг с дружкой, вышли из дому и направились по дороге к лесу. На соседней улице к ним присоединились учительницы Титовы, тоже с берестяными кузовками в руках, а у выхода из города их поджидал переодетый Гольдберг. Он незаметно затесался в компанию женщин, продолжавших как ни в чем не бывало разговаривать между собой.

В лесу их встретил Подбельский. Он сразу же увел Гольдберга в сторону Кижмолы. По этой речке сплавляли плоты и, хотя и редко, ходили баржи и маленькие пароходы. Речка была своенравная, быстрая, и мутные воды, которые она несла, местные жители называли «несчастными».

Они шли довольно долго, продираясь через заросли, без дороги, пока не добрались до условного места, где их поджидал Фиолетов. Низина заросла черной ольхой. Под ногами хлюпала вода, и в воздухе, звеня, висели злые комариные тучи.

— Наконец-то. Я уж думал, что случилось. — Фиолетов облегченно вздохнул.

В камышах стояла лодка, на которой он должен был подвезти Гольдберга к какому-нибудь попутному судну.

— Пожалуй, «девушке» пора переодеться, — вовремя вспомнил Подбельский.

Началось долгое, томительное ожидание. Не было видно ни лодки, ни плота, только горланили прожорливые чайки да проносились чуть видные в толще воды пудовые семги. Рыбы много — стерлядь, лещи, нельма, сиги, семга, а в озерах караси, и ссыльные ловили рыбу, добавляя ее к продуктам, которые они могли купить на свои нищенские «кормовые».

В разгаре были белые ночи, и солнце поздно начинало клониться к западу. Подошло время, когда ссыльным полагалось находиться на вечерней проверке, а на реке по-прежнему не было видно ни одного суденышка, ни одного плота.

— Беги-ка домой, Вадим Папиевич, — сказал Фиолетов.

— А как же ты?

— Ольга умастит нашего надсмотрщика полтинником… Он неплохой мужик, этот Емельяныч. Собачья жизнь заставила его податься в полицию. Я с ним как-то беседовал по душам…

Через час показался маленький пароходик. Он громко шлепал плицами по воде, и Фиолетов узнал о его приближении загодя. В этих глухих местах было принято останавливать любую посудину и в любом месте. Фиолетов усадил Гольдберга в лодку, прыгнул сам и налег на весла. С парохода лодку заметили и застопорили машину.

— До Вологды! — крикнул Фиолетов.

— Садись, — ответили с парохода.

Матросик спустил веревочную лестницу. Гольдберг пожал Фиолетову руку и взобрался на палубу.

Особенно торопиться уже было не к чему, и Фиолетов, выйдя на лесную тропинку, пронизанную низкими лучами солнца, задумался.

Что ж, в Яренске ему живется не так уж и плохо. Он

пользуется относительной свободой. Рядом — Ольга, товарищи, единомышленники. Ему доверяют, с его мнением считаются даже меньшевики, с которыми он при всяком удобном случае вступает в ожесточенный спор. За неполный год, проведенный в ссылке, он перечитал уйму книг — он никогда столько не читал, не было времени — от Горького и Достоевского до «Астрономии» Фламмариона, от «Утопии» Томаса Мора до «Капитала» Маркса, который он снова законспектировал. Старые копспекты остались в Баку, и их, конечно, забрали при обыске. Он прочитал и тоже законспектировал все работы Ленина, которые смог достать в Яренске. С помощью Титовых он обрел вкус к таким наукам, как логика и психология. Придя домой, к отцу Иосифу, он не мог оторваться от чтения Энциклопедического словаря. Разыскав ссыльного Карапетяна, упросил его позаниматься с ним армянским, который знал слабо. Теперь, возвратившись из ссылки, он сможет говорить с армянскими рабочими на их родном языке.

И было еще одно, что делало Фиолетова почти счастливым: сознание, что он может не только идти за кем-то, но и сам быть впереди.

Конечно, и здесь он не принимал единовластно ни одного важного решения, советовался с товарищами, подчинялся воле большинства. Но вместе с тем перед ним открывался простор для самостоятельной деятельности пусть и ограниченной строгим режимом ссылки и положением поднадзорного человека. Это было для Фиолетова великолепной школой жизни и подготовило его к будущим битвам.

…Гольдберга хватились только через два дня, когда он был уже далеко за Вологдой. Два вечера полицейский надзиратель смотрел на сидящего спиной к окну человека и не подозревал, что вместо Гольдберга в комнате находится его товарищ. Лишь на третий день, заподозрив недоброе, он зашел в дом и обнаружил обман.

Первый номер журнала «Яренская колония политических ссыльных» вышел в самом конце сентября. Его печатали гектографом на квартире у Фиолетовых. Довольны были все, но шумнее всех восторг свой выражал Подбельский. Он быстро ходил по комнате из угла в угол, подходил к столу, отпивал из стакана остывший чай и, держа в руках еще не просохшие листы, читал вслух то одну, то другую заметку.

— «Наш орган будет обсуждать интересы ссылки и ее колонистской организации. Все вопросы, волнующие современную ссылку и освещающие ту или другую сторону ее

жизни, будут встречать живой отклик на его страницах…» Как вам нравится наша программа? — Подбельский победоносным взглядом окинул двух своих слушателей — Фиолетова и Ольгу. — А хроника «Побеги ссыльных»? А статья «К квартирному вопросу»? Ничего номерок получился.

— Для второго номера у меня уже есть заметка из Сольвычегодска, — сказал Фиолетов. — Пишут, что полиция провела агитацию, чтоб ссыльные подавали на «высочайшее». В результате человек пятьдесят явились к исправнику, составили коллективное поздравление наследнику и подали просьбу о помиловании. По этому поводу группа социалистов-революционеров выпустила листовку: «Подписавшие уже успели забыть, как в борьбе с тем, кому шлют они свои просьбы, гибли и гибнут их братья. Они уже успели забыть, как этот царь-изменник надругался над своим народом. Кинем же презрение уходящим. Они не товарищи нам!» Я часто спорю с представителями этой фракции, но в данном случае они правильно поступили.

— Полезная заметка, — сказал Подбельский. — Нам надо будет вообще усилить критическую часть. Мы ничего не написали о наших неудачах, провалах. А ведь на ошибках учатся.

В «Хронике» первого номера рассказывалось только об удавшихся побегах ссыльных. Но были и неудачи. Месяц назад полиция прибыла к тому месту, куда должен был явиться собравшийся бежать ссыльный Левин. Туда же должен был подойти Фиолетов, но опоздал и увидел Левина уже в окружении полицейских.

И опять пришлось вспомнить о Каневском. Левин был родом из одного с ним города, дружил в ссылке только с ним, с остальными держался особняком и, наверное, поделился своими планами с земляком. Никто, кроме специальной тройки, о готовящемся побеге Левина не знал.

— Послушай, Вадим Папиевич, как ты относишься к Каневскому? — не выдержал однажды Фиолетов.

Подбельский задумался и ответил не сразу:

— Сказать откровенно, он не внушает мне особого доверия.

— Как ни странно, но все наши провалы пускай не прямо, но связаны с ним. Арест возле мельницы. Обыски на следующий день после того, как он привез литературу….

— Кстати, Иван Тимофеевич. Он говорил, что литературу получал в Великом Устюге, но там он не был. Его в тот день видели в Вологде. И вообще эти частые отлучки с разрешения начальства…

— А случай в бане? — вспомнил Фиолетов.

…То было в начале лета. Занятия марксистского кружка

назначили в бане. Не считая церкви, это было, пожалуй, единственное место, где политические ссыльные могли спокойно нарушать правило «больше четырех человек не собираться». В баню пошли со свертками белья, в которых лежали книги и конспекты. Решали сначала вымыться. А когда, намывшись, вернулись в предбанник, там уже стояли полицейские. Трое, у кого нашли запрещенную литературу, получили по четыре месяца тюрьмы. Каневский должен был принести «Материализм и эмпириокритицизм», но этой книги в его белье почему-то не оказалось.

— Это что, случайность? — спросил Фиолетов…

Вскоре колония яренских ссыльных пополнилась человеком, которого больше всех ждал Подбельский. Из Сольвычегодска этапом прибыла осужденная на два года ссылки Анна Андреевна Ланина.

Подбельский встречал ее около почты, смотрел во все глаза на длинную, ведшую на почтовый тракт улицу, не покажется ли казенная подвода. Наконец она показалась в облаке пыли. В пролетке сидели двое: молодая красивая Ланина и худой, изможденный Александр Константинович Воронский. Оба были высланы в Вологодскую губернию за принадлежность к РСДРП.

Прибывших встречало много народу, ждавшего услышать новости, поговорить с людьми, еще недавно бывшими на воле.

Подбельский и Ланина бросились друг к другу и расцеловались.

— Знакомьтесь, товарищи, это Аннушка, — сказал Подбельский, обращаясь ко всем сразу.

— Не для нее ли ты подвенечное платье мне хотел заказать? — смеясь спросила Ольга.

— Для нее, для нее, Леля, — ответил Подбельский, не сводя ласковых глаз с Ланиной.

Фиолетов смотрел на счастливую пару и завидовал им. Вот скоро отец Иосиф обвенчает их, и никто не упрекнет ни Вадима, ни его Аннушку, что они живут «не по-людски», как упрекала Фиолетова мать, так и не смирившаяся с его связью с замужней женщиной. В письмах, которые под диктовку матери писала сестренка, ни разу не было ни одного вопроса об Ольге, ни одного поклона ей.

«Может, и нам с Ольгой обвенчаться?.. Отец Иосиф поможет», — подумал Фиолетов и по дороге домой сказал ей об этом.

— А зачем, Ванечка? — ответила она. — Разве нам с тобой плохо живется невенчанными?

В тот день в Яренске был храмовый праздник, и на площади возле церкви девушки водили хоровод.

— С нами веселиться, молодые люди! — крикнула самая бойкая, с венком из васильков на голове.

Фиолетов взглянул на Ольгу.

— Спляшем, что ли? — предложил он.

Они вошли в круг и под гармонь, на которой играл парень в картузе, лихо надетом набекрень, сплясали русскую «Барыню».

Их сменили две северные красавицы в сарафанах до пят. Они стали посредине круга, низко поклонились на четыре стороны и запели.

Сначала одна:

На улице, на крыльце
изменилася в лице.
Больно стало весело —
милого приметила.

Потом другая:

Посажу дружка во стулик,
сама сяду во другой.
Не брани меня, родная,
это гость мне дорогой.

— Давайте в ималки играть! — предложил кто-то. «В ималки» по-местному означало «в жмурки».

Сыграли и в ималки. Фиолетову завязали глаза, и он, широко расставив руки, поймал ту самую молодицу, которая пригласила их в круг.

— Ино и не чаешь, откуды счастием навеет, — сказала она, не торопясь освобождаться из объятий.

Подошли другие ссыльные и тоже начали петь и плясать, водить хоровод. Всем было весело, все разрумянились от плясок, от щедрого не по-северному солнца в этот день. Даже появление исправника с двумя полицейскими не могло испортить праздник. Булатов стоял в сторонке, нервно теребил пальцами длинную бороду и смотрел на свою дочку Шурочку, которая лихо отплясывала то с одним ссыльным, то с другим.

Мысль о том, что в колонии ссыльных орудует провокатор, не давала Фиолетову покоя. Подозрение, павшее на Каневского, надо было проверить как можно скорее, но подставлять под удар

никого, кроме себя, Фиолетов не мог. Он пошел к Зевину и попросил его вроде бы совершенно случайно встретиться с Каневским и вскользь обронить фразу, что гектограф, на котором печатается журнал колонии, хранится у Фиолетова в грубке.

Зевин выполнил просьбу. И через два дня Фиолетов проснулся от громкого стука в дверь.

— Ротмистр Плотто, — представился вошедший. — По предписанию господина начальника губернского жандармского управления вынужден произвести у вас обыск.

Позвали понятых.

Ротмистр, высокий, ладно сложенный, с умными холодными глазами, расположился на стуле и стал медленно осматривать комнату, переводя взгляд с одного предмета на другой… Бельевой шкаф… Швейная машинка на тумбочке… Этажерка с книгами… Кровать… Грубка.

Ротмистр встал и медленно подошел к печке.

— Откройте!

Фиолетов открыл дверцу. Ротмистр взял кочергу, старательно шарил ею в топке. Кроме золы и черных головешек, там ничего не было.

Ротмистр аккуратно поставил кочергу на место и вытер белоснежным носовым платком руки.

— Можете быть свободны, — обратился он к понятым и взглянул на Фиолетова:

— Чистая работа, господин Фиолетов.

— Не понимаю вас, господин ротмистр. — Фиолетов сделал недоуменное лицо.

— Ладно уж… Не прикидывайтесь простачком!

Ротмистр козырнул и, твердо ступая, так что зазвенела посуда на полке, вышел из комнаты.

Теперь не приходилось сомневаться в предательстве Каневского.

— Как поступим с этим подлецом? — спросил Фиолетов у Подбельского. Он пошел к нему сразу же, как только ускакал на тройке ротмистр Плотто. — У нас в Баку устраивали темную.

— А у нас в Сибири таких типов приговаривали к смертной казни.

— Приговор, какнм бы он ни был, должен вынести наш суд.

— Значит, надо судить! — решительно заявил Подбельский.

Утром на стенах многих домов Яренска и окрестных сел, где жили «политики», появилось написанное от руки сообщение:

«Колония политических ссыльных г. Яренска объявляет Самуила Яковлевича Каневского сознательным провокатором.

Секретарь комитета колонии *Торин*».

А в это самое время у дома, где жил Каневский, остановилась пролетка уездного исправника Булатова. В пролетке сидел полицейский. Он вошел в дом и через десять минут вышел оттуда, мирно беседуя с Каневским. Оба уселись в пролетку, и добрые кони умчали их куда-то за город.

Прошла неделя. Фиолетов заглянул в библиотеку к Варваре Порфирьевне, чтобы обменять книги и почитать свежие газеты. Он взял «Вологодские губернские ведомости» и в разделе «Розыск» наткнулся на объявление: «Яренский уездный исправник разыскивает скрывшегося из г. Яренска состоящего под гласным надзором полиции мещанина Самуила Яковлевича Каневского…»

— Сбежал-таки от суда, мерзавец! — пробормотал Фиолетов.

Он с облегчением подумал, что так или иначе, но колония избавилась от опасного провокатора.

…Ротмистр Плотто действовал уверенно. Он прискакал в Яренск из Вологды, имея задание начальника губернского жандармского управления произвести обыск у Подбельского и во что бы то ни стало арестовать его.

Обыск длился всю ночь. Понятые, сам Плотто изрядно устали. Подбельский, напротив, держался бодро и разговаривал с ротмистром свысока. Стопка книг «преступного содержания», несколько тетрадей рукописей, гектограф, который передал ему Фиолетов, лежали на столе как вещественные доказательства.

— Кого бы вы могли назвать из своих сообщников? — спросил Плотто.

— Я не Каневский и своих товарищей не предаю, — ответил Подбельский.

— Что вы скажете о Фиолетове?

— Вы о нем знаете больше, чем я.

Плотто вздохнул. Привычно и без запинки он написал протокол допроса.

— Прочтите и распишитесь.

Подбельский бегло просмотрел исписанный четким писарским почерком листок: «Из отобранного у меня при обыске материала гектограф, и первые страницы первого номера „Яренская колония“, и все рукописи, относящиеся к колонии, принадлежат мне, все это было мною взято на хранение от лица, назвать которое я отказываюсь. Состоял ли я членом колонии или таковым не состоял, я сказать не желаю. О существовании колонии я знал, а известны ли мне члены ее, говорить не желаю. Рукопись под заглавием „К делу Каневского“ за подписью В. Торин и листок с объявлением Каневского сознательным провокатором написаны мною собственноручно по просьбе лица,

назвать которое я не желаю».

Подбельский расписался на протоколе. Плотто встал.

— На основании двадцать девятой статьи Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия… — заученно начал Плотто, но Подбельскай перебил его.

— Все ясно, господин ротмистр. Я готов, — сказал он.

Приближался новый, тысяча девятьсот десятый год, и ссыльные решили его встретить сообща, небольшими группами.

Одна из групп собралась на квартире у Фиолетовых — бакинцы Зевин и Шендеров, Воронский, Борисов, библиотекарша Варвара Порфирьевна… На всякий случай выставили дозорного — Ашота Карапетяна.

В лавочке под вывеской «Колониальные товары А. Е. Сидорова» купили водки, а для женщин французского бордо. Зернистую икру приготовили еще осенью, когда шла на нерест семга, мясо взяли у соседа по сходной цене — девять копеек за фунт, Варвара Порфирьевна напекла пирогов, Ольга принесла из погреба моченой брусники, и стол получился на славу.

Мерно тикали ходики на стене, отсчитывая последние минуты уходящего года.

— Ну что ж, товарищи, прошу к столу, — пригласил Фиолетов. — Разрешите мне по праву хозяина сказать несколько слов. Все мы находимся далеко от родных мест. Не по своей воле мы заброшены на край русской земли и могли бы погибнуть здесь, если бы не были сплочены в одну дружную семью. В нашей колонии есть питерские рабочие, есть поляки и кавказцы, москвичи и сибиряки. У каждого из нас свои обычаи, свой язык, свой характер, но всех сплачивает убежденность в победе революции, чувство высокого долга перед народом.

Библиотекарша Варвара Порфирьевна не сводила с Фиолетова глаз. Вот перед ней стоит простой русский парень, рабочий, окончивший одноклассную сельскую школу, но как много он знает, как быстро, у нее на глазах, накапливал он эти знания, как отшлифовал свою речь! Никто в Яренске не прочел за год столько книг, сколько их прочитал Фиолетов. Никто так дотошно, как он, не доходил до самой сути предмета, который изучал. Какую же надо иметь волю, какое желание и упорство, чтобы достичь того, чего достиг он!..

— Путь наш не усеян розами, — продолжал Фиолетов. — Многих из наших товарищей мы недосчитываемся за праздничным столом. В тюрьме Подбельский и Ланина, угнаны в еще более суровые места Заварзин и Семков. Выпьем же,

товарищи, за здоровье тех, кого нет среди нас, но кто продолжает бороться с самодержавием. Выпьем за святое дело, которому мы посвятили свою жизнь! — Он посмотрел на ходики. Большая и малая стрелки почти сошлись на двенадцати. — С новым, тысяча девятьсот десятым годом, товарищи!

Выпить не успели: кто-то осторожно стукнул в дверь. Все встрепенулись.

— Не бойтесь, это я, — сказал хозяин Иван Иванович, входя в комнату с наполненной до краев стопкой в руке. — Дозвольте, и я с вами. Как скляно налита сия чарка, чтоб так скляна была и жисть ваша!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Весть о Февральской революции пришла в Баку лишь 2 марта. В этот день Фиолетов, как обычно, проснулся ни свет ни заря. Утро выдалось ясное. Со стороны станции доносились паровозные гудки. Скрежетали колеса конки. Пронзительно кричали ослики. Фиолетов вышел на улицу, и первый, кого увидел, был мальчишка с наполненной газетами сумкой.

— Рэвалюция в Пэтрограде! — выкрикивал черноглазый сорванец, едва успевая класть в карман медяки. — Свэжий новость Пэтроградский тэлеграфный агентств… Рэвалюция в Пэтрограде!..

В свой «раствор» Фиолетов вбежал возбужденный до крайности.

— Леля! В России революция! — крикнул он, потрясая газетой. — Ты понимаешь? Ре-во-лю-ция! Самодержавие пало!

Они обнялись, словно встретились только что после долгой разлуки.

Фиолетов надел картуз, натянул куртку.

— Ты куда в такую рань? — спросила Ольга.

— На завод, куда же еще. Надо рассказать народу.

Ольга вынула из своих кос красную ленту, сделала из нее бант и приколола его на грудь мужу.

…Свершилось! Он ждал этого дня с тех пор, когда Авель Енукидзе на собрании подпольного кружка рассказал о том, кто сидит на шее у рабочего и крестьянина, а Вано показывал карточку с карикатурным изображением самодержца. Тогда Фиолетов впервые услышал призыв к свержению самодержавного режима. Было это семнадцать лет назад. Этот же призыв звучал на сходках, на митингах и манифестациях, и уже невольно Авель Енукидзе, а и сам Фиолетов бросал в гущу собравшегося народа: «Долой самодержавие!»

И вот оно пало. Было от чего радостно зашуметь в голове!

Много воды утекло с тех пор. В Баку Фиолетову не нашлось места. Его фамилию занесли в «черные списки», которые имелись на всех промыслах и заводах Баку. И тогда он поехал в Ташкент, оттуда на остров Челекен, где наконец-то устроился на работу.

На Челекен к нему приехала Ольга, освободившаяся из второй ссылки, которую отбывала неподалеку от Яренска — в Грязевце и Тотьме. Вместо назначенных ей пяти лет она пробыла в ссылке два года — помогла амнистия в связи с трехсотлетием дома Романовых.

Она добиралась до затерянного в Каспийском море островка

через сотни препятствий — без вида на жительство, без денег, даже без точного адреса и не зная толком, на свободе ли муж.

Она везла с собой письма Ванечки: «Целую неделю я от тебя ни чертусеньки не имею. И благодаря этому со мной творится что-то ужасное. Я, кажется, сойду с ума, если несколько дней не получу от тебя весточки…» И еще открытку, на которой была нарисована Жанна Д'Арк во главе восставшего народа. На обороте карточки Фиолетов написал: «Так было, так будет опять».

…Он оказался прав: народ восстал, и не с пиками и косами, как это было изображено на французской открытке, а с винтовками и пулеметами.

По дороге он встретил сияющего от радости Абдулу.

— Поздравляю, Абдула! — крикнул Фиолетов.

— И тебя тоже, Ванечка! Куда бежишь?

— К себе на «Арамазд». А ты?

— Тоже к себе — на вышку. — Он вынул из кармана целую пачку свежих газет. — Раздам. Может, другим почитаю.

— Надеюсь, со своими комментариями.

— Конечно, Ванечка. Как ты меня учил. — Он посмотрел на красный бант на груди Фиолетова. — Мне надо тоже такой бант, правда? Теперь можно.

— Возьми мой.

— Спасибо. Я сейчас зайду в галантерейную лавочку и сделаю себе такой бапт, что все ахнут… Да, тебя вчера Мешади-бек искал. Может быть, он уже знал, что там делается в Питере?

— Едва ли… Про Алешу и Степана Георгиевича он ничего не говорил?

— Не говорил, Ванечка.

Ни Джапаридзе, ни Шаумяна в Баку не было. Шаумян после ареста в Грозном в 1916 году отбывал ссылку в Саратове. Джапаридзе, бежавший из очередной ссылки, находился в Трапезунде, где агитировал русских солдат бросить оружие.

Отсутствие друзей Фиолетов переживал особеппо остро. Неужели они не примчатся сюда, в Баку, не бросят все дела, не убегут, лишь бы оказаться в Баку, одном из самых революционных городов России?

Весть о падении самодержавия разнеслась мгновенно. Народ собирался на улицах толпами, грамотные читали газеты неграмотным, добровольные толмачи тут же переводили сообщения с русского на азербайджанский и персидский; армяне и грузины, как правило, знали русский язык. Кое-где на фонарных столбах появились красные флаги. Стихийно возникали митинги.

Фиолетов увидел полицейского с красным бантом на груди и расхохотался:

— Это же надо, до чего мы дошли! Сама полиция радуется, что сбросили царя.

За проходными воротами завода «Арамазд», принадлежавшего обществу по перекачке нефти по трубопроводам, Фиолетов увидел большую толпу рабочих, заполнивших заводской двор.

— Мы тебя ждем, Ванечка! — закричали несколько человек.

Фиолетов не заставил себя просить дважды. Он легко вскочил на стоявшую на дворе пролетку, окруженный тесным кругом рабочих, и стал говорить.

Возможно, какому-нибудь заправскому оратору его выступление показалось бы сумбурным, но Фиолетова слушали жадно, не спуская с него глаз, и это означало, что его слова доходили до сердца тех, кто собрался на заводском дворе. Он говорил о них, своих товарищах, с которыми бок о бок шел тернистым путем, приведшим к революции в России. По сути дела, он говорил о себе, вспомнил первую первомайскую демонстрацию в Баку, первую сходку у горы Степана Разина, первый кружок. Он имел право на эти воспоминания, потому что они не были им выдуманы для красного словца. Все, о чем он говорил, было пережито, случилось с ним самим, как могло случиться с любым из тех рабочих, кто его слушал сейчас.

Баку, Грозный, Яренск, остров Челекен…

…На Челекене он занимался все тем же — готовил к восстанию против царизма народ. Ему не забыть этот глухой, заброшенный остров, формой напоминающий птицу, летящую на запад, удаленные друг от друга на пять, на десять верст промыслы все того же Нобеля, трудную песчаную дорогу между ними, по которой он шагал пешком от вышки к вышке, чтобы встретиться с рабочими и поднять их на забастовку.

Ни кустика, ни деревца, где можно было бы укрыться от палящего солнца. Высокие сыпучие барханы. Два горячих озера с густо-розовой от серных бактерий водой. Тысячи мелких трещин в земле, через которые приходилось перепрыгивать, когда он сокращал путь и шел напрямик. По склонам в розовых ложах текли голубые горячие ручьи. Под ногами валялись камни, покрытые серебристой коркой колчедана.

Это было красиво, радовало глаз. Но в промысловой лавке нефтепромышленника Гадзинского рабочим продавали хлеб с червями, и им было не до красот, которыми природа одарила остров. Они бастовали, требуя сначала хлеба, укороченного рабочего дня, а потом а свободы слова, свободы собраний. Вмешалась полиция. Охранка начала усиленную слежку и установила, что в забастовке главную роль играет хорошо

известный Бакинскому жандармскому управлению Иван Фиолетов. В разные города полетели секретные депеши. Начальник Туркменского районного охранного отделения подполковник Иванов потребовал принять меры к скорейшему детальному освещению деятельности Фиолетова и его группы, которую «надлежало ликвидировать при первом удобном случае». В другом донесении говорилось: «Фиолетов ведет переписку с Баку, Тифлисом и Россией. Он принадлежит к членам РСДРП и пользуется среди служащих и сознательных рабочих большим уважением». В третьем: «Фиолетов сильно озлоблен на правительство и всегда дерзко отзывается о высочайших особах».

Полиция предложила ему срочно покинуть остров Челекен.

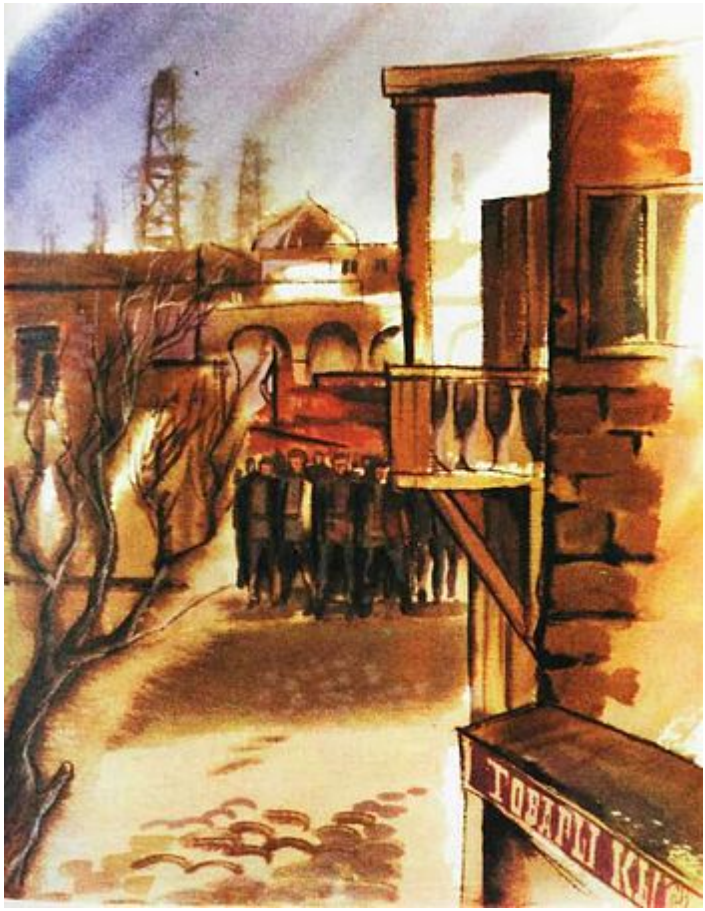
И вот он опять в Баку.

— За мной, товарищи!

Все, кто слушал Фиолетова у завода «Арамазд», пошли за ним, хлынули потоком в город, за двенадцать верст, на Биржевую площадь, куда со всех сторон стихийно стекались людские толпы.

Площадь с этого дня стала называться площадью Свободы. Ее переименовала не городская дума, а народ, который впервые открыто и свободно пришел сюда. Кто-то уже сколотил трибуну, квадратный помост и лесенку, чтобы на него взобраться и, не боясь, как раньше, что тебя скосит пуля, сказать слово о революции, о свободе.

Когда Фиолетов привел на площадь свою колонну, выросшую по дороге до десяти тысяч человек, там уже было тесно и несколько красных флагов возвышались над людским морем. Не сговариваясь, сюда пришли рабочие с Баилова и Биби-Эйбата, Сабунчей и Балахан, из Ахмедловской и Молоканской слободок. Впрочем, но только рабочие. Фиолетов увидел на площади немало лавочников, купцов, служащих нефтяных компаний. С трудом продираясь через толпу, проследовала в сторону набережной коляска с членом городской думы и владельцем промыслов Гаджиевым. Полы его дорогой шубы были распахнуты, чтобы все видели пышный красный бант на груди, и это резануло глаз Фиолетову: неужто свершившаяся революция одинаково дорога и рабочим, и тем, на кого они работают?



Трибуна не пустовала ни минуты, один оратор сменял другого. Горячо, смело выступал Абдула, и Фиолетов искренно порадовался за своего друга. Вслед за большевиками и эсерами слово взяли представители дашнаков и мусаватистов, многие из них тоже были с красными бантами, тоже одобряли свержение самодержавия. Все говорили примерно одинаковые слова — приветствовали революцию и ругали Николая Второго, и на первый взгляд создавалась иллюзия некоего единства толпы, которая отнюдь не была единой по своему составу.

И Фиолетов снова подумал, что отношение к тому, что произошло в Петрограде и происходит сейчас в Баку, не может быть одинаковым у представителей разных партий. Фиолетов выступал и здесь. Он уже знал из газет о создании в Петрограде Совета рабочих депутатов и предложил последовать за питерцами.

— Вспомним ноябрь тысяча девятьсот пятого года, когда в Баку был создан первый Совет рабочих депутатов, первое рабочее правительство, вспомним члена этого Совета незабвенного

товарища Монтина, погибшего за свободу от рук наемных убийц!

Фиолетов невольно взглянул на выступавшего перед ним мусаватиста Мамеда Расул-заде. Не он ли нанял кочей, чтобы они убили Монтина, а теперь, брызжа слюной, ратует за свободу?

Голос Фиолетова заглушило громкое церковное пение. Из ближайшей улицы вышла процессия с православными и армяно-григорианскими священниками впереди. Бородатые купцы в поддевках несли крест и хоругви.

С трудом пробравшись через запрудившую площадь толпу, вскочил на трибуну шустрый молодой человек — Фиолетов узнал в нем меньшевика Протопопова — и крикнул во весь голос:

— Товарищи, братья и сестры! Благодаря усилиям нашей городской думы сейчас начнет действовать Шолларсыш водопровод. Мы идем туда, чтобы освятить воду, которую будут пить свободные граждане свободного города Баку. Всех, кому дорого это событие, прошу последовать за нами!

Эффектным жестом руки он показал на церковную процессию. Было похоже, что этот меньшевик хочет сорвать митинг, и Фиолетов спешно поднялся на трибуну.

— Есть другое предложение, товарищи! Пойти не на водосвятие, а к баиловской тюрьме, чтобы освободить политических заключенных.

Толпа заколыхалась, пришла в движение, загомонила. Купцы, служащие нефтяных компаний с красными бантами на груди, часть рабочих присоединилась к церковникам, остальные двинулись за Фиолетовым в сторону баиловской тюрьмы.

Только теперь Фиолетов сообразил, почему на площади Свободы он не увидел Мешади. Инженер и гласный городской думы Мешади Азизбеков был инициатором и членом комиссии строительства Шолларского водопровода, о котором десятки лет мечтали жители Баку, и, очевидно, присутствовал на пуске этого сооружения.

Вечером шестого марта, заглушая вой налетевшего на город норда, загудели сирены в Бакинском порту и на маяке острова Наргин. Сирены звали бакинцев в зал Армянского человеколюбивого общества, где должно было состояться первое заседание только что избранного Совета рабочих депутатов. Зал заполнили посланцы рабочих. Запах дорогих сигар и духов, которым благоухал зал с удобнымп, обтянутыми кожей креслами, сменился запахом пропитанных нефтью спецовок.

Фиолетов пришел вместе с Нариманом Нариманювым.

— Да, наше положение не из лучших. — Нариманов оглядел зал. — На пятьдесят два депутата всего четыре большевика.

— Ничего, товарищ Нариман, дайте срок, и рабочие поймут, за кого им надо голосовать. — Голос Фиолетова звучал бодро.

— Если бы Степан приехал хотя бы на три дня раньше.

— Да, если бы… Мешади вчера получил от него весточку. Степан Георгиевич уже на пути к Баку.

— Наша с вами задача, Ванечка, во что бы то ни стало ввести Степана в состав Совета.

— А как это сделать, товарищ Нариман?

— Надо выступить и предложить его кандидатуру…

Заседание как раз и началось с выдвижения кандидатов. Лидер меньшевиков репортер газеты «Баку» Айолло, щуплепький и всюду поспевающий человечек, сделал красивый жест и назвал… свою фамилию. Звучали выспренние слова о достигнутой наконец свободе, об осуществлении идеалов, за которые боролись представители меньшинства и социалистов-революционеров.

Большевики выдвигали в Совет только большевиков.

На трибуну поднялся Фиолетов.

— Предлагаю Степана Шаумяна! — крикнул он.

И зал разразился аплодисментами. С разных сторон неслись крики:

— Ша-у-мя-на! Ша-у-мя-на!..

Фиолетов пришел на вокзал первым. Через несколько минут на извозчике приехала жена Шаумяна Екатерина Сергеевна с сыном Суреном. Последними прибежали запыхавшиеся Азизбеков и Нариманов.

— Судя по депеше, пятый вагон, — сказала Екатерина Сергеевна, поглядывая на станционные часы.

— Пятый вагон — это значит, что он едет третьим классом, — сказал Азизбеков.

— Вы думали, Мешади, что у человека, возвращающегося из ссылки, есть деньги на первый класс? — спросила Кетеван.

Поезд пришел почти вовремя. Первым отца увидел Сурен. Шаумян стоял у открытого окна, и его лицо сияло от предвкушения встречи с близкими.

После объятий с женой и сыном, крепких рукопожатий с друзьями Шаумян засыпал всех вопросами о том, что делается сейчас в Баку, на промыслах.

Кетеван всплеснула руками:

— Боже милостивый, ты бы сначала поинтересовался, как поживают дети.

Шаумян улыбпулся.

— Если бы с ними что-нибудь случилось, я бы об этом узнал в

первые же секунды встречи. По твоему лицу… Так что нового в Баку?

Вместо ответа Фиолетов протянул ему местную газету с отчетом о вчерашнем заседании Совета рабочих депутатов. Абзац, где говорилось об избрании Шаумяна председателем Совета, был отчеркнут красным карандашом.

— От души поздравляю, Степан Георгиевич! — сказал Фиолетов. — Даже ваш «друг» Айолло сказал в кулуарах, что с другой кандидатурой нельзя было идти к рабочим.

Фиолетов хотел было перейти на армянский, похвастаться, насколько чище стала его разговорная речь, но счел нетактичным разговаривать на языке, который не понимали стоявшие рядом Азизбеков и Нариманов.

Из вещей у Шаумяна оказался лишь небольшой, однако ж довольно тяжелый чемодан, набитый, судя по весу, книгами и рукописями. Несмотря на протест хозяина, его подхватил и нес Фиолетов. С платформы до привокзальной площади, где стояли экипажи с поднятым верхом, было рукой подать, но это расстояние они шли с полчаса. Шаумян поминутно останавливался и обращался с вопросами: каково соотношение сил в Совете рабочих депутатов? Не собираются ли распустить думу? На месте ли старый градоначальник? Кто хозяйничает в совете съезда нефтепромышленников?

Увы! Особых перемен в общественной жизни города не произошло. Ничего не изменилось в думе. На промыслах по-прежнему царил произвол хозяев. Все то же кресло занимал господин Гукасов, и так же «правил» городом господин Мартынов. Как и «в добрые старые времена», молоденькая, выписанная из Парижа любовница престарелого «отца нации» ездила по Баку на лошадях, запряженных цугом: в первом экипаже сидела сама, во втором везли ее шляпку, в третьем — муфту.

— И не изменится ничего, пока в Совете рабочих депутатов будет засилье меньшевиков и эсеров, — сказал Шаумян.

— Нам еще придется схлестнуться с компанией, именуемой исполкомом общественных организаций, — заметил Азизбеков.

— А это еще что такое? — спросил Шаумян.

— Организован в противовес Совету рабочих депутатов из представителей думы, управы, совета съезда нефтепромышленников, биржи…

— Каков букет! — сказал Шаумян.

— Господа, в конце концов, вы отпустите моего мужа? — шутливо взмолилась Екатерина Сергеевна. — Не забывайте, что у него еще остались запертые в комнате дети.

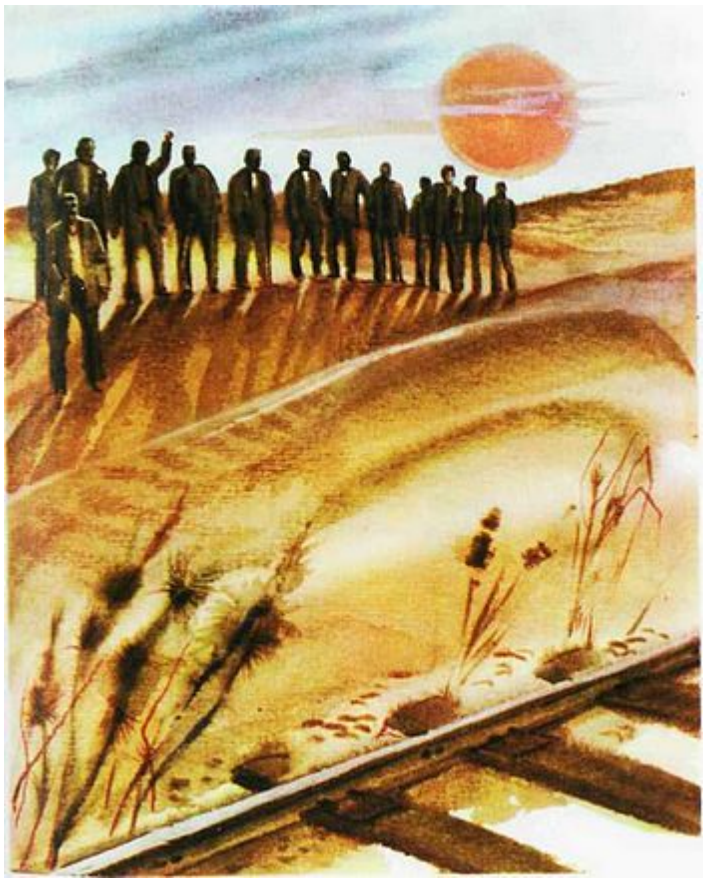
Шаумян укоризненно посмотрел на жену.

— Кетеван, как тебе не стыдно! Ведь это я их задерживаю, а не они меня! И вообще, поехали все к нам. Надеюсь, Кетеван угостит нас хотя бы чаем.

Выборы в новую, демократическую городскую думу были назначены на осень. Демократической ее называли буржуазные и меньшевистская партии. Большевики в демократизм новой думы не очень верили; из всех партий и организаций, выставивших своих кандидатов, лишь одна партия — большевиков — стояла за подлинную демократию.

— Да, да, Ванечка, я, как старый гласный, знаю истинную цену думе, но считаю, что вы туда должны обязательно баллотироваться, — сказал Азизбеков. — Если в гласные пройдут хотя бы несколько большевиков, мы сможем бороться.

— Мой Ванечка будет гласным — подумать только! — воскликнула Ольга, прочитав в газетах список номер пять, выставленный большевиками.



— Еще неизвестно, выберут ли…

— Тебя выберут, Ванечка. Ты рабочему классу нужен, вот рабочий класс тебя и поддержит.

Первым списком шла партия «народной свободы» — кадеты. За места в думе она боролась с ожесточением. В последние предвыборные дни в газете «Баку» не было номера, где бы не публиковались призывы голосовать за кадетов. «Только партия народной свободы сумеет внести порядок и успокоение в городскую жизнь», — твердили они народу.

— Какое нахальство! — сказал Шаумян, прочитав это заявление. Свежий номер «Баку» ему принес Фиолетов. — Они, оказывается, несут успокоение в городскую жизнь! И кто несет? Редактор «Баку» господин Вермишев, возглавляющий список кадетов, человек, который на страницах своей газетки день за днем поливает нас грязью!

— Душонка у него гнилая, — сказал Фиолетов. — Да, Степан Георгиевич, тут один товарищ стихи принес, к выборам в думу.

— Что ж, давайте посмотрим.

Шаумян поднес к глазам листок бумаги, на котором было написано всего одно четверостишие:

Жена, сестра, невеста, мать!
За номер пять, за номер пять!
Он мир несет нам дорогой,
Любовь, и счастье, и покой!

— Что ж, Ванечка, по содержанию это как раз то, что надо.

Стихи были напечатаны в «Бакинском рабочем».

Должности, которые занимал Фиолетов, возлагали на него немалую ответственность, и дел у него с каждым днем прибавлялось.

Почти все надо было начинать впервые, все было внове, и все было трудно, все требовало немедленного, причем единственно правильного, решения. Не хватало опыта, знаний, и за каждую ошибку приходилось расплачиваться кровью собственного сердца.

В самом деле, разве легко разобраться в событиях, мелькающих, меняющихся с быстротой пулеметной очереди? Где найти ответ на сотни возникающих то и дело вопросов? Как отбиться от наседающих со всех сторон меньшевиков, эсеров, анархистов, мусаватистов, дашнаков, бундовцев, кадетов и черносотенцев? Голова шла кругом, и ему вдруг захотелось хоть на часок очутиться снова в Яренске, на лугу, заросшем ромашками и кипреем…

Но тут в сознании сработало табу, Фиолетов прогнал прочь от себя мысль об отдыхе, всю эту «интеллигентскую муть», и достал из кармана толстую, на сто пронумерованных страниц, записную книжку.

— Итак, Леля, что у меня на сегодня? — спросил он не столько жену, сколько самого себя. — Митинг на промысле Нобеля… В двенадцать демонстрация… В семь часов — заседание… Вечером зайти к старику Байрамову…

— У тебя все по плану. — Ольга улыбнулась.

— А то как же.

Она надела куртку и повязала голову красной косынкой.

— Я готова, Ванечка… Пошли?

До последнего времени Ольга работала в девятнадцатом лазарете «сестричкой», но несколько дней назад БК направил ее заведовать столом учреждений в Продовольственном комитете.

— На демонстрацию пойдешь? — спросил Фиолетов.

— Если отпустят. Ты же знаешь, мое меньшевистское начальство невзлюбило меня с первого дня.

— Ничего, скоро и там наведем порядок…

Он провел два митинга в Черном городе, а потом направился в Бакинский комитет, где в дверях нежданно-негаданно столкнулся с Джапаридзе.

— Кого я вижу! Алеша! — радостно воскликнул Фиолетов.

— Ванечка! — В голосе Джапаридзе слышались те же нотки.

Они обнялись.

— Сегодня утром из Тифлиса, — сказал Джапаридзе. — И сразу в БК за новостями и распоряжениями.

— В двенадцать общегородская манифестация. Скоро все подойдут.

— Я слышал, Ванечка…

Прямо с манифестации Фиолетов пошел на заседание Совета.

Большевики расположились в зале маленькой тесной группой, председательское место занял Степан Шаумян. Вопросов, которые надо было обсудить, набралось много, и он сразу предоставил слово Фиолетову.

Фиолетов поднялся на сцену, достал из кармана испещренный множеством подписей листок.

— Товарищи! Я держу в руках заявление представителей шестидесяти двух предприятий подрядного бурения. Рабочие пишут, что они поставлены в нечеловеческие условия. Получают семьдесят копеек в день. И это в то время, когда в двери к ним стучится голод. Ежедневные травмы на производстве, несколько смертных случаев за последние две недели. «Полмесяца прошло, как рухнуло самодержавие, а у нас нет никаких изменений, —

пишут рабочие. — Все осталось как при царе — штрафы, побои, увольнения». Рабочие обращаются к Совету с просьбой помочь им заключить коллективный договор.

Фиолетов знал, что значит пробурить скважину. Он видел этих с ног до головы забрызганных грязью рабочих, девять часов подряд ввинчивающих бур в черствую, неподатливую землю — двое на одном конце железного стержня, двое на другом. При сорокаградусной жаре, при ураганном ветре, который свистит в дырявой вышке. Скважина в пятьсот сажен бурится четыре года. На этой глубине опасен каждый поворот ключа: в любой момент газ и нефть могут со страшной силой вырваться наружу, разнести вышку и убить людей. Правда, ручной труд можно заменить машинным, но буровой станок стоит дорого, а человеческие руки не стоят почти ничего…

Когда в декабре 1904 года был подписан первый в России коллективный договор, рабочие назвали его «мазутной конституцией». «Конституция» действовала недолго, наступила реакция, и многое из того, что с таким трудом и такими жертвами вырвали у предпринимателей рабочие, вскоре было перечеркнуто нобелями и тагиевыми. Потом военный угар охватил империю. И наконец, ворвалась в Россию вторая революция, которая смела самодержавие, как бакинский норд сметает опавшие листья.

Но стало ли лучше жить гражданам «мазутной республики»? Фиолетов, воспринявший весть о крушении империи с восторгом и надеждой, теперь, и с каждым днем все больше, убеждался, что Февральская революция, блеснув фейерверком, погасла. Иллюзии на скорые и безболезненные перемены к лучшему развеялись под натиском суровой и беспощадной действительности.

— Вывод напрашивается сам собой, — заключил выступление Фиолетов. — Пока у власти остаются нефтепромышленники и заигрывающие с ними меньшевики вкупе с эсерами и дашнаками, положение не изменится. Нефтепромышленников надо обуздать и для этого потребовать от них заключения нового коллективного договора…

— В вас, оказывается, пропадает талант оратора, — кисло похвалил Фиолетова Айолло, когда закончилось заседание.

— Почему пропадает? — вежливо осведомился Шаумян. — Ораторский талант Ивана Тимофеевича делает свое нужное и доброе дело. Вот вы, господин Айолло, аплодировали вместе со всеми, хотя та часть выступления, в которой Иван Тимофеевич громил меньшевиков, едва ли вам пришлась по душе.

С заседания Шаумян и Фиолетов возвращались вместо.

— Никто не знает так хорошо жизнь бакинских рабочих, как вы, Иван Тимофеевич… Пожалуйста, не машите протестующе

руками… Нам известен ее, так сказать, фасад, вы же знаете эту жизнь изнутри. Короче говоря, мне бы очень хотелось, чтобы вы взвалили на свои плечи вопрос о заключении коллективного договора, и не только для работников подрядного бурения, но и для всех рабочих нефтяной промышленности.

— Они не такие могучие, Степан Георгиевич, эти плечи…

— Не беспокойтесь, поддержка будет обеспечена, и надежная. Мешади, Алеша… С завода вам, понятно, придется уйти. Вам просто будет некогда работать на два фронта. Если вы не запамятовали, вам и раньше советовали уйти в профессиональные революционеры, вы отказывались, и в этом был свой резон, но сейчас вам надо целиком отдаться партийной работе… Простите, вы сколько зарабатываете на заводе?

— Ну разве это имеет значение?

— Имеет. Наша партийная касса не очень богата, но я поговорю с товарищем Вацеком, чтобы он обеспечил вам сносное существование.

— Степан Георгиевич, я вас очень прошу, не надо этого делать. Ольга зарабатывает шитьем, я тоже могу подрабатывать вечером, как все.

Шаумян перебил его.

— Этого еще не хватало! Вы, Иван Тимофеевич, не «все». Вы… — Он долго не находил слова, наконец нашел и обрадовался: — Вы — Ванечка.

Было поздно. Они еще долго ходили по опустевшим, сонным улицам, пока не спохватились, что обоим надо рано вставать, что впереди уйма дел.

— Катерине Сергеевне и деткам мой большой привет, — как всегда, прощаясь, сказал Фиолетов.

У Фиолетовых не было детей, и он отцовскую любовь перенес на чужих мальчишек и девчонок. Дети это хорошо чувствовали и тоже самоотверженно любили своего дядю Ваню. Бледнолицые ребятишки балаханских рабочих всегда встречали его на улице, когда он шел с работы, и не только потому, что получали леденец или пряник. Просто им нравилось, что такой большой человек разговаривает с ними спокойно и рассудительно, как со взрослыми. Были бы свои — он точно так же разговаривал бы с ними, ничем не выделяя из других. Но своих детей не было. И не будет.

Ольга много лет не говорила ему о том, что случилось с ней в ярославской пересыльной тюрьме, а потом все-таки рассказала.

— Помнишь, Ванечка, я передавала тогда, что меня в больницу положили?

— Конечно, помню, Леля, — ответил он, почему-то волнуясь.

— Перед тем днем я на спинку койки встала, чтоб до окошка дотянуться. Думала — тебя увижу. Однако не удержалась и упала прямо на железо. Навзничь. Сознание потеряла. Доктор только через день пришел, когда ваш этап уже дальше в Вятку погнали. Посмотрел меня и говорит: «Жить будешь, а чтоб родить, этого, матушка, у тебя не получится». Вот так, Ванечка… А я ведь тогда ребеночка ждала…

Вечером он встретил около своего дома Сурена Шаумяна, остановил и долго молча смотрел на него, словно видел впервые. «Вот такой мог бы быть и у меня», — подумал Фиолетов и спросил вслух:

— Тебе сколько лет, Сурен?

— Пятнадцать… А что?

— Ничего, Сурен, это я просто так. Ты к нам шел?

— Да, дядя Ваня… У меня к вам просьба. Вы все можете.

Фиолетов улыбнулся.

— Ну, положим, не все… А что ты хочешь?

— Я слышал, что в какой-то мастерской делают значки с изображением Карла Маркса. Достаньте мне несколько. Хочу дать отцу, чтобы он, если увидит товарища Ленина, передал ему… от меня. Как вы думаете, дядя Ваня, Владимир Ильич примет такой подарок?

— Думаю, что примет, Сурен.

О возможной встрече Шаумяна с Лениным Сурен говорил не зря. Рабочие Баку выдали Шаумяну мандат делегата на Первый Всероссийский съезд Советов.

Значки Фиолетов достал на следующий день и занес их на квартиру Шаумяну. Степан Георгиевич уже собирался в дорогу, упаковывал потертый кожаный чемодан, побывавший с ним во всех ссылках и тюрьмах.

— Огромное спасибо, Ванечка, и извините за беспокойство, которое доставил вам Сурен.

— Ну что вы, Степан Георгиевич…

Шаумян приколол к пиджаку значок — миниатюрный портрет Маркса в узенькой ярко-красной рамке.

Август в Баку был, как всегда, знойным. Фиолетов устал от бесконечных заседаний, митингов, от палящего солнца. Завтра он опять поедет в Балаханы, потом зайдет в библиотеку, потом…

— Куда это Ванечка бежит в такую рань?

Фиолетов очнулся от своих мыслей, поднял голову и узнал Зевина.

— Яков! Здравствуй, дорогой. Я к Алеше. А ты откуда и куда?

— Здравствуй, Ванечка… Только что из первопрестольной.

— Опять через Францию? — Фиолетов назвал страну, где после яренской ссылки побывал Зевин.

— Нет, на сей раз прямо из Москвы по вызову Бакинского комитета… А ты что, не узнаёшь? — Зевин перевел взгляд на стоявшую рядом с ним молодую женщину с большими глазами на смуглом лице. — Моя жена…

— Ба! — воскликнул Фиолетов. — Ольга Александровна! Сослепу не заметил вас, простите.

— Теперь Надежда Николаевна, а проще — Надя. — Улыбаясь, она протянула Фиолетову руку.

— Зевина? — спросил Фиолетов.

— Нет, все так же Колесникова. Мы ведь не обвенчаны.

— Сейчас это не имеет значения… Где собираетесь работать?

— Он, — Колесникова показала на мужа, — пока не знаю, а я в редакции «Бакинского рабочего».

— Тогда до встречи в редакции. Меня опять членом редколлегии сделали.

На ближайшем заседании Совета Джапаридзе предстояло доложить основные положения, которые должны лечь в основу коллективного договора: одинаковые условия труда и быта для всех рабочих-нефтяников, введение восьмичасового рабочего дня, повышение заработной платы.

Тезисы доклада Джапаридзе и Фиолетов составляли вместе, вдвоем с утра до ночи несколько дней подряд ездили по промыслам и заводам, заходили в казармы, на вышки и, предъявив удостоверения членов Бакинского Совета, требовали от начальства финансовые отчеты. Такого управляющие и директора на своем веку не помнили, однако отчеты давали; требуют представители власти, а с властями, как известно, лучше не связываться. Проект договора надо было показать нефтяным тузам, и это опять же выпало на долю Фиолетова. Перспектива встречи с миллионерами не радовала: как с ними держаться? Какой найти подход, чтобы добиться успеха?

В это утро Фиолетов проснулся поздно, с головной болью и с ощущением чего-то неприятного, что его ожидало сегодня. Взгляд остановился на тетради, где он записывал свои задания на предстоящий день, и он сразу вспомнил: в десять утра надо быть в совете съезда нефтепромышленников, чтобы предъявить выдвинутые рабочими требования.

Военный психоз в стране продолжался, и в этой обстановке с промышленниками особенно надо было держать ухо востро. Нефть была необходима для «войны до победы», и бакинские

капиталисты не желали упускать ни одной копейки из тех баснословных прибылей, которые текли в их бездонные карманы.

В запасе у Фиолетова было с полчаса, и он остановился около рекламной тумбы, чтобы почитать свежие объявления. В летнем театре «Мон-рено» художественная драма «Пора любви»… В «Национале» — областной съезд сионистов… Собрание членов Бакинского союза военно-увечных: выборы делегатов на Всероссийский съезд инвалидов войны.

Рядом стоял молодой парень без ногн, на костылях и зло читал объявления. Прошел мимо еще один отвоевавшийся солдат с пустым рукавом полинявшей гимнастерки… Война продолжалась, и газета «Баку» печатала тревожные сводки с фронтов и невеселые рассказы о беженцах, наводнивших город, — белорусах, русских, поляках. Фиолетов подумал, что ему завтра надо быть в Балаханском отделении «Комитета помощи беженцам», где его избрали председателем, — распределять скудное пособие, устраивать на работу, хлопотать о жилье. Завтра же он проведет там беседу, которую мысленно озаглавил «Чувство локтя», — о взаимоподдержке рабочих разных наций. От этой мысли его отвлек громкий топот солдатских сапог по булыжной мостовой. Он поднял глаза и увидел шагавших строем женщин в военной форме, со стрелой красно-черного шеврона на левом рукаве и на фуражках, на которых вместо обычной кокарды красовалась «адамова голова» — изображение черепа с перекрещенными костями. Это шел на вокзал женский «батальон смерти» под красно-черным знаменем с надписью «Вперед!». Фиолетову стало жалко этих одураченных, объятых шовинистическим угаром молодых женщин.

Кабинет, куда пригласили Фиолетова, был обставлен с пышной роскошью. Ашнеронские ковры на полу и на стенах. Инкрустированная перламутром мебель. Массивный шкаф со всевозможной серебряной посудой. На расписном, китайской работы, столике — поднос с грудкой мелко наколотого сахара и два грушевидных стакана.

Увидев вошедшего в кабинет Фиолетова, с кресла привстал толстый господин с усиками на заплывшем лице, один из тех, для которых счет деньгам начинается не с рубля и не с сотни рублей, а с тысячи.

— Садитесь, пожалуйста. — Он вяло указал рукой на кресло около стола. — Я пригласил вас для того…

— …чтобы сообщить пренеприятное известие, — докончил Фиолетов. К своему удивлению, он быстро освоился с обстановкой и по выражению лица нефтяного короля понял, что

совет съезда нефтепромышленников отверг проект коллективного договора.

— Вы угадали, господин Фиолетов. Изучив требования рабочих, мы нашли, что они для нас неприемлемы… Стаканчик чаю, пожалуйста.

— Спасибо. Сейчас не до чая.

— Кан вам угодно… Конечно, мы не отказываемся начать переговоры, но с единственной целью — доказать… гм… товарищам рабочим, что их требования чрезмерны.

— В чем же вы находите чрезмерность? В сокращении рабочего дня? В повышении заработной платы? В улучшении условий труда, которые все еще остаются каторжными? — Каждую фразу он говорил все более резко. — В России рабочий класс уже добился многого…

Промышленник поморщился.

— Мы не Россия, господин Фиолетов. И российские законы, предложенные большевиками, для нас неприемлемы.

— А кто же вы? — Фиолетов в упор, прищурясь, посмотрел на капиталиста.

— Мы нефтепромышленники. И этим все сказано. Мы добываем нефть и не намерены отдавать ее даром.

— Ну что ж… — Фиолетов рывком поднялся с кресла. — Дело ваше. Но мы будем бороться. Сейчас рабочие куда сильнее, чем до Февраля.

Представители от большевиков — Фиолетов, Джапаридзе, Тер-Габриелян, секретарь президиума Союза нефтепромышленных рабочих Васин вошли в промыслово-заводскую комиссию; им рабочие поручили вести переговоры с нефтяными тузами.

Подошли представители меньшевиков и эсеров и встали отдельной группой, как бы подчеркивая этим, что у них будет свое, особое мнение на переговорах с капиталистами. Меньшевики оживленно разговаривали с приехавшим из Тифлиса их вождем Евгением Гегечкори.

— Ну что, пошли? — Фиолетов взглянул на часы. — Нам надо быть точными.

В просторном зале за длинным столом уже сидели представители совета съезда нефтепромышленников. На стене, обращенной к двери, висела, зияя пустотой, тяжелая рама, в которой еще недавно красовался портрет последнего русского царя. Фиолетов и Джапаридзе переглянулись: для кого оставлено пустое место? Для Керенского? Для того, кто его сменит? Очевидно, в прочность Временного правительства не верили даже

бакинские капиталисты.

Переговоры начались в замедленном темпе, к обоснованию своих решений промышленники подходили исподволь, издалека.

— Для того чтобы поднять заработную плату рабочим, необходимо одно — увеличить закупочные цены на нефть… — Председатель первого союза нефтепромышленников Тагионосов едва цедил слова. — Я хочу напомнить господам присутствующим высказывание министра торговли и промышленности (увы, бывшего), который изволил сравнить Баку с кнопкой электрического звонка. Стоит тем или иным обстоятельствам надавить на эту кнопку, и звонок, тревога распространится по всей России. В девятьсот пятом году давление на кнопку было беспрерывным, и цены на нефть поднялись…

— Однако вы и не подумали увеличить заработную плату рабочим, — бросил Фиолетов.

— Теперь же, в девятьсот семнадцатом, никто на кнопку не нажимает, и закупочные цены остаются чуть ли не на уровне тысяча девятьсот пятого года. Как же мы можем поднять заработную плату рабочим? Это будет равносильно разорению владельцев промыслов.

— Простите, — возразил Фиолетов, — пуд керосина вам обходится тридцать копеек, а где-нибудь в Полтавской губернии ваши же агенты продают его в пятнадцать раз дороже!

— Господин Фиолетов плохо разбирается в экономике. Растет не прибыль, а растут накладные расходы.

— Чепуха! — послышался голос Джапаридзе. — Нигде предприниматели не выжимают такой огромной прибыли, как в Баку.

— Господин Джапаридзе! Как вы думаете, кому лучше знать о наших прибылях — нам или вам? Повторяю еще раз: мы можем пойти на постепенное увеличение заработной платы рабочим только при увеличении закупочных цен на нефть. А это, извините, зависит не от нас, а от правительства. — Оратор бросил взгляд на пустую раму.

Меньшевики вели себя непривычно тихо, не скандалили и лишь искоса поглядывали на Гегечкори — что скажет он. И тот сказал:

— Я бы советовал нашей делегации понять позицию другой стороны. Требования, предъявляемые рабочими, действительно слишком высоки, и нам следует прислушаться к голосу разума.

Фиолетов возмутился.

— И это говорите вы, так красиво пекущиеся на митингах о благополучии рабочих!

С заседания вышли в подавленном настроении. У подъезда

стояла толпа рабочих, ждавших результатов переговоров.

— Ну что там, Ванечка? — крикнул кто-то.

— Капиталисты отказались выполнить наши требования и коллективный договор подписывать не хотят.

В толпе зашумели.

— Да как же так? Ведь мы надеялись… А вы куда смотрели? Куда смотрел Совет? — В глазах рабочего в спецовке вспыхнул недобрый огонек.

— В Совете слишком много меньшевиков и эсеров.

— Так гоните их в три шеи, ежели они вам мешают!

— Дайте срок, прогоним.

— Неужто на промышленников нету управы?.. Вот и царя сбросили, а они все в силе…

…Управа была, но ни Фиолетов, ни Джапаридзе пока не хотели прибегать к последнему средству — всеобщей забастовке. Слишком были изнурены рабочие — войной, голодом, катастрофическим ростом цен, чтоб опять, неизвестно на какое время, остаться без всяких средств к существованию.

— Так что же будем делать, Алеша? — спросил Фиолетов.

Джапаридзе бодро взглянул на него.

— Прежде всего, не будем унывать. Сейчас пойдем в редакцию и напишем статью.

«Бакинский рабочий» стал снова выходить весной. 22 апреля вышел первый номер со статьей Ленина «Апрельские тезисы»… Фиолетов хорошо помнил тот памятный день. В типографии толпился народ. Знакомые и незнакомые люди жали руки Шаумяну, Джапаридзе, ему. Рабочие, солдаты, конторщики несли деньги и записки, адресованные редакции: «Посылаем в твой железный фонд наш однодневный заработок…»

В редакции они застали одну Надю Колесникову. Она сидела на стареньком диване и разбирала почту.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна! — сказал Джапаридзе. — Будьте добры, возьмите бумагу и карандаш, мы вам продиктуем статью о коллективном договоре…

Статья появилась в очередном номере «Бакинского рабочего»:

«Если вы, предприниматели, не можете сократить ваших аппетитов, если вы не можете удовлетворить даже того, что рабочие имели до войны, если, наконец, производство действительно не может под вашим руководством работать, как раньше, то мы не можем предоставить вам волю и дальше бесконтрольно хозяйничать. Прочь кровавые руки от народного богатства! Вы, виновники этой войны, вы, виновники этой разрухи, не можете с ней справиться. Долой грабителей-капиталистов, вся власть Совету рабочих и военных депутатов!»

— Думаю, что Степан Георгиевич нас не осудит за эту публикацию, — сказал Джапаридзе.

Шаумяна в Баку снова не было. В середине сентября он уехал в Петроград, чтобы принять участие в заседаниях ЦК РСДРП, и еще не вернулся.

— Как вы думаете, Алеша, чем нам ответят господа оборонцы? — спросил Фиолетов. — «Вся власть Совету» — это их явно не устроит.

Они проходили мимо редакции меньшевистской газеты «Наш голос» и увидели, как оттуда вышел представительный, восточного типа человек с тоненькой строчкой усов.

— Ого! — протянул Джапаридзе. — Исидор Рамишвили собственной персоной. Чего это он примчался из Тифлиса?

Исидор Рамишвшга, назначенный Особым Закавказским комитетом на должность комиссара труда, прибыл в Баку выручать нефтепромышленников. Ни Джапаридзе, чи Фиолетов не знали, что Рамишвили уже послал в Петербург телеграмму своему коллеге, министру труда Временного правительства Скобелеву: «Предвидится всеобщая забастовка, которая нежелательна ввиду государственного значения промыслов… Потребуется вмешательство государственной власти для решения вопроса».

Очередное заседание промышленно-заводской комиссии было назначено на 16 сентября. В летнее помещение общественных собраний снова пришли представители разных партий, снова большевики сидели одной кучкой, и снова в противовес им якшались друг с другом, находя общий язык, меньшевики-оборонцы и просто меньшевики, дашнаки, эсеры, анархисты…

На председательском месте сидел худой, со впалыми щеками Лядов — Мартын Мандельштам, большевик, присланный на партийную работу в Баку. Он тщетно пытался утихомирить разгоревшиеся страсти и примирить спорящих.

О ходе работы по коллективному договору докладывал меньшевик Якубович. Он сыпал цифрами, оглашал минимальные ставки, на которые соглашались промышленники, и те, которые они не пожелали удовлетворить. Камнем преткновения по-прежнему оставался вопрос об увольнении с работы. Большевики настаивали на том, что уволить рабочего можно только с согласия профессионального союза; меньшевики колебались, промышленники вообще категорически отказались принять этот пункт договора.

— Забастовка! Только забастовка, сколько бы она ни

продолжалась! До победного конца! — с пафосом провозгласил Якубович.

Было время, когда к этому же — стачка до победы! — призывали большевики. Но сейчас…

— С забастовкой надо подождать, — сказал Джапаридзе. — Сейчас она на руку капиталистам и опасна для рабочих.

Правая сторона зашикала, заволновалась.

— Нужен террор! — раздался голос какого-то анархиста. — Без террора мы все равно ничего не добьемся!

— Какая чепуха! — Фиолетов встал и откинул рукой упавшую на лоб прядь волос. — Сейчас не время террора, как вы не понимаете этого? Кого вы собираетесь терроризировать? Кого?

Он так и не понял, почему эти его слова вызвали такой бурный протест со стороны его противников. Поднялся шум. Вскочил с места щупленький анархистик и стал грозить большевикам своим маленьким кулачком.

— Долой! — крикнул он, краснея от напряжения.

Лядов тщетно пытался утихомирить разбушевавшихся правых, а Фиолетов с трудом сдерживался, чтобы не ответить бранью на брань. Наконец установилась относительная тпшина.

— Как вы можете кричать «долой»? — Теперь Фиолетов говорил очень тихо, и это произвело большее впечатление, чем если бы он вдруг закричал. — Как вам не стыдно! Кому вы кричите «долой»? Мне? Я пятнадцать лет иду в передовом отряде рабочего движения и, кроме инвалидности, ничего не получил за это. Вот я весь перед вами. Что на мне — то весь я. Вы кричите «долой». А где вы были, когда мы работали в подполье, когда нас били нагайками, сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу?

И вдруг раздался взрыв аплодисментов. Это поддержали Фиолетова рабочие и товарищи по фракции. Громко били в ладоши Джапаридзе, Басин, Тер-Габриелян. Лядов, в первые минуты не знавший, что делать — поддержать ли оратора или прервать его речь звонком, теперь интеллигентно хлопал, едва касаясь ладонью ладони.

Сейчас Фиолетова уже было трудно остановить.

— Против кого вы хотите применить террор, когда те, в чьих руках находятся нефтяные промыслы, живут не здесь, а за границей, в пределах недосягаемых? Что касается забастовки, то ее надо оставить на самый крайний случай.

Фиолетов устало опустился на стул и почувствовал, как Джапаридзе незаметно пожал ему руку.

Приехавший в Баку министр труда Временного правительства Матвей Иванович Скобелев был сыном гласного Бакинской думы.

Он уже давно жил в столице, но на родину наведывался часто, и в партийных кругах его знали как человека, отстаивавшего крайне правые меньшевистские взгляды. Несколько лет назад с ним на одном из диспутов схватился Фиолетов, и на душе у Скобелева остался неприятный осадок от ощутительного поражения, которое ему пришлось испытать в споре.

Фиолетов столкнулся с ним случайно на улице, и Скобелев первый остановил его. Они разговорились.

— Как вы думаете, Иван Тимофеевич, почему так неудачно для рабочих складывается обсуждение коллективного договора? — спросил Скобелев.

— Думаю, что в этом в большей мере виновата партия, к которой вы принадлежите, и стойкость капиталистов, основанная на поддержке правительства, в котором вы занимаете столь высокий пост.

Скобелев деланно рассмеялся.

— Вы остались таким же, как и десять лет назад.

— Вы правы, большевики не меняют своих убеждений.

Разговор снова переключился на коллективный договор, точнее, на пункт об увольнения рабочих.

— Ведь это же упрямство, Иван Тимофеевич, — сказал Скобелев. — Вы видите, что хозяева идут почти на все требования профсоюза. Стоит ли срывать переговоры из-за одного пункта?

— Нет, это не упрямство. Я вам скажу, что рабочие скорее пойдут на уступки в заработной плате, не будут упираться из-за пятачка, но от пункта, который их должен оградить от произвола хозяина, они не откажутся.

…Упрямился не Фиолетов, а нефтяные тузы. И тогда большевики решились на крайнюю меру. 21 сентября промышленио-заводская комиссия послала нефтепромышленникам ультиматум. Ответа в назначенный срок не последовало, и комиссия постановила: считать себя стачечным комитетом, во главе комитета поставить Джапаридзе и начать забастовку 27 сентября.

Фиолетов был бледен, когда читал постановление стачкома: «Всякий, кто начнет или кончит забастовку раньше срока, — тот изменник рабочего класса».

Всю ночь он провел на промыслах среди рабочих. Настало пасмурное, неуютное утро. Развиднелось поздно, Фиолетов посмотрел на часы:

— Сейчас загудят…

Рядом стоял Абдула с револьвером на боку. По решению стачкома промыслы на время забастовки охранялись, и Абдулу назначили начальником военизированного звена. Ровно в восемь

над промышленными районами Баку протяжно и тревожно загудели гудки, возвещавшие о начале забастовки. Не первый раз Фиолетов слушал их, призывавших к стачке, а все не мог привыкнуть, и зябкий холодок пробежал у него по спине. Началось…

Днем он зашел в редакцию «Бакинского рабочего», чтобы отдать заметку о ходе стачки, и увидел Джапаридзе.

— А, Ванечка! Написали? — спросил Джапаридзе. — Очень хорошо… Послушайте, какую резолюцию принесли рабочие товарищества «Нефть». — Он взял со стола листок. — «Если нефтепромышленники откажутся утвердить коллективный договор, применить к ним тот же способ борьбы, какой они применяли к нам: арестовать, годных отправить на фронт, остальных в тюрьму, а предприятия реквизировать». До гениальности просто — ре-кви-зи-ро-вать! — Он хотел посмотреть на Фиолетова, но его рядом уже не оказалось…

Наступил пятый день забастовки. Все эти дни Фиолетов вел переговоры с промышленниками и об итогах докладывал стачкому. В тот день он пришел на заседание возбужденный и радостный.

— Товарищи! Победа! — крикнул он на ходу. — Они согласны на все наши условия. Сегодня будет подписан договор.

На этот раз ликование было всеобщим. На минуту забылись распри, споры, взаимные оскорбления, обиды.

Все встали, и под сводами зала зазвучали неумирающие слова «Марсельезы».

— Бегом в редакцию, генацвале! — Джапаридзе подхватил Фиолетова под руку. — Первыми сообщим Степану Георгиевичу новость.

В вестибюле их остановил Рамишвили.

— Вы победили не только нефтепромышленников, но и меня, — сказал он, скупо улыбаясь. — Приветствую победителей!

Глава вторая

В городских газетах опубликовали списки гласных. От большевиков в думу прошло шестнадцать человек, и среди них был Фиолетов. Кадеты удовольствовались шестью местами.

— А что я говорила, Ванечка, — сказала Ольга. — Вот ты и гласный. Будешь сидеть рядом с самим господином Тагиевым.

— Я буду сидеть, Леля, рядом с Алешей, Мешади, Степаном, Яковом…

— Прости, Ванечка, я не хотела тебя обидеть. Да и зачем тебе сидеть рядом с действительным статским советником… Он все еще свои ленты и ордена не снял. Сама вчера видела.

— Ничего, скоро снимет.

— А тебе, Ванечка, и снимать нечего. — Она улыбнулась. — Не жаловал тебя наградами царь-батюшка.

— Зато теперь народ жалует!

Ему вдруг захотелось по-мальчишески похвастать перед ней, и он стал выкладывать на стол свои документы, с которыми не расставался и носил в боковом кармане кожаной куртки.

— А это тебе что — не награда? — Он вынул удостоверение члена Кавказского краевого комитета партии. — А это? — На стол легло удостоверение члена Исполкома Бакинского Совета, председателя Бакинского союза нефтепромышленных рабочих, члена городского комитета партии, члена редколлегии «Бакинского рабочего», справка о том, что он является кандидатом в Учредительное собрание…

— Тебе мало, да? — спросил он с задором. — И не царь-государь поставил меня на эти должности, а народ, такие же, как мы с тобой, рабочие!

Ольга слушала с удовольствием, которое не могла, да и не хотела скрыть. Она подошла к мужу и взъерошила пальцами его густые волосы.

— Ну-ну, Ванечка, не кипятись!.. Я же знаю, что ты хороший, — сказала она, улыбаясь.

— То-то ж! — ответил он весело.

На Баку надвигалась военная гроза. Готовились напасть на Советскую Россию белые банды и войска турецкого генерала Нури-паши, мечтавшего повести на Баку весь контрреволюционный сброд.

А сколько появилось надежд на мирную и радостную жизнь, когда двадцать шестого октября телеграф принес весть об Октябрьской революции в Петрограде!

Рабочим чутьем Фиолетов почувствовал, нутром понял, что отныне будет в России правительство, которое можно назвать своим. Декрет о мире, Декрет о земле — что важнее, своевременнее в эти трудные для России дни?

На следующий день состоялось заседание Бакинского Совета. На трибуну поднялся Шаумян.

— Предлагаю поддержать первое рабоче-крестьянское правительство России, — бросил он в зал. — Красный Питер указал нам путь. Вся власть в Баку тоже должна принадлежать Совету!

— Протестуем! — крикнул один из меньшевиков, торопливо пробиваясь к трибуне. — Наш Бакинский Совет не созрел для того, чтобы в новых условиях удержать власть. Так мало надежных людей…

— То есть меньшевиков и правых эсеров? — перебил его с места Фиолетов.

— Хотя бы… Мы, к вашему сведению, тоже ходили при царе в кандалах и гибли в тюрьмах!

Фиолетов посмотрел в переполненный народом зал. За кем пойдут эти люди? Кого поддержат?

Положение в многонациональном Баку было сложным. Если в Питере или Москве большевикам приходилось бороться с меньшевиками, эсерами, кадетами, то в Баку к этим партиям прибавилась партия дашнаков — «Дашнакцутюн». Играя на национальных чувствах армян, спекулируя на несправедливостях, которые они испытали на себе при царизме, дашнаки завербовали в свои ряды не только мелких торговцев и ремесленников, но и часть рабочих.

На арену политической борьбы вышла и азербайджанская националистическая партия «Мусават», партия беков, ханов и национальной буржуазии. Ее главари не сидели сложа руки. Их шовинистические лозунги, которые проповедовал «вождь» Расул-заде, привлекли мелкую буржуазию. Среди членов Совета были сторонники и этой партии.

«Что же решат собравшиеся в зале люди разных политических убеждений? — думал Фиолетов. — Чья сторона возьмет верх?»

На этот раз верх взяли оппортунисты. Большинство проголосовало за то, чтобы создать комитет общественной безопасности и именно ему, а не Совету передать власть в Баку.

С заседания большевики возвращались своей группой.

— Что будем делать? — спросил Фиолетов у Шаумяна. Степан Георгиевич был настроен бодро.

— Что будем делать? — переспросил он. — Обратимся непосредственно к массам и попросим их исправить допущенную

ошибку. Ведь подавляющее большинство рабочих горой стоит за Советы. И надо лишь одно — рассказать им правду. — Он помолчал, обдумывая мысль. — Срочно от имени Бакинского комитета обратимся ко всем рабочим нефтепромыслового района. Надеюсь, Ванечка, вы примете участие в составлении этого документа?

28 октября обращение БК читали на всех промыслах, заводах и кораблях. Большевики не побоялись сказать народу горькую правду:

«Товарищи!

27 октября ваши представители в Совете отвергли предложение заявить, что в решающей схватке, происходящей ныне в Петрограде, поддержка Баку на стороне революционных борцов… Заседавшие на расширенном Совете ваши представители поддались еще раз словесным обманам соглашателей, они дали себя заговорить краснобаям-оборонцам, дали себя запугать прочитанными лживыми телеграммами…

Товарищи! Очнитесь! Подумайте, куда заводят вас ваши вожди-оборонцы!

Пересмотрите решение, принятое вашими представителями, и скажите, согласны ли вы быть в лагере контрреволюции, куда вас загнали фактически. Мы переживаем время, когда нельзя колебаться, нельзя топтаться на месте. Петроградские рабочие и солдаты говорят вам: кто не с нами, тот против нас. Или революция, или контрреволюция. Или власть буржуазии, или власть Советов. Выбирайте одно из двух!

…Мы требуем пересмотреть принятое 27 октября позорное постановление! Бакинские рабочие не могут быть изменниками революции!..»

Минул еще день, и по улицам города прошла внушительная колонна моряков в белых бескозырках. В первых ее рядах величественно плыл нарисованный кем-то из матросов большой портрет Карла Маркса. С промыслов присоединились к морякам рабочие колонны. На солнце сияло красное полотнище со словами: «Вся власть — Советам».

Это было в воскресенье 29 октября, в 12 часов дня.

Слова, написанные на лозунге, повторяли все, кто выступал на митинге. И когда настала пора голосовать за резолюцию, лес рук поднялся вверх: «Вся власть — Советам!» А потом оркестр заиграл Реквием Моцарта, и тысячи людей, бывших на площади, в едином порыве опустились на колени, чтобы почтить память погибших за свободу.

Через несколько дней митинги перекинулись на нефтяные районы. Фиолетову поручили организовать выступления в

Балаханах.

Лил дождь, и люди собрались в большом бараке. Уже смеркалось, свет подвешенных к потолку фонарей в железных обручах едва достигал до осклизлых стен. В воздухе висел табачный дым. Но было очень тихо, и каждое слово, сказанное Фиолетовым, слышали в самых дальних углах. Свое выступление он закончил тем же лозунгом: «Вся власть — Советам».

Резолюцию прочитал Абдула, сперва по-русски, потом по-азербайджански: «Всецело присоединяемся к петроградскому революционному пролетариату и его действиям, а также готовы выступить по первому зову на баррикады против контрреволюционеров за революцию и свободу».

К Шаумяну стекались резолюции всех митингов: «Да здравствует великая русская революция!», «…Бакинский пролетариат и бакинские солдаты, матросы… окажут полную организованную поддержку своим руководящим органам в интересах торжества революции, в интересах создания в России истинно революционной народной власти», «Мы знаем и поддерживаем… власть народных комиссаров во главе с товарищем Лениным».

Теперь можно было назначить новое заседание Баксовета. Агитация, которую все эти дни проводили большевики, сделала свое дело, и резолюция была другой.

«Поддерживая, в противовес буржуазии и калединцам, нарождающееся новое правительство во всероссийском масштабе, Бакинский Совет находит необходимым поставить перед собой задачу расширения власти Совета и в Бакинском районе, вплоть до перехода всей власти в его руки».

Это уже была если не сама победа, то пролог к ней.

— Еще одно усилие, — сказал Шаумян, — и мы добьемся своего!

Следующее заседание Бакинского Совета состоялось 2 ноября. Зал заполнили те же люди, но Фиолетов увидел, что настроены они совсем не так, как несколько дней назад. Выступали многие, и почти каждая речь заканчивалась призывом «Вся власть Советам!».

На трибуну поспешно поднялся меньшевик Богданов.

— В знак протеста мы покидаем заседание! — крикнул он.

— Туда и дорога, — насмешливо сказал Фиолетов, и на его слова зал ответил дружными хлопками.

— Ушедшие с заседания раскольники стараются расколоть фронт рабочих и солдат, а это — преступление! — Голос Джапаридзе звучал резко.

Правые эсеры, меньшевики и дашнаки, выступившие со своей

декларацией, демонстративно покинули заседание. Однако подавляющее большинство Совета — 340 человек — продолжало работу. В Совете остались левые эсеры, блокировавшиеся с большевиками. Слово взял Шаумян, и за его предложение о переходе власти в руки Советов проголосовало большинство.

Власть в Баку перешла в руки Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов без вооруженной борьбы и кровопролития. В новый состав Исполкома вместе с Шаумяном, Азизбековым и Джапаридзе вошел и Фиолетов.

С тех пор прошло всего четыре месяца, а мир и радость, которые связывали с Октябрем, уже приходилось защищать.

— Григорий Николаевич, что нового? — Этой фразой Шаумян встретил вошедшего в кабинет военного в гимнастерке с портупеей и полевым биноклем, висевшим на ремне.

Григорий Николаевич Корганов, проведший всю войну на Кавказском фронте, приехал в Баку в январе 1918 года вместе с переведенным сюда из Тифлиса Военно-революционным комитетом.

— Хорошего мало, Степан Георгиевич, — ответил Корганов. — Мусаватисты готовятся к мятежу. Боюсь, что скоро начнется армяяо-турецкая резин, как в пятом году.

И без того бледное лицо Шаумяна стало еще бледиее.

— Что нужно сделать для предотвращения этого? Нельзя, чтобы Расул-заде застал нас врасплох. — Он быстро овладел собой. — Вечером мы разработаем подробный план действий, а пока… Ванечка, у меня к вам просьба. Вместе с товарищем Нариманов поезжайте на Нарген и поговорите по душам, как вы это умеете, с военнопленными. Да, и возьмите с собой товарища Солнцева, он вам понадобится как переводчик.

Сидевший в кабинете офицер в гимнастерке поспешно встал и щелкнул каблуками сапог. У него было открытое, чистое лицо и застенчивые голубые глаза.

…На острове Нарген они застали очередной митинг военнопленных. Выступал капитан австрийской армии Годингер, он говорил по-немецки, и помощь Солнцева сразу понадобилась. «Он предлагает создать интернациональный отряд», — перевел Солнцев. Затем выступал француз, потом итальянец, и. Солнцев перевел выступления обоих.

Нариманов сам говорил по-немецки, а Фиолетову, который выступал следом, опять понадобилась помощь. Ему приходилось останавливаться, дожидаясь перевода, заторможенная мысль рвалась вперед. Он видел, чувствовал нутром, что его не только слушают, но и понимают, что его слова находят отклик в сердцах

этих одетых в потрепанные шинелишки солдат, в прошлом, наверно, таких же пролетариев, как и он сам.

— Вот некоторые из вас спрашивают: «Что нам делать? Куда идти?» Отвечу словами одного из ваших товарищей, который на вопрос, возвращаться ли ему на родину в Германию, сказал мне: «Сейчас наш дом здесь, в революционной России», Да, святой долг каждого рабочего-интернационалиста в эти трудные для революционной России дни протянуть ей братскую руку помощи, стать бойцом интернационального отряда. Честь и слава тем, кто вместе с нами хочет с оружием в руках бороться за мировую революцию! — закончил Фиолетов.

В последнее время он начал замечать, что выступления на митингах и собраниях утомляют его до такой степени, будто он не говорит, а колет дрова или поднимает из скважины наполненную нефтью желонку.

Он присел на скамейку, на которой стоял, выступая перед пленными, и сидел так несколько минут, прикрыв глаза, пока до его плеча не дотронулся Нариманов.

— Посмотрите, что вы наделали, Ванечка, — промолвил он с довольной улыбкой.

Фиолетов открыл глаза и увидел, что к столику под старой акацией, за которым сидел Солнцев, выстроилась длинная ровная очередь. Мадьяры и австрийцы, немцы и чехи записывались в интернациональный отряд.

За столом — усталые от бессонной ночи Корганов, Шаумян, Джапаридзе, Нариманов. Все вооружены.

Вошел Фиолетов с револьвером на боку.

— Улицы пустынны… Какая-то зловещая тишина, — сказал он, поеживаясь. — Даже жутко… Что на «Эвелине»?

На стоявшем в порту пароходе «Эвелина» сосредоточилась мусульманская «дикая» дивизия — главная опора мусаватиста Расула-заде. Фиолетов помнил этого человека еще в то время, когда тот рядился в тогу социал-демократа, вербуя своих последователей среди самой отсталой, самой забитой части мусульманского населения Баку.

Стало известно, что Расул-заде готовится увести «Эвелину» в Ленкорань, предварительно погрузив на пароход оружие, которого и так не хватало красноармейцам для защиты города, и Баксовет направил на пристань вооруженный отряд с приказом задержать пароход. Отряд обстреляли. После короткой яростной схватки мусаватисты согласились возвратить оружие. Но положение оставалось крайне напряженным, взрыва можно было ждать с минуты на минуту.

…Тишина, обеспокоившая Фиолетова, продолжалась недолго.

Послышалась частая винтовочная стрельба. Звякнуло выбитое пулями стекло в соседней комнате.

Джапаридзе и Фиолетов выбежали из штаба. Еще недавно тихие улицы теперь грохотали, со всех сторон доносились крики, красноармейское «ура» заглушало дикие вопли кочей.

Они догнали бегущий в сторону крепости отряд; его вел молодой невысокий паренек Анастас Микоян, выпускавший с Шаумяном армянскую газету «Социал-демократ». Фиолетов услышал, как, обернувшись к своим бойцам, Микоян крикнул: «Если меня убьют, слушайтесь Гасана. Он будет командиром». С крыши соседнего дома посыпался горох пулеметной очереди, и Микоян вскрикнул, схватившись за раненую ногу.

Стреляя на ходу, инстинктивно пригибаясь, Фиолетов и Джапаридзе бежали в сторону самого пекла — к пристани.

— Боже мой, Варо! — вдруг крикнул Джапаридзе, чуть не столкнувшись с бежавшей по тротуару женой. — Варо, ты куда?

Варвара Михайловна остановилась.

— Домой… Дети… — в отчаянии пробормотала она.

— Вчера я отправил их в Балаханы к Байрамовым. Там спокойно.

— Слава богу!.. Тогда куда мне? Может, чем-либо помочь?

— Женщины не воюют… Хотя… — Джапаридзе вырвал из блокнота листок и написал на нем несколько слов. — Беги на батарею — ты знаешь куда — и передай эту записку. Только быстро.

В записке был приказ артиллеристам открыть огонь.

Минут через двадцать раздался залп. Среди мятежников началась паника, и от Расула-заде в Комитет революционной обороны примчался вестовой с просьбой немедленно начать переговоры. Шаумян согласился и выслал парламентеров. Трое с белым флагом — азербайджанец, русский и армянин — направились в штаб мусаватистов. А через полчаса в комитет вбежал запыхавшийся Абдула.

— Они их убили! — крикнул он на ходу.

Путая от волнения русские и азербайджанские слова, он рассказал, как молодчики Расула-заде без предупреждения скосили ружейным огнем трех парламентеров.

— Ну что ж, пусть пеняют на себя, — раздельно выговаривая каждое слово, произнес Григорий Корганов. Он обвел взглядом присутствующих и остановился на Фиолетове. — Иван Тимофеевич, последнее время вы занимались интернациональным отрядом. Как вы считаете, на него можно положиться?

— Как на самих себя, Григорий Николаевич!

— Хорошо. Отправляйтесь в отряд и подготовьте его в бою. — Корганов посмотрел на висевший на стене план Баку. — Бандиты засели в разных местах, в частности в крепости. Постарайтесь, чтобы отряд открыл крепостные ворота.

Он отдавал и другие распоряжения, но Фиолетов их уже не слышал. Он вскочил в дежурную пролетку и помчался к казарме, где был расквартпрован интернациональный отряд.

В городе стреляли. По улицам к местам скопления мусаватистов двигались отряды красноармейцев. Фиолетов, завидя Вацека, придержал лошадь, и они перекинулись несколькими словами. Вацек был в полувоенной форме, с револьвером в руке. Он вел к крепости боевую дружину.

Бои продолжались три дня. Интернациональный отряд вместе с дружиной Бакинского комитета штурмовал особняк «Исмаилия», где засел штаб «дикой» дивизии. Когда положение мятежников стало безнадежным, оттуда бежали остатки штабистов.

Стрельба прекратилась, но еще долго тушили пожары. Город постепенно принимал свой обычный вид, открылись магазины, заработали прохмыслы. Фиолетов вдруг заметил, что светит солнце и пахнет весной. Навстречу попался один из покаявшихся и прощенных великодушным Шаумяном мусаватистов. Криво улыбаясь, он что-то пробормотал об армяно-турецкой резне, вроде той, что была в девятьсот пятом.

— Какая к черту резня! — обозлился Фиолетов. — В Баку сейчас была самая настоящая гражданская война, развязанная вашей партией. Вот так.

Встреча не испортила ему настроения, Насвистывая, он направился на заседание Совета и по шуму, царившему в вестибюле, понял, что оно будет довольно бурным. Более трехсот членов Совета заполнили помещение. Суетился меньшевик Айолло. Он плюхался на стул, вскакивал, подбегал то к одному из своих единомышленников, то к другому, ронял пенсне, подхватывал его на лету и что-то говорил, говорил.

Быстрой походкой Шаумян поднялся по ступенькам на сцену и подошел к трибуне. Он говорил, взвешивая каждое слово. Его речь была выстрадана долгими раздумьями над судьбой пролетариата Баку. Он говорил о новом правительстве, все помыслы которого будут направлены на то, чтобы организовать трудовую рабочую коммуну. Только двум партпям под силу решить подобную задачу — большевикам и левым эсерам.

Какой вой поднялся в той стороне зала, где сидели представители правых партий! Бил себя в грудь Айолло, выставляя в качестве заслуги то, что он не участвовал в мятеже.

Саакян бросил в лицо Шаумяну обвинение в том, что тот выступал не от имени Совета или Комитета революционной обороны, а от большевиков.

— Если передо мной будет стоять вопрос: Совет или партия — я выберу Совет, — крикнул он.

Меньшевики и эсеры, все, как один, требовали своего участия в правительстве, в Совете. Они рвались к власти.

Резолюция, которую внес Шаумян, тоже обсуждалась заранее. Фиолетов не мог забыть горящих глаз Шаумяна, когда вчера в тесной комнате, где собрались большевики — члены Бакинского комитета, он рисовал перед ними картину будущей Бакинской коммуны, общества, в котором приобретут изначальную чистоту такие затасканные капитализмом понятия, как свобода, братство, равенство. Фата-морганой, прекрасной утопией рисовалось будущее общество воображению великих мечтателей Кампанеллы и Томаса Мора. Теперь их мечта сбудется, осуществится во плоти своей на прокаленной солнцем земле Апшерона и станет примером для всей России.

— …Усилить Красную Армию, — продолжал Шаумян, заглядывая в набросанную на листке бумаги резолюцию. — Провести ряд социальных мероприятий для улучшения экономического положения рабочих и городской бедноты… Усилить агитацию и организационную работу среди мусульманских рабочих… борьбу против национализма вообще, и в частности против армянского национализма. Армянский национальный совет должен быть упразднен, национальные полки расформированы и слиты с интернациональной Советской Красной Армией!

Сейчас эти слова донеслись с трибуны; члены партии «Дашнакцутюн» возмущенно затопали ногами, и Шаумяну пришлось долго ждать, пока утихнет шум…

Заключительную часть резолюции он произнес не повышая голоса и, как показалось Фиолетову, излишне буднично. Но именно она вызвала в зале шквал аплодисментов.

— Создать Совет Народных Комиссаров Бакинской губернии. В интересах однородности и последовательности своей политики он должен состоять из представителей левого блока.

Фиолетов на секунду зажмурился, уйдя в себя. Он почувствовал историческое значение этой минуты, минуты, когда родилась Бакинская коммуна, Трудовая коммуна города Баку, как ее назвал один из выступавших. Его вернул к действительности торжественный голос Шаумяна:

— Кто за эту резолюцию… (Рука Фиолетова рванулась кверху.) Сто двадцать четыре. Против — двое.

Аплодисменты смешались с возбужденными голосами, с одиночными выкриками справа «Позор!» и громкими, долгими возгласами «Браво!», доносившимися из разных концов зала.

Наконец Шаумян объявил заседание закрытым, но тут же спохватился и попросил всех задержаться еще на минуту.

— Товарищи, — сказал он. — Недавно у одной нашей советской четы родился сын, и вот мы уже видим его мать среди нас, готовую принять активное участие во всей нашей работе. Предлагаю приветствовать и нового маленького советского гражданина, и его мать — Надежду Николаевну Колесникову!

— Что с тобой, Ванечка? Вид у тебя какой-то странный… — этими словами встретила мужа Ольга.

— Видишь ли, Леля… — Он в нерешительности запнулся. — Видишь ли, меня только что избрали комиссаром…

Ольга радостно всплеснула руками:

— Комиссаром!

— …по делам народного хозяйства.

Ольга подбежала к мужу и, как в первые дни их совместной жизни, звонко поцеловала его в губы. Он что-то бессвязное и ласковое пробормотал в ответ, взял ее руки, прижал к своей щеке и долго не отпускал их.

— Ты о чем, Ванечка?

Он не ответил, потому что думал о себе, о Ванюшке Фиолетове, сыне туголуковского мужика, рабочем, который вдруг стал народным комиссаром. Впрочем, вдруг ли? Нет, конечно, не вдруг. За плечами семнадцать лет борьбы, когда приходилось идти буквально по краю пропасти, но надо было удержаться, не упасть; были аресты, допросы, обыски, тюрьмы, этапы, ссылка. Не было только одного — отчаяния, сомнения в правильности выбранного пути. Даже в самые тяжелые минуты не предавался он панике, верил в торжество правды на земле, той правды, которую в меру своих сил нес в народ. И вот пришла самая высокая из наград — доверие народа.

— Ты доволен? — спросила Ольга, и Фиолетов кивнул в ответ. Он уже оправился от той расслабляющей легкой грусти, когда начинаешь анализировать прожитую жизнь, думать о том, что сделано и что осталось сделать.

— Была Парижская коммуна, — он продолжал размышлять, но уже вслух. — Теперь есть коммуна Бакинская, она будет совершеннее Парижской.

Ольга нахмурилась.

— Не надо этих сравнений, Ванечка. Парижская коммуна пала.

— Бакинская не падет. А если и падет… — его лицо стало отчужденным, — если и падет, то все равно в бесконечном витке истории оставит след, как падучая звезда.

— Падучая звезда сгорает…

— Я вот закрываю глаза и вспоминаю одно лето в Туголукове. Август, наверно. И ночь, такая ясная и темная, что кажется — небо совсем низко и до него можно дотронуться рукой. Я вышел на крыльцо и увидел, как падают звезды. Одна, другая, третья, десятая. Это было так красиво и жутко. Мне показалось, что падают настоящие звезды, что вот летит звезда от ковша Большой Медведицы или Вега, оторвавшаяся от Лиры. Наш учитель рассказывал нам про звезды, и я знал тогда многие созвездия. Теперь забыл…

— Ладно, Ванечка, не надо думать о падающих звездах, — сказала Ольга, улыбаясь. — Ты у меня кем-то вроде министра стал, а министры о звездах не думают.

«Министром», — мысленно повторил Фиолетов. Что ж, на его плечи действительно легла забота обо всем хозяйстве Ашнерона и, главное, о нефти. Нигде в России ее нет столько, сколько здесь, около Баку, — ни в Грозном, ни в Дербенте, — и ее надо добыть и быстро отправить рабочим России. А как это сделать? На промыслах по-прежнему хозяйничают «тузы», и можно ли заставить их не сворачивать, а развивать добычу?.. Как завоевать доверие специалистов — инженеров, техников, которые столько лет верой и правдой служили манташевым и нобелям?

Ему вспомнилось обидное слово одного старого инженера с Биби-Эйбата, который назвал «незнайками» рабочих, посланных на промыслы, чтобы заменить саботажников. «А вы помогите им стать „знайками“», — ответил тогда Фиолетов. И как обрадовался он, когда увидел, что старый инженер задумался, а потом сказал: «Хорошо, составьте группу, и я позанимаюсь с ними». Значит, и тут наметились сдвиги, пусть и маленькие, но все же…

На следующий день он зашел к Шаумяну.

— Как себя чувствует новый комиссар? — спросил Степан Георгиевич.

— Сказать откровенно, не очень.

— Вы что, работы боитесь? — Шаумян, прищурясь, ласково посмотрел на Фиолетова.

Работы Фиолетов не боялся.

— Я полагаю, Степан Георгиевич, что уже сейчас, не медля, нам следует подобрать людей, которых мы можем поставить на руководящие должности. Надо иметь в достатке своих, проверенных и преданных делу техников, мастеров…

— Абсолютно правильная мысль, Иван Тимофеевич. И было

бы очень хорошо, если бы вы взялись за это дело.

— Кое с кем я еще раньше говорил. Например, Абдула вполне может работать мастером. Потом Гайсанов с Сабунчей, Назарян. — Он назвал еще несколько фамилий. — Конечно, их придется подучить. И к этому можно привлечь специалистов, которые если не сочувствуют, то, но крайней мере, лояльно относятся к революционной власти. Я уже договорился с одним из них.

— Очень хорошо…

— И еще предложение. Немедленно начать засыпку Биби-Эйбатской бухты. Ведь там, под водой, уйма нефти, которую мы сможем взять. Работа займет, возможно, не один год, и ее надо начинать не откладывая.

— Рад, что вы смотрите далеко вперед, Ванечка, и за это ваше предложение голосую обеими руками. Когда вы думаете начать там работы?

— Через неделю-другую… Пока соберем людей, флот, какие ни есть механизмы…

Разговоры о том, что надо отвоевать у моря хотя бы несколько десятин нефтеносного дна, бакинские нефтепромышленники вели давно, но дальше слов дело не шло.

— Итак, мы договорились, — сказал на прощание Шаумян. Он уже протянул Фиолетову руку, как вдруг вспомнил, что не порадовал его приятной новостью. — Совсем забыл. Завтра же нанимайте ломовика и перевозите вещи на новую квартиру. И пожалуйста, не возражайте. Стыдно комиссару народного хозяйства жить в развалюхе. Да, да, стыдно! Запишите адрес: Телефонная, доходный дом Мусы Нагиева.

Когда Фиолетов вернулся домой, Ольга уже спала. Он не стал будить ее, а сел на стул и новыми глазами окинул свое убогое жилье. Железная кровать, буфетик, этажерка, обшарпанный бельевой шкаф. Чтобы перевезти все это, ломовик, конечно, не нужен, достаточно будет ослика дяди Ибрагима. Он с нежностью подумал о старом Байрамове, которого давно не видел, и обрадовался, что завтра его навестит… Шкаф и буфет останутся здесь; в новой квартире, сказал Шаумян, есть богатая дубовая мебель, а вот этажерку, книги и настенные часы, на которые они с Ольгой чуть не год копили деньги, они возьмут. И все это поместится на тележке, которую потащит ослик.

Ольга все-таки проснулась.

— Ты что так поздно, Ванечка? — спросила она спросонья.

— У Степана был. Нам, Леля, завтра новую квартиру дают. На Телефонной. Ты рада?

Она молчала.

— Знаешь, Ванечка, что я надумала? Если у нас будет квартпра, то давай сделаем то, о чем говорили. Я вчера в приюте была. Детки голодают, так жалко, просто до слез.

— Хороню, хорошо, Леля… Я же не против.

— Я там присмотрела одну малютку, годика три ей. Галей зовут. Тебе нравится — Галя?

Еще ни разу Баку не встречал праздник Первого мая так свободно и радостно. Фиолетов вышел на улицу вместе с Ольгой. Давно ставший родным город выглядел как никогда нарядно. Проехала, дребезжа железом, конка, украшенная лозунгом. То в одиночку, то группами шли рабочие к местам сбора. Бросалось в глаза напечатанное в газетах обращение Исполкома Баксовета: «… за мир, за братский союз трудящихся всех наций, за тот идеал, во имя которого празднуем мы сегодня». На афишных тумбах была наклеена Декларация Бакинского Совнаркома.

— Почитаем, — сказал Фиолетов Ольге.

Он, конечно, знал об этом документе, сам вместе с другими членами Совнаркома обдумывал Декларацию, но все равно с удовольствием еще раз прочитал ее вслух; рядом стояли несколько ножилых рабочих, едва ли знавших грамоту.

«Бакинский Совет Народных Комиссаров будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными условиями, все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России — Верховного Совета Народных Комиссаров. В республике Советов, республике рабочих и крестьянских коммун, основа которой была положена Октябрьской революцией, Бакинский Совет продолжает оставаться неразрывной частью единого великого целого. Одной из основных задач Бакинского Совета Народных Комиссаров будет установление возможно более тесной связи с центральной властью и возможно более тесного объединения бакинских рабочих и крестьянской бедноты губернии с рабочими и крестьянами всей России».

— Да, только вместе с Россией, — повторил Фиолетов. Ему было радостно сознавать, что так думает не он один, русский по крови, но и азербайджанец Мешади, и армянин Степан, и грузин Алеша…

Вспоминались слова Везирова, ставшего недавно комиссаром земледелия. Он сказал на митинге вскоре после победы Октября: «Солнце свободы для мусульманского Востока восходит в России, в Петербурге…»

Утром, как обычно, Фиолетов поднялся ни свет ни заря.

— Если кто будет искать, скажи, что я в Биби-Эйбат поехал, — сказал он жене. — Там бухту начали засыпать.

Пролетка уже стояла у подъезда.

— Доброе утро, Гасан, — приветствовал он кучера.

— Здравствуйте, Иван Тимофеевич, — ответил Гасан, снимая барашковую шапку. С тех пор как Фиолетов стал комиссаром, он считал неуместным звать его по-старому — Ванечкой. — Куда поедем?

Ехать до Биби-Эйбата было далеко, и по дороге он попросил Гасана остановиться у библиотеки, где работала Лидия Николаевна. Сразу вспомнилась молодость, первые шаги в революцию, запрещенная литература, которую он получал здесь и прятал под пиджак…

Бакинская коммуна проводила одно мероприятие за другим. Открыла несколько новых библиотек, создала рабочие университеты в Сабунчах, Биби-Эйбате и Черном городе, организовала народные школы и курсы для взрослых.

Еще 20 апреля декретом Комитета революционной обороны была распущена городская дума. Декретом от 12 мая отделена школа от мечети и церкви и установлено бесплатное обучение. Декретом от 26 мая разогнаны старые органы юстиции, создан военный трибунал и учреждена ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. На очередь встал самый важный вопрос: о национализации основных отраслей народного хозяйства — нефтяной, рыбной — и Каспийского морского флота, необходимого для вывоза нефти.

В разработке этих декретов Фиолетов принимал самое непосредственное участие. Для него, как, впрочем, и для всех комиссаров, это было делом новым, но они чутко прислушивались к тому, что делалось далеко от Баку, в центре Советской России, к тому, что советовал Ленин, что он считал необходимым, на что нацеливал бакинских большевиков.

Главным по-прежнему была нефть.

Вчера днем Фиолетов зашел в Совнарком, и первый вопрос, который задал ему Шаумян, касался нефти. Сколько добыто за сутки? Сколько отправлено в Астрахань? Как обстоят дела с засыпкой бухты?

— Вы ведь обещали начать там работы через неделю? Не так ли?

— Ну, положим, я сказал тогда — через недельку-другую, но если хотите, мы можем сейчас проехать в Биби-Эйбат.

— Спасибо, Иван Тимофеевич. Судя по вашему бодрому голосу и довольной улыбке, там справятся и без меня. Может быть, завтра выберу время…

Фиолетов не любил бросать слова на ветер. Вот уже три дня, как на засыпке бухты работают сотни людей. Он их увидел еще издали, услышал людские голоса, заглушаемые шумом моря. Каспий сердился, крутые волны набегали на берег и разбивались о замшелые камни. Море, докуда видел глаз, было покрыто белыми барашками.

К Фиолетову подбежал Кузовкин, молодой портовый моряк, который тут был за главного.

— Работаем, товарищ комиссар! — сказал он довольным голосом. — Землю с промыслов возим, как вы советовали.

На старых промыслах, где копали колодцы, сохранилось немало пустой породы, теперь ее свозили на телегах к берегу, а оттуда лопатами грузили в лодки. С моря вошла в бухту баржа с песком, стала на якорь, и рабочие начали сбрасывать песок в море.

— Долгое это дело, товарищ комиссар, — сказал Кузовкин. — Нам бы таких барж хотя б пяток, а то одна, много ль с нее возьмешь?

— Постараюсь, чтоб завтра дали еще одну, — пообещал Фиолетов. — Больше, говорят, в порту нету.

— Брешут! — зло сказал моряк. — Саботажники там засели!

— Я знаю, товарищ. И постараюсь помочь.

— И народу хорошо б поболе.

— Это сделаем.

Несколько минут Фиолетов молча наблюдал за работой, мысленно представляя себе, какой станет эта бухта, когда ее засыплют: лес нефтяных вышек на созданном человеком дне, фонтаны нефти, паутина труб. Все это будет. А пока… Пока он взял свободную лопату и быстро, с явным удовольствием, которое всегда доставлял ему физический труд, стал насыпать песок в тачку. Сидеть без дела, когда кругом работают, Фиолетов не мог.

На Баку надвигался голод. Он лез из всех щелей, словно отравляющий газ, который немцы применили на фронте против русских солдат. Он ползком пробирался по кривым улочкам промыслов и Старого города и обходил только кварталы богачей. Там по-прежнему пили французский коньяк вместо запрещенного Кораном вина, дымился на серебряных подносах жирный, окрашенный шафраном плов, а в банях «Декаданс» и «Фантазия» за чудовищные деньги богачи купали своих содержанок в ваннах, наполненных испанским вином.

В начале апреля Комитет революционной обороны обложил нефтяных королей налогом в пятьдесят миллионов рублей. Часть этих денег предназначалась для борьбы с голодом, но промышленники медлили раскошеливаться, и положение

оставалось очень напряженным.

Фиолетов возвращался в новую квартиру на Телефонной. На улицах у провиантских лавок стояли в очереди женщины, и, увидев их, он поморщился, словно от боли. Было три часа ночи, а они уже дежурили, чтобы получить по карточкам свою пайку муки.

Кто-то из женщин в очереди узнал Фиолетова, и все сразу обступили его.

— Что ж это такое, Иван Тимофеевич? Революцию сделали, а наши дети все без хлебушка сидят. Доколе ж это будет?

— Сам небось сыт! — выкрикнула дама из бывших.

Фиолетов побледнел.

— Я получаю по карточкам столько же, сколько и вы, ни на лот больше, и моя жена тоже стоит в очереди. С ночи.

— А хлеб будет?

— Будет. Хлеб в Баку идет из России, но составы не могут пробиться через кордоны белых.

— Нам от этого не легче!

— Вчера прибыло из Ленкорани четыре с половиной тысячи пудов муки. Полторы тысячи пудов мы отдали красноармейцам, остальное — городу. Этого хватит на два дня по четверти фунта на душу.

Скрывать правду от женщин Фиолетов не хотел и не мог.

…Дома Ольги не было, она стояла в очереди. В кроватке тихо посапывала маленькая Галя. Фиолетов разделся и лег спать.

В восемь часов его разбудила Ольга. Она принесла три четверти фунта муки — теперь уже на троих.

— Ты сегодня бледный какой-то, — сказала Ольга. — Устал?

Он кивнул в ответ. Последние дни из-за недоедания и бесконечных нагрузок на работе, от тревожных дум Фиолетов чувствовал себя плохо. Побледнело лицо, под глазами образовались синяки. Часто кружилась голова, напоминая о голодовке в грозненской тюрьме.

Несколько дней назад, когда он выступал перед рабочими нефтеперегонных заводов, ему сделалось плохо. Сидевший в президиуме Абдула подхватил его на руки. Через несколько минут, глотнув воды, Фиолетов продолжал выступление. Он говорил о том, что хлеб везут из Царицына под огнем белогвардейских банд. Об этом была телеграмма из Петрограда.

Своим выступлением Фиолетов тогда остался доволен. Рабочие проголосовали за резолюцию: «Принимая во внимание важность бакинской промышленности, единственного топливного источника для всей России, в интересах сохранения русской промышленности, в интересах дальнейшего развития как русской,

так и международной революции мы, черногородские рабочие, несмотря на голодное наше состояние, своих промыслов не покинем и напряжем остатки наших истощенных сил, чтобы продолжать работу. Оставление ее в такой момент мы считаем дезертирством с революционного поста».

Абдула теперь работал в ВРК. Состояние Фиолетова его очень обеспокоило, и он пошел к Шаумяну. Здания Военно-революционного комитета и Совнаркома стояли недалеко друг от друга.

Шаумян выслушал Абдулу и позвал секретаршу.

— Ольга Григорьевна, у меня к вам просьба. Пожалуйста, срочно организуйте экипаж, на котором ежедневно — повторяю, ежедневно — отвозили бы Ивана Тимофеевича к нему на квартиру. И проследите еще, чтобы он там обедал и отдыхал не менее трех-четырех часов.

На следующий день точно в обеденное время совнаркомовская коляска остановилась возле совнархоза, но кучер напрасно просидел час, ожидая Фиолетова, чтобы отвезти его домой обедать. Председатель СНХ в это время находился у нефтяных вышек.

Положение с добычей нефти очень тревожило Фиолетова. Проезжая по промыслам, он видел неработающие буровые станки и заброшенные скважины. Добыча нефти падала с каждым днем. Об этом же говорили в совнархозе.

— Иван Тимофеевич, закрылись еще две фирмы, — доложил статистик.

— Итого двадцать нефтяных фирм не работают, — подвел печальный итог Фиолетов. — Что с тартальщиками Тагиева?

— Пока без работы. Двадцать тысяч человек.

— Суточная добыча?

— Уменьшилась на три миллиона пудов.

— Отправлено в Россию?

— Половина. Не подошли нефтеналивные баржи.

Председателю совнархоза было над чем задуматься.

— Ладно… — Фиолетов надел картуз, с которым не расставался ни зимой ни летом, и решительно зашагал к выходу. — Если будут спрашивать, я на втором промысле.

…В его толстой записной книжке, где он отмечал самое важное — отдельные мысли, план предстоящего выступления, адреса, — недавно появилось слово, которое он подчеркнул красным карандашом: национализация. О том, что она необходима, у Фиолетова не было сомнений. Вопрос стоял только о сроке — немедленно или спустя какое-то время. Об этом он думал теперь постоянно — на работе, на собраниях и дома,

воротясь в три часа ночи с очередного заседания СНК или президиума совнархоза. Без заседаний, совещаний, собраний, пленумов не обходился ни один день, и Фиолетов совсем измучился. С ним снова случился обморок, на этот раз длительный. Шаумян срочно вызвал врача, который с первого взгляда определил сильнейшее переутомление и истощение нервной системы.

— Вам надо полежать, голубчик, хотя бы неделю.

Фиолетов открыл глаза и рассмеялся.

— Вы шутяте, доктор, у меня завтра доклад в Совнаркоме.

Доклад, о котором говорил Фиолетов, был посвящен как раз национализации нефтяной промышленности.

Доклад писался трудно. И не потому, что Фиолетов не знал, что он скажет завтра на заседании Совнаркома. Трудность заключалась как раз в том, что он прекрасно представлял, что он скажет. И еще в том, что его слова едва ли вызовут одобрение. Он не раз говорил и Шаумяну, и комиссару по труду Зевину, и Джапаридзе, и Азизбекову, недавно назначенному бакинским губернским комиссаром, людям, которых он считал и которые действительно были его товарищами по партии и его друзьями, что сейчас, в эти тревожные дни народная власть просто не справится с руководством таким колоссальным хозяйством, каким является бакинская нефтяная промышленность.

Заседание Совнаркома, как обычно, было назначено на десять вечера. Заседания проводились три раза в неделю и заканчивались не раньше трех часов ночи.

Фиолетов выступил первым:

— Я сошлюсь на известную вам декларацию совнархоза, которая определяет мое личное отношение к поднятому вопросу: «Поскольку буржуазия признала себя побежденной, национализация промышленности, как боевое средство против буржуазии, стала излишней, и власть может временно отказаться от этой меры, предварительно создавая свой аппарат по руководству частными предприятиями».

— Ах, Ванечка, он опять за свое… — Джапаридзе покачал головой.

— Алеша! Но ведь я уверен в этом! — воскликнул Фиолетов.

— Хорошо, Иван Тимофеевич, продолжайте, — сказал Шаумян.

И снова Фиолетов доказывал свою правоту. Когда закончилось заседание, Джапаридзе подошел к Фиолетову и дружески взял его за руку.

— Ванечка, давайте мы с вами проедемся по промыслам.

— Я там бываю каждый день, Алеша.

— Я знаю. Но все-таки давайте проедемся.

За председателем совнархоза был закреплен выезд, принадлежавший бежавшему за границу купцу. Фиолетов и Джапаридзе уселись в пролетку, и кучер повез их в Сураханы.

Еще издали нетрудно было увидеть приметы запустения. Не было того привычного грохота буровых станков, от которого хотелось заткнуть уши. Возле одной из буровых дремал сторож. Буровая молчала. Фиолетов по привычке хотел было разбудить его, но подумал: зачем? И велел ехать дальше, к работающим вышкам. Лошадь разбрызгивала копытами лужи нефти, и кучер едва выбрал сухое место, чтобы остановиться.

Резервуары были переполнены, и нефть разлилась огромным черным озером. «И это в то время, когда страна осталась без нефти», — с горечью подумал Фиолетов.

— Почему такая бесхозяйственность, Гасан? — спросил у мастера Джапаридзе.

Старый рабочий, знакомый им обоим азербайджанец, прищурясь, посмотрел сначала на него, потом на Фиолетова.

— А зачем нам на господина Манташева стараться? Он, видишь ли, в своей шикарной вилле лежит на диване, шашлык вкусный кушает, а мы, голодные и босые, будем ему миллионы зарабатывать? Да?

— Вы слышите, Ванечка, куда метит этот мудрый человек! — сказал Джапаридзе. — И с ним трудно спорить. Почувствовав свободу, многие рабочие просто не желают работать лучше, ибо не хотят обогащать господ промышленников. А теперь представьте себе, что все это, — Джапаридзе показал рукой на вышки, — будет принадлежать не Манташеву и компании, а народу, в частности мастеру Гасану. Неужели вы полагаете, что он откажется работать лучше, не перекачает это озеро нефти в резервуары, которые хозяева нарочно держат пустыми?

Фиолетов смущенно улыбнулся и посмотрел на Джапаридзе.

— Вы, как всегда, правы, Алеша. Свое, народное — этот козырь, пожалуй, может побить все мои карты…

2 июня 1918 года Шаумян и Фиолетов подписали декрет о национализации нефтяной промышленности Бакинской губернии.

…Как всегда, он освободился в третьем часу ночи и шел домой по безлюдным, сонным улицам. На душе было легко и спокойно: корабли за собой он сжег и отступать было некуда.

Задумавшись, он шагал, ничего не замечая вокруг, и чуть было не столкнулся с женой, которая шла ему навстречу.

— Леля, ты? Что случилось? — спросил он испуганно.

— Ничего, Ванечка, не случилось. Просто захотелось тебя встретить.

— Какая же ты умница! — Он обнял ее за плечи. — Ты не обижайся, если я делаю что не так. Просто я очень устал, Леля.

— Тебе обязательно надо отдохнуть, подлечиться.

— Глупенькая… Ты как доктор. Недавно он хотел уложить меня в постель. Но, как видишь, не получилось.

Шаумян посмотрел на Фиолетова.

— А вы, Ванечка, конечно, не выполняете распоряжение Совнаркома обедать ежедневно? Впрочем…

— Вот именно, Степан Георгиевич. — Фиолетов усмехнулся. — Что толку ездить на обед, если дома хоть шаром покати.

— Да, к сожалению, вы правы, хоть шаром покати… Но будем надеяться на лучшее. Владимир Ильич в курсе наших продовольственных бед и принимает меры. О радиограмме Ленина от двадцать третьего мая вы, конечно, помните? Да, хлеб из Царицына в распоряжение Баксовета… Сейчас к нам идет картофель из Брянска, из Царицына — подсолнечное масло, со станции Теречной — мука и кукуруза, — время от времени Шаумян заглядывал в лежавший на столе список, — из Шендриковки — сахар, ячмень, просо…

— Все это так, Степан Георгиевич. — Фиолетов вздохнул. — Но уж очень трудно промысловикам работать не евши.

— Вы связывались с Константдяном?

— Да, — Фиолетов кивнул. — Продовольственные пункты, созданные на промыслах Народным комиссариатом по продовольствию, работают неплохо. Но продукты, которые были взяты на учет у частных владельцев, уже израсходованы. Правда, остались овощи. Продолжают работать бесплатные рабочие столовые. Но меню, прямо скажем, оставляет желать много лучшего.

— Я надеюсь, что нам поможет урожай этого года, — сказал Шаумян, — я уже телеграфировал Владимиру Ильичу о том, что мы организуем уборку хлебов в губернии для вывоза в Баку. Так что, Ванечка, давайте все же будем оптимистами.

— Да я и есть оптимист по натуре, Степан Георгиевич, — ответил Фиолетов.

…В эту ночь Фиолетову почти не удалось заснуть. Разламывалась, до тошноты болела голова, стучало в висках, и сон бежал от него. Ольга уснула быстро, намаявшись за день в своем продовольственном комитете да в очередях, а он лежал с открытыми глазами, смотрел в украшенный лепными карнизами потолок и думал.

Нет, он не жаловался на судьбу, на свою занятость и заботы,

даже на свое вконец расстроенное здоровье. Он считал, что все, что с ним произошло, закономерно. Он не хотел другой жизни, может быть более благополучной и менее тревожной, его вполне устраивала та жизнь, которую он уже успел прожить и которой жил сейчас. Будущее? О нем он думал то с надеждой, то с тревогой и тогда гнал от себя невеселые мысли, утешаясь любимой Ольгиной фразой: «Все будет хорошо».

Несмотря на приближающийся фронт, на разруху и голод, Баку жил шумно. На черном рынке по баснословным ценам можно было достать все, что душе угодно, по улицам бродили какие-то темные личности в блестящих сапогах и папахах и шепотком предлагали продукты, о которых простые бакинцы давно забыли. Работали кинематографы и театры. В народных домах и клубах члены Бакинского комитета читали лекции. Носились мальчишки с пачками свежих газет, выкрикивая выхваченные наугад новости.

— Покупайте «Бакинский рабочий»!

— Берите «Известия»!

— «Социал-демократ» на армянском!

— «Гуммет» на азербайджанском!

«Гуммет» редактировал Нариманов. Газета начала выходить еще в июле 1917 года, и это событие «Бакинский рабочий» приветствовал словами: «Просвещение мусульман-рабочих необходимо и для самих русских рабочих, для борьбы за общие цели, общее рабочее дело».

Фиолетов остановил первого попавшегося мальчишку и купил «Известия», чтобы прочитать речь Азизбекова. Вчера он слушал ее в народном доме и порадовался, с какой страстью Мешади клеймил соглашателей всех мастей: «… Меньшевизм… В Закавказье он является ослом, нпа котором ездит мусават. Меньшевики с мусаватом решили, что лучше пусть Турция властвует над Закавказьем, лишь бы только не иметь ничего общего с большевизмом…»

Читая на ходу, Фиолетов дошел до шикарного особняки Мусы Нагиева на аристократической Биржевой улице. Сейчас в нем помещался уездный исполком. Возле дома пережевывали жвачку верблюды с поклажей на горбах, к фонарным столбам были привязаны кони. Это приехали в исполком по своим нуждам крестьяне из апшеронских сел.

Навстречу промаршировал рабочий батальон с берданками и винтовками, которые передали демобилизованные солдаты. Несколько человек кивнули Фиолетову, и он долго морщил лоб, пока не вспомнил, где он их видел: на сабунчинском промысле

«Руно». Неделю назад вся третья смена этого промысла вступила в ряды Красной Армии.

А это что? Фиолетов прислушался к доносившемуся со стороны площади Свободы непонятному нарастающему шуму. Туда сразу же побежали мальчишки. Вышли на улицу медлительные лавочники и, прищурясь от бьющего в глаза солнца, стали смотреть в сторону, откуда слышался шум.

Шум нарастал, и вскоре показался бронированный автомобиль, за ним другой, третий; целая колонна двигалась по улице, наполняя ее мощным гулом своих моторов. Фиолетов знал, что по приказу из Москвы должно подойти подкрепление, но не предполагал, что оно придет так быстро.

Наконец, он дошел до Совнаркома. На стене висело только что наклеенное обращение Бакинского Совнаркома к рабочим: «Мы знаем, что от участи нашей нефтяной промышленности зависит участь всей промышленности России — участь наша. Мы знаем, что если не будет топлива, замрет все: замрут фабрики, заводы, станут железные дороги, перестанут ходить пароходы. И тогда, где бы мы ни находились — на промыслах в Баку, у себя ли в деревне, в аулах, — гибель не только нам, но гибель и всем трудящимся».

Обращение подписали Фиолетов и заведующий рабочей секцией нефтяного отдела совнархоза, в прошлом слесарь сураханских промыслов Басин.

…Позднее других на заседание Совнаркома пришел Зевин — прямо из Сабунчинского районного Совета.

— Кажется, все, — сказал Шаумян, оглядев собравшихся. — Тогда начнем. Прежде всего разрешите сообщить, что Совнарком РСФСР под председательством товарища Ленина направил нам, в Баку, на нужды нашей промышленности пятьдесят миллионов рублей.

Раздались дружные аплодисменты, все заговорили разом, но Шаумян поднял руку, и в кабинете снова стало тихо.

— Расходование этих средств Владимир Ильич поручил мне, — продолжал Шаумян, — предписав при этом на первое место поставить нефть. Кроме того, нам предложено ежедневно сообщать по проводам Главконефти о положении в этой отрасли промышленности. Прошу вас, Иван Тимофеевич.

Фиолетову не раз приходилось начинать свое сообщение с горького признания: «Не справились… не сумели». Каждую неудачу в порученном ему деле он переживал как собственную, докладывая, очень волновался, бледнел, и, даже не слыша слов, можно было догадаться, хорошо или плохо прошел для него прожитый день. Ответственность и вину всего совнархоза

Фиолетов брал на себя. Сегодня было иначе.

— Вчера мы добыли рекордное количество нефти — миллион триста тысяч двести один пуд. — Фиолетов помнил наизусть все цифры. — Отправили в Советскую Россию миллион сто. После национализации торгового флота моряки в полтора, в два раза увеличили ежедневную отгрузку. Хотя положение с нефтеналивным флотом продолжает оставаться напряженным.

Вторым стоял вопрос о хлопке, который поступал из Персии, спрессованные, перевязанные шпагатом большие тюки. Из них делали не только солдатские гимнастерки и женские платья, но и взрывчатку, такую нужную, чтобы разорвать полыхающее, стреляющее, кричащее кольцо окружения молодой республики.

Фиолетов доложил комиссарам, что в адрес Совнархоза РСФСР отправлено с начала навигации полтораста тысяч пудов сырца. Но этого мало.

— Выход? — спросил Шаумян.

— Покупать у наших крестьян на Апшероне.

Денег у Бакинской коммуны было мало. Пятьдесят миллионов рублей, взысканных с нефтепромышленников, почти все ушли на формирование красноармейских отрядов. Пятьдесят миллионов рублей, только что выделенные всероссийским правительством, еще не поступили.

— Хорошо, заключайте договора с крестьянами. Средства найдем.

Долго и велеречиво говорил комиссар продовольствия Цибульский. Фиолетов смотрел на его полное лицо, тугое щеки, упитанную фигуру, потом переводил взгляд на осунувшегося Алешу, на светящуюся от худобы Надю Колесникову. Делать из этого выводы было рано, но неприятный осадок на душе все же оставался.

— В Ленкоранском уезде скошено все сено, — продолжал Цибульский. — Уборку хлеба там начнут через десять дней.

— Скажите, сколько зерна прибыло вчера в Баку? — спросил Фиолетов.

— К сожалению, — Цибульский развел руками, — очень мало. Но причин для беспокойства нет. Хлеб в пути!

Фиолетов однажды бывал на Шандрюковской пристани и знал, как там трудно. О хлебе для пролетариев Баку позаботилась Москва. Его закупили на Северном Кавказе, но железные дороги были в руках белых, и зерно доставляли кружным путем — через Кизляр. Оттуда до Шандрюковской пристани — шестьдесят две версты — его везли на подводах, там грузили на лодки или плашкоуты и по мелководью тащили еще семь верст к стоявшим на рейде судам. В шторм всякие работы прекращались.

Доклад Цибульского Шаумян слушал нахмурясь.

— Я не разделяю оптимизма комиссара продовольствия, — сказал он. — Положение с хлебом катастрофическое. И если через несколько дней оно не улучшится, мы вынуждены будем освободить товарища Цибульского от занимаемой должности…

Остальные вопросы решили быстро. Несмотря на трудное финансовое положение, по просьбе комиссара просвещения Колесниковой учителям отпустили жалованье за каникулярные летние месяцы. Рассмотрели заявление матери убитого служащего почтового вагона и постановили выдать ей трехмесячное пособие.

— А теперь, как обычно, составим сводку новостей для Владимира Ильича, — сказал Шаумян. — О добыче нефти за неделю я уже записал. Что еще?

— Может быть, о новом «Союзе инженеров и техников», стоящем на точке зрения Советской власти? — предложил Фиолетов.

— Который, кстати, создан по инициативе председателя совнархоза… Отлично!.. Мешади. — Шаумян посмотрел на Азизбекова. — Вы только что вернулись из провинции. О чем мы доложим товарищу Ленину?

— Доложить есть о чем, товарищ Степан. Советскую власть признала последняя деревня на Апшеронском полуострове.

— Прекрасная новость для Владимира Ильича!.. Да, товарищи, наш Мешади из скромности не сказал, что на митинге в Шемахе в него стреляли и пуля пролетела в сантиметре от виска. О чем, кстати, я узнал от совершенно постороннего лица.

— Ну зачем вы об этом, товарищ Степан. — Азизбеков покачал головой.

— Затем, Мешади, чтобы все помнили об опасности, которая нам угрожает. Турки наступают. Борьба идет не на жизнь, а на смерть… А теперь я попрошу кого-нибудь из присутствующих отнести наш рапорт на радиостанцию. Хотя… — Шаумян взглянул в окно, — относить, пожалуй, не надо. Идет товарищ Громадчиков.

Инженер Громадчнков недавно прибыл в Баку с мандатом, подписанным Лениным, для организации радиосвязи с Центром и сейчас заведовал этой связью. Вместе с ним прибыла радиостанция и опытные радиотелеграфисты.

— Вам письмо, товарищ Шаумян, — сказал Громадчиков, подавая пакет.

Шаумян взглянул на почерк.

— От Владимира Ильича…

Он прочел письмо сначала про себя, потом вслух:

— «… Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим».

…Был поздний вечер, когда Фиолетов возвращался домой. Он шел медленно, задумавшись, походкой очень усталого человека. Он думал о письме Ленина, о положении на фронтах, таком еще тревожном. Плохо обученные, впервые взявшие в руки винтовку, красноармейцы не могли сдержать наступление регулярной турецкой армии.

Уже возле дома Фиолетова остановил патруль.

— Стой! Кто идет? Именем революции…

Фиолетов достал из кармана пропуск. «Дан сей от коменданта г. Баку… для беспрепятственного прохода после 10 час. вечера».

— Пожалуйста… — Старший наряда вернул пропуск и, козырнув, с интересом посмотрел на Фиолетова.

Прошло несколько дней, и Фиолетов, зайдя к Шаумяну, застал у него в кабинете председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Тер-Габриеляна, того самого, который по распоряжению Ленина привез в Баку броневики и аэропланы.

— Я не помешал? — спроспл Фиолетов.

— Ничуть. Присаживайтесь и слушайте. Товарищ рассказывает о встречах с Владимиром Ильичем в Москве.

— Да, встречи были очень интересные и полезные. Владимир Ильич живо интересовался всем, что происходит у нас. Если бы не огромное внимание Ленина, наш военный отряд еще долго бы не пришел в Баку. Пришлось побеспокоить Владимира Ильича на заседании Совнаркома — передал записку: «Умоляю Вас, прикажите Центроброни, чтобы она завтра непременно погрузила бы Бакинский отряд, иначе я буду бессилен сделать что-нибудь для немедленного отъезда». Ленин сразу ответил, тоже запиской: «Почему не обратились ко мне раньше? Ваш телефон? Что такое Центробронь? Ее телефон?» Отвечаю, понятно, опять запиской: «Центробронь — организация, имеющая в своем распоряжении все броневые автомобили. Телефона нет. Адрес: Знаменка, номер пять, особняк Долгорукова. Мой телефон такой-то». В общем, отправили мы отряд.

— Мне приходилось беседовать с Владимиром Ильичем, — сказал Шаумян. — И каждый раз я поражался, насколько правильно и точно он оценивает обстановку в стране.

— Я в этом тоже убедился, товарищ Шаумян. Когда я высказал Ленину желание бакинского пролетариата национализировать нефтяные промыслы, то первым вопросом его

было: достаточно ли сильны мы сознательно и организационно, чтобы провести в жизнь эту величайшую победу рабочего класса?

— Похожие мысли одолевали и меня, Степан Георгиевич, — тихонько сказал Фиолетов.

— Я помню, Ванечка… Но, как вы знаете, Владимир Ильич был целиком за национализацию. Значит, он верил в способность бакинского пролетариата осилить это грандиозное дело… — Шаумян взглянул на Тер-Габриеляна. — Простите, мы помешали вам…

— Да у меня почти все. Хочу только сказать, что товарищ Ленин неоднократно выражал при мне свое восхищение… да, да, Степан Георгиевич, восхищение политикой Бакинского Совета и самого товарища Шаумяна, которого он высоко ценит.

Шаумян смутился.

— Ну зачем вы это…

— Затем, что так было. Владимир Ильич говорил о своей постоянной готовности поддерживать бакинский пролетариат морально и материально. «Все для Баку» я слышал не только из уст вождя, но и на заводах, где довелось побывать. Так говорили рабочие, которые считали счастьем приветствовать стойкий бакинский пролетариат.

День 19 июля выдался на редкость знойный. С белесого, выгоревшего неба нещадно палило солнце, но на Приморский бульвар со всего Баку двигались люди. Ожидался приход отряда Петрова, посланного по указанию Ленина на помощь красному Баку.

Фиолетов пришел на бульвар вместе с Джапаридзе. Весь берег был запружен народом. В чахлой тени тополей стояли отряды красноармейцев, оставшиеся охранять город. В начищенных до блеска трубах духового оркестра сияло солнце. Легкий, почти незаметный ветер чуть шевелил приветственные лозунги над трибуной, где уже собрались комиссары и члены Исполкома Бакинского Совета.

Фиолетов и Джапаридзе тоже поднялись на трибуну.

— Ванечка, как всегда, абсолютно точен, — сказал Шаумян.

— А я? — Джапаридзе сделал вид, что обиделся.

— Вы, Алеша, однажды опоздали на заседание Совнаркома на целых четыре минуты.

— А вы все не можете это забыть!

— Тише, товарищи! Идут, — прервал шутливую перебранку Азизбеков.

Колонна показалась со стороны военной гавани. Впереди на буланом коне с белыми повязками на тонких ногах ехал

бородатый красавец в бурке, папахе, с шашкой на боку и кинжалом у пояса.

— Это товарищ Петров, — тихонько сказал Шаумян. Он уже успел познакомиться с комиссаром отряда. — Офицер царской армии, но предан революции и, говорят, беспредельно храбр.

Рядом с Петровым, тоже на красивом коне, ехал восточного облика человек в штатском. На нем была горящая огнем красная шелковая рубаха и лихо заломленная шапка.

— Илья Львович Тамаркин, командир…

Поравнявшись с трибуной, командир и комиссар остановились и, повернувшись к стоявшим там людям, взяли под козырек.

— Товарищ председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров! — раздался громкий голос Петрова. — Отряд преданных Советской власти пехотинцев, кавалеристов, моряков и разведчиков, посланный в Баку по указанию товарища Ленина, прибыл в ваше распоряжение. Комиссар Петров.

К краю трибуны подошел Джапаридзе и, облокотясь руками о перила, крикнул:

— Здравствуйте, русские братья! Здравствуйте, товарищи! От имени Бакинского Совнаркома и Бакинского Совета рабочих и красноармейских депутатов приветствую вас на азербайджанской земле. Отрадно знать, что и на этот раз на помощь Баку пришла Советская Россия…

Потом был парад. Гремел оркестр. Дирижировал маленький лысый капельмейстер, еще недавно игравший в фешенебельном ресторане «Метрополь».

«Пожалуй, теперь мы выстоим», — думал Фиолетов, глядя на проходившие войска. Он вспомнил горькие, но в общем-то верные слова Лядова, который говорил, что в местных красноармейских частях много случайного элемента. В Каспийской флотилии тоже не все ладно…

Но вот подошли к трибуне матросские части, и Фиолетов не мог не обратить внимание на незнакомого молодого человека, который тоже стоял на трибуне и бурно выражал свой восторг, когда проходили балтийцы.

— Простите, Иван Тимофеевич, я вас не познакомил. — Шаумян подвел его к морячку с узенькими строчками усов. — Это чрезвычайный комиссар Военно-Морской коллегии товарищ Полухин. Он только что прибыл к нам с отрядом моряков. Поможет нам создать на Каспии крепкий военный флот.

Полухин сразу расположил к себе Фиолетова и, пока они шли к поджидавшим их в тени пролеткам, успел рассказать, с каким трудом добирался до Баку его отряд.

— Да нет, не в беляках дело! — Полухин хохотнул приятным баском. — Бери, брат, повыше. В самом наркоме Троцком. Понимаешь, не давал нам снабжепня. Тянул со дня на день. А мои орлы в Баку рвутся, нервничают. Три дня подряд ходил к Троцкому, все без толку, а на четвертый не выдержал — как стукну кулаком по столу: «Ты дашь снабжение или нет?!» Через сутки экипировались и поехали. Вот так.

…В тот же день, сразу после парада, отряд Петрова выехал на фронт в помощь частям наркома Корганова, а Тамаркин был назначен начальником бакинского гарнизона. На стенах домов появился приказ: «Отныне требую от граждан города Баку встать за нас или против нас. Нейтральности не признаю».

И все же военные тучи над Баку сгущались. Турецкие войска продвигались вперед. В городе началась паника. Один вопрос стоял перед жителями: что делать? Эвакуироваться? Бежать? Но куда?.. Ждать, пока в город ворвутся турки и начнут вырезать всех, кто не исповедует ислам? И тогда возникло, вылезло из нор и щелей подленькое, трусливое «пригласить на помощь англичан».

Английские войска находились недалеко, в Персии, и Баку с его несметными нефтяными богатствами подобно магниту притягивал алчные взоры любителей чужого добра. Вот он, созревший плод, протяни руку и сорви его, это так заманчиво и так просто, надо только создать видимость, что протянувшаяся за чужим добром рука — это рука дающая, а не грабящая…

Фиолетов вышел на улицу. Возле плаката, только что наклеенного на стену его дома, толпился народ.

«Стой! Прочитай, и я узнаю, трус ты или нет. К вам, мои братья по идее! К вам, мои братья по борьбе! Вам выпало на долю великое дело — бросить вызов буржуазии всего мира. Лучше в этой борьбе умереть, чем жить рабом. Так думаю я и мои товарищи. Я только смелым и храбрым шлю свой призыв к борьбе. Пусть только одни трусы прячутся дома и подло пользуются отдыхом, когда самые храбрые отдали все за Российскую Федеративную Республику. Храбрым — слава! Трусам — позор и проклятие.

Военный комиссар от Центрального правительства, бывший полковник Петров».

Фиолетов еще раз прочитал воззвание и, вместо того чтобы идти к себе на работу, направился в Совнарком. Он шел быстро, нигде больше не задерживаясь.

— Степан Георгиевич! У меня к вам просьба. На фронте воюет Корганов. В помощь ему вы выслали Микояна. Туда же

выехал Мешади. Я считаю своим долгом…

Шаумян устало посмотрел на него.

— За минуту до вашего прихода мне позвонили из Балахан. Там кто-то поджег вышки.

…В этом аду из огня и дыма, где поминутно что-то взрывалось и трещало, копошились казавшиеся пигмеями люди. Они таскали носилками мокрую глину и сбрасывали ее в дыру, откуда било пламя. Работали пожарные и спасательные отряды, которых по тревоге поднял Фиолетов. Сам он сразу же схватил подвернувшуюся под руку лопату и лихорадочно набрасывал на носилки глину.

— Какая ж это сволочь подожгла? — спросил он сам себя.

…Домой он вернулся среди ночи, весь перепачканный нефтью, сажей и глиной. Ольга ахнула, увидев мужа.

— Небось пожар тушил в Балаханах?

Он устало кивнул головой.

— Согрей, пожалуйста, чаю.

Он жадно вынил несколько стаканов какого-то травяного настоя, заменявшего теперь чай.

— Послушай, Леля, тебе с дочкой надо срочно уехать из Баку.

— Ты хочешь, чтобы я оставила тебя одного в беде?

— Подумай о дочке… Если придут турки…

Ольга тяжело вздохнула.

— Неужели они придут?

— В Астрахань уехал Нариман, уезжает с маленьким сыном Надежда. С ней и поедешь, все веселей будет.

— А ты, Ванечка?

— Мне, Леля, нельзя. Да и не брошу я Баку в такое время.

— Вот Нариманов же уехал, тоже ведь комиссар.

— Он же больной, Леля. И его эвакуировали по решению БК.

— А ты здоровый, да?

Через день Колесникова и Ольга, обе с детьми, уехали на пароходе в Астрахань.

— Я вас позвал, Ванечка, по одному деликатному и невеселому делу, — сказал Шаумян, указывая рукой на стул.

— Слушаю вас, Степан Георгиевич.

— Видите ли, — на лице Шаумяна появилась болезненная улыбка, — надо срочно начать демонтировать керосинопроводную линию.

— Как демонтировать? — Фиолетову показалось, что он ослышался.

— Очень просто. Сделать так, чтобы немцы или турки — в

случае, если они возьмут Баку, — не могли вывезти отсюда нефть. Нужно снять все оборудование и погрузить на пароход.

— Степан Георгиевич! Мы же столько сил потратили, чтобы наладить добычу, и теперь…

— Это — указание товарища Ленина, Ванечка, — твердо сказал Шаумян.

Фиолетов тяжело вздохнул.

— Хорошо, Степан Георгиевич. Я займусь демонтажем.

Чрезвычайное заседание Бакинского Совета было назначено на 25 июля. Фиолетов шел на него с тяжелым сердцем. Что там будет? И что с Ольгой, с дочкой? Нет никаких известий, ни обещанной телеграммы, ни письма… Турки подходят все ближе. А тут еще болит и кружится голова, — наверное, от дум, от недоедания, да мало ли причин, чтобы она болела. И самое главное — что сегодня решит Совет. Вопрос один: приглашать или не приглашать в Баку англичан?

…Зал был переполнен. Многих из тех, кого позвали на заседание, Фиолетов не знал и старался угадать, с каким настроением пришли члены фабрично-заводских, ротных, полковых и корабельных комитетов. На многих лицах он прочитал растерянность, сомнение, нерешительность. Но как раз за голоса этих людей развернется сегодня борьба, потому что допустить в Баку англичан или не допустить — это вопрос жизни и смерти.

Все ли понимают это? Вот прислонился к стене пожилой рабочий с землистого цвета лицом. Его жена, наверное, сегодня вернулась из очереди без хлеба. И рядом меньшевик из интеллигентов. Он держал рабочего за пуговицу на спецовке, и до Фиолетова донеслись слова: «..англичане нас накормят. Английская белая булка… Простите, вы давно ели белую булку?» — «Да пошел ты со своей булкой!» Обрывки другого разговора: «Спасти Баку можно, только столкнув лбами две враждующие империалистические силы — английскую и германскую!» — «А вы решили пригласить в Баку еще и немцев?»

«Нет, рабочих так просто не поймаешь на меньшевистскую удочку», — подумал Фиолетов.

Он посмотрел на спокойного, с блестящими глазами на бледном лице Джапаридзе, занявшего место председателя, на стоявшего на трибуне Шаумяна. Утром Фиолетов не успел побывать в Совнаркоме, торопился и забежал только в ВРК, чтобы узнать последние новости с фронта. В комитете был Абдула, он рассказал про паровозного машиниста Виноградова, который устроил крушение поезда с турецкими войсками и погиб сам.

Зпает ли об этом Шаумян?

Шаумян вышел вперед и остановился у края сцены. Он не любил говорить с трибуны — в годы подполья трибун не было.

— Товарищи! (Пятьсот человек, до этого шумно переговаривавшихся между собой, мгновенно смолкли, оборвав разговор на полуслове.) Нам с вами предстоит ответить всего на один вопрос: приглашать или не приглашать в Баку англичан, которые якобы будут нам помогать. Мнение товарищей большевиков, народных комиссаров и мое вы все, очевидно, знаете. Мы считаем, что приглашение англичан, в случае если оно состоится, явится непоправимой ошибкой, оправиться от которой Бакинская коммуна уже не сможет.

Прения были бурными. Влетел на сцену тот самый меньшевик, который толковал рабочему об английской булке.

— Пусть нам власть сегодня представит данные о реальной возможности самим отстоять Баку для России, мы тогда не только будем продолжать звать товарищей на фронт, но вместе с властью подпишемся на резолюции о ненужности третьей силы — англичан. Лишь в критический момент мы из двух зол выбираем меньшее.

— Ложь и лицемерие! — крикнул Азизбеков, поднимаясь на сцену. — Явившись сюда, англичане не захотят сражаться ради нас с турками, а если они, паче чаяния, и разобьют турок, то мы их никогда больше не выгоним из Баку.

— Прошу слова! — сидевший сзади Фиолетова правый эсер поднял руку. — В принципе я против приглашения англичан, но я диалектик, — он ударил себя кулаком в грудь, — и, как таковой, считаю следующее: коль военные специалисты находят, что без помощи англичан турок остановить нельзя…

Фиолетов напряженно следил за репликами. Да разве солдаты ее величества английской королевы будут драться за Советскую власть? Чепуха!

Смутные подозрения об измене, о сговоре с англичанами тех, кто сейчас должен был сдерживать натиск турецких войск, но позорно отступал, не давали ему покоя. Войсковой старшина Бичерахов. Его пригласил Шаумян, поверив в искренность этого бывшего царского офицера. Хорошо обученные, обстрелянные казачьи части, входившие в состав русского экспедиционного корпуса в Персии, им бы и преградить туркам дорогу к Баку. Но они отступают, а сам командующий Бичерахов сидит в украшенном персидскими коврами шатре и играет в шахматы со своим офицером связи подполковником Клеттербеком из индийской армии. Что все это значит?

Окна были раскрыты настежь, и Фиолетов видел толпу,

стоявшую на улице с плакатом: «Баку только для Советской России». Ждали, какое решение примет Совет. Палило солнце, но никто не уходил. Потом солнце повернуло к западу, зашло за дома, и на тротуары пала спасительная тень. Народ продолжал стоять. За открытыми окнами решалась судьба Бакинской коммуны.

Наступили сумерки, когда Джапаридзе зачитал резолюцию большевиков.

— Прошу голосовать!

Фиолетов облокотился на спинку стоящего впереди стула, сжал ладонями виски и, ничего не видя и не слыша, сидел так, пока не раздались аплодисменты. Он открыл глаза и ахнул: аплодировали справа.

Тишина воцарилась сразу, как только встал Шаумян.

— Вы не нашли еще Англию, — он повернулся к правым, — но потеряли российскую центральную власть, вы не нашли еще англичан, но вы потеряли нас. Приглашение англичан считаем предательством по отношению к революционной России. Создание коалиционного правительства из трех партий отвергаем, ибо оно будет выполнять волю англичан. Мы отказываемся от постов народных комиссаров, — он чуть помолчал. — Но будем защищать Баку. Кроме того, как представитель цептральной Советской власти в Закавказье, я доведу до сведения Совнаркома РСФСР о вашем предательстве, и вы ответите за это.

Глава третья

В своей опустевшей квартире Фиолетов теперь почти не бывал и все время проводил на призывных пунктах и на промыслах, где формировались рабочие батальоны. Турки подошли к Баку. У Волчьих ворот держали оборону моряки с парохода «Авиатик» и рабочие завода «Кавказ-Меркурий». Отряд Петрова, потерявший в боях две трети своего состава, отступил в Баку и занял позиции на Петровской площади.

Утром 4 августа Фиолетов пришел сюда. Под чахлой тенью тополя сидел Абдула и записывал добровольцев. Записавшиеся тут же обучались стрельбе и уходили на фронт.

— Здравствуй, Ванечка! — приветствовал его Абдула.

— Здравствуй, Абдула! Что ты собираешься делать, когда придут англичане?

— То же, что и ты. Бороться, чтобы они поскорей ушли.

К причалу подходил военный корабль под английским флагом. Судно пришвартовалось, и по трапу сбежали обожженные солнцем солдаты Гентского полка с короткими ружьями, в шортах цвета хаки и в пробковых шлемах с повязанной вокруг тульи кисеей. Около трапа навытяжку стояли представители только что созданного «правительства» — «Диктатуры Центрокаспия».

Фиолетов прикинул на глазок, сколько прибыло английских солдат, получилось не больше двухсот.

— И это все? — спросил Абдула. Фиолетов усмехнулся:

— Да, подмога надежная, что ни говори!

Солдаты быстро построились и под специально разученный для этого случая марш Гентского полка, исполняемый оркестром «Диктатуры», двинулись к центру города.

Вечером в бухте показалось расцвеченное фонарями посыльное судно «Астробад». На нем новое правительство торжественно принимало «дорогих гостей». Фейерверк. Бочки с вином. На следующий день в газете появился восторженный отчет о банкете на судне. Приветственную речь держал дашнак Аракельян: «Этот день является историческим днем в жизни обоих государств, ибо в этот день произошло восстановление разорванного большевиками союза. Баку будет историческим городом, так как с него первого началась борьба с большевиками».

— Каков мерзавец! — пробормотал Фиолетов, комкая меньшевистскую газету.

Прошло несколько дней, но положение к лучшему не

изменилось. Ждали, что с часу на час турки ворвутся в Баку. Гул недалекого сражения доносился до окраинных улочек, по которым метались нагруженные скарбом обыватели. Дружинники с красными повязками на рукаве тщетно пытались восстановить хотя бы приблазительпый порядок. Строем прошла рота англичан, горожане с мольбой смотрели на них, ожидая, что они пойдут в ту сторону, откуда доносилась ружейная пальба, но солдаты остановились возле гостиницы «Европа», где разместился штаб английских войск.

Ночью подошли еще два парохода из Энзели, и число английских солдат увеличилось на несколько сот. Кормить их в Баку было нечем, и глава военной миссии Великобритании генерал Денстервпль включил в солдатский паек черную икру, которую плохо разбиравшиеся в русских деликатесах английские солдаты называли «селедочной мазью». Одновременно он отдал распоряжение об отправке в Англию нескольких судов с бакинской нефтью.

На Петровской площади сосредоточились все верные Советской власти вооруженные силы. Поблизости переселились из своих квартир бакинские комиссары с семьями. Дымили походные кухни. Горели костры. Ржали изнуренные зноем кони. Ближайшие дома были превращены в казармы, но мест не хватило, и на площади стояли солдатские палатки, в которых жили латышские артиллеристы. На многих красноармейцах белели бинты повязок.

— Вот так, Иван Тимофеевич… — Шаумян виновато улыбнулся, будто это он был виновен в развале фронта. — Корганов, вернувшийся из Сумгаита, доложил, что фронт длиною в тридцать две версты охраняют всего четыреста человек.

Фиолетов тяжело вздохнул. У него за поясом торчал револьвер, из которого ему так и не удалось ни разу выстрелить.

— Вы напрасно поглядываете на свое оружие, Ванечка, — сказал Шаумян. — Комиссар Фиолетов был нужнее здесь, чем там.

А тем временем далеко от Баку, в Москве, пристально следили за событиями в Азербайджане. Владимир Ильич Ленин по-прежнему требовал точной информации о положении дел.

Еще 29 июля на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы Ленин отмечал, что в условиях, когда предательские партии пошли на сговор с англо-французским империализмом, не может быть ни минуты сомнения в том, что бакинские большевики поступили правильно. «Если же вопрос стоит так, — подчеркивал

Владимир Ильич, — что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т. е. отдаться англо-французскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны».

Прошло несколько дней, и в начале августа Ленин дал указание послать в Баку полк имени Ленина и распорядился обеспечить его всем необходимым. 9 августа, обеспокоенный судьбой Советской власти в Азербайджане, Владимир Ильич телеграфировал председателю Астраханского Совета: «Положение в Баку для меня все же неясно. Кто у власти? Где Шаумян? Запросите Сталина и действуйте по соображении всех обстоятельств; вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро».

Бакинский комитет партии, комиссары прилагали героические усилия, пытаясь удержать город, отвратить от Баку нависшую над ним угрозу хотя бы на время, до подхода военной помощи, посланной из Советской России. Почти все коммунисты получили оружие. По численности они составили полк, причем полк, состоящий из людей, беззаветно преданных революции, народу. Передовые рабочие промыслов, служащие советских учреждений шли под знамена Бакинской коммуны. Здесь же находился отряд Петрова.

Бакинские комиссары, члены Бакинского комитета партии постоянно выезжали на боевые позиции, пламенным большевистским словом поднимали настроение войск, вселяли в них веру в победу над врагом.

В эти трудные дни бакинские коммунисты провели здесь, на Петровской площади, две партийные конференции, на которых решался самый жгучий, самый животрепещущий вопрос — оставаться в Баку или эвакуироваться в Астрахань, чтобы там собрать силы и освободить город от власти контрреволюционеров и интервентов. Никто из комиссаров не хотел уезжать, но за эвакуацию проголосовало большинство коммунистов, и они подчинились. Имевшиеся в казне деньги — 20 миллионов рублей

— было решено раздать рабочим, а оружие погрузить на пароходы и увезти с собой.

А пока комиссары делали все возможное, чтобы отсрочить роковую развязку, удержать Баку и тем самым спасти многотысячное немусульманское население города от банд мусаватистов, двигавшихся вместе с турецкими войсками.

Особенно остро переживал Шаумян. Еще был свеж в памяти недавний мятеж, унесший столько жизней и армян, в азербайджанцев, и русских.

Посоветовавшись с комиссарами, Шаумян предложил Петрову открыть артиллерийский огонь по Биби-Эйбату, где находились турецкие войска. Короткая команда, и первые снаряды со свистом пронеслись над головами бакинцев и упали в расположение турецких войск. В те же минуты с Петровской площади на находящийся в нескольких верстах от нее фронт поскакала сотня донских казаков во главе с Петровым.

Бой длился несколько дней. Поддержанная мощными артиллерийскими залпами, горстка храбрецов, оборонявшая Биби-Эйбат, не раз бросалась в контратаку и выбила турок.

Петров вернулся на площадь с кровавой повязкой на руке.

— Вы ранены? — испуганно спросил Фиолетов.

— До свадьбы заживет, — весело ответил Петров. — Башибузуков малость проучили.

Ехавший позади Петрова ординарец держал захваченное турецкое знамя.

Артиллерийский обстрел и атака кавалеристов Петрова застали турок врасплох, и они отступили. На несколько дней оккупация Баку была отодвинута.

Но решение об эвакуации оставалось в силе. Перед тем как покинуть город, было решено выпустить воззвание к бакинским рабочим. Его написал Шаумян.

Сразу же встал вопрос, где напечатать воззвание. Дороги были не только дни, но и часы. Большевистские газеты были закрыты, типографии отобраны. Выручил Анастас Микоян. По поручению Бакинского комитета партии отряд рабочих под его руководством силой захватил одну из типографий. Печатный станок крутили вручную, при свечах и лампах, так как света не было. Последний, нелегальный номер «Бакинского рабочего» был напечатан и распространен среди населения.

Тогда же увидело свет и воззвание, подписанное Бакинским комитетом РКП (большевиков). В нем подробно излагался ход событий за последние дни, разоблачались ложь и клевета, распространявшиеся против большевиков, объяснялось, почему принято решение об эвакуации революционных военных сил.

Воззвание заканчивалось словами: «…город будет спасен не белым флагом действительно трусливых аветисовых и амазаспов… и не мифической помощью англичан и их прислужников, а войсками рабоче-крестьянской России, идущей к нам на выручку, советскими войсками.

Товарищи рабочие! Идите под знамена отряда т. Петрова, под знамена дорогой нам рабоче-крестьянской России, откуда он прислан!

Да здравствует борющийся бакинский пролетариат!

Да здравствует Великая Российская Социалистическая Республика Советов!»…

Почти все суда были нефтеналивные, с низкими покатыми палубами. На них грузили орудия и снаряжение. Приторно пахло нефтью. В загонах из толстых досок косили испуганные глаза отощавшие армейские кони.

Беспрерывно плакал чей-то грудной младенец, и мать качала его на руках, испуганно поглядывая на комиссаров: как бы из-за этого плача не ссадили ее с парохода, ведь мешает, но Фиолетов подошел к ней, по привычке пошарил в карманах — нет ли конфетки? — и смутился, потому что конфет сам не видел целую вечность, пощелкал перед ребенком пальцами, и малыш замолк, заморгал глазами и успокоился.

В Баку оставалась мать, никуда не захотела ехать, да и куда поедешь с лежачим отчимом. Фиолетову стало стыдно, что он так редко в последнее время бывал у матери. Может быть, еще успеет? Он уже собрался сказать Шаумяну, что поедет в Белый город, как подошел дежурный.

— Товарищ комиссар, там к вам какая-то старуха просится. Пропустить?

У Фиолетова екнуло сердце, он пошел вместе с дежурным к перекрестку, где стоял часовой, и увидел мать, в черном платке, несмотря на жару.

— Вот, Ванюша, проститься пришла… — сказала она жалобно и протянула ему узелок. — Тут твои коржики любимые, может, погрызешь.

Он обнял мать и прижался щекой к ее щеке.

— Прости, мама…

— Да что ты болтаешь, Ванюша, разве ж я не знаю, какая у тебя колгота!

Прибежал запыхавшийся Абдула и стал прощаться. Фиолетов отвел его в сторону.

— Пожалуйста, присмотри за матерью, совсем старая стала.

— Хорошо, Ванечка, все сделаю… Ну…

Они порывисто обнялись.

— Все будет хорошо, Абдула. Передай отцу, что я не бегу из Баку. Мы скоро вернемся.

Абдула молча, рассеянно кивнул головой. Подошел Азизбеков.

— Не падай духом, балаханный! — так он в шутку называл Абдулу. — Адреса явок я тебе передал. А теперь… — он протянул руку.

Шаумян ехал вместе с сыновьями, они стояли рядом с отцом, по-взрослому спокойные и понимающие, что здесь происходит.

— Поднимайтесь на борт, товарищи, сейчас отойдем, — сказал Джапаридзе и, прищурясь, долго смотрел в сторону моря, по которому ходили белые сердитые барашки.

В последнюю минуту пришел встревоженный Коргасов и сообщил неприятную новость. Канонерская лодка «Каре», которая должна была сопровождать суда до Астрахани, остается в Баку.

— Так называемый «товарищ» Айолло и иже с ним успели побывать на лодке и уговорить команду отказаться от своего обещания.

Все семнадцать судов остались без защиты.

Пароход «Иван Колесников», на котором ехали комиссары, отошел первым. Фиолетов стоял на палубе и махал рукой провожавшим, пока их было видно.

За бухтой море бушевало вовсю. Фиолетов привык к сердитому Каспию, к его повадкам, штормам, к огромным волнам, но все это он видел с безопасного берега. В открытом море было страшнее. Огромные волны накидывались на пароход, клали его то на один борт, то на другой, поднимали, словно щепку в весеннем ручье, и швыряли в разверзшуюся черную бездну.

— Что будем делать, Степан Георгиевич? — спросил Полухин.

— Вы, Владимир Федорович, моряк, вам и решать, — ответил Шаумян.

— Мое мнение — переждать шторм у Жилого. Зайдем за остров и ляжем в дрейф.

Фиолетов легко переносил качку, но все же обрадовался, когда шторм к утру поутих, и вместе с Джапаридзе вышел на залитую солнцем палубу. Небо очистилось, я горизонт словно отодвинулся.

Фиолетов оглядел море и увидел три отставших судна, которые быстро приближались. Он узнал их — «Ардагап», «Астрабад», «Геок-Тепе»; все они теперь находились в распоряжении «Диктатуры Центрокасния».

— Не нравится мне все это. Может быть, нам уйти? — спросил Фиолетов.

— Поздно, Иван Тимофеевич, — ответил Петров. — Они уже на расстоянии пушечного выстрела.

Было видно, как с «Астрабада» спустили на воду катер с какими-то людьми и он быстро пошел в сторону стоявших на якоре судов.

Уже можно было различить, кто там на катере: правый эсер Абрам Велунц, дашнак Аракельян, председатель «Диктатуры» меньшевик Садовский, моторист, матросы. Садовский поднес ко рту рупор.

— От имени «Диктатуры Центрокаспия и Временного исполнительного комитета» предлагаю всем судам, как незаконно захваченным большевиками, немедленно вернуться в Баку, а красноармейцам сдать оружие.

Петров не дослушал до конца и схватил рупор:

— Требования «Диктатуры» считаю неприемлемыми и выполнять их отказываюсь!

— Если через полчаса, — донеслось с катера, — все суда не пойдут к острову Наргену, мы будем вынуждены открыть огонь.

Комиссары молчали. Насупился Шаумян. Угрюмо смотрел в одну точку Фиолетов. Опустил голову Джапаридзе.

— Какое примем решение, Степан Георгиевич? — нарушил молчание Петров.

— Вы уже ответили за всех нас, — сказал Шаумян. — Пожалуйста, велите спустить на воду баркас.

В него сели Шаумян, Джапаридзе, Фиолетов и Петров. Матросы взялись за весла, и баркас подошел к ближайшему судну. Там уже слышали про ультиматум, и вся палуба была забита народом.

— Товарищи! — крикнул в рупор Петров. — Нал предлагают сдаться, красноармейцам отдать оружие, судам вернуться в Баку.

На палубе зашумели.

— А если не примем ультиматум? Потопят? — крикнул молоденький красноармеец.

— Ты что, плавать не умеешь? — спросил Джапаридзе.

Фиолетов взял у Петрова рупор:

— Не потопят! На судах женщины и дети. На них даже у меньшевиков не поднимется рука.

Они обошли на баркасе все суда.

— Сниматься с якорей! Курс на Астрахань! — отдал распоряжение Шаумян. — Товарищи матросы, вам доверяем мы жизнь женщин и детей!

Фиолетов посмотрел на часы: срок ультиматума истекал. Он

навел бинокль на военные суда и увидел, что орудия уже расчехлены. «Неужели будут стрелять?» И в ту же минуту грянул залп. На судах поднялась паника. Заголосили жещипы, бросилась на колени старуха в черном, забормотал молитву магометанин в старой папахе.

— Мерзавцы! Варвары! По детям, по женщинам! — Фиолетов в бессильной злобе сжал кулак и погрозил в сторону «Астрабада».

Бледный как бумага Шаумян молча смотрел, как взвивались белые дымки над пушками. На его лице было написано страдание.

— Уйдите в каюту, Степан Георгиевич, — сказал Фиолетов, но Шаумян не пошевелился.

— Против этого мы бессильны, — наконец глухо произнес он. — Товарищ Петров, распорядитесь, пусть поднимут белый флаг.

На «Колесникове» стали сбрасывать в воду ящики с патронами, снаряды, замки от орудий. Комиссары швырнули за борт револьверы. Петров отстегнул от пояса шашку.

— Подарок от донских казаков за храбрость, — сказал он. — С ней я не расставался. — Он вынул нз ножен клинок, поцеловал его и бросил в море.

Бакинская пристань была оцеплена войсками. В гавани стоял пароход «Президент Крюгер», на котором прибил Денстервиль. Прохаживались, помахивая стеками, английские офицеры, тесной кучкой стояли сотрудники «Диктатуры», ее активисты.

На борт «Колесникова» поднялись дашнаки и Садовский, который сразу подошел к комиссарам.

— Мне выпала неприятная миссия объявить вам, что вы арестованы, — сказал он.

— На каком основании? — спросил Фиолетов.

…Все было точно так же, как при царе, будто и не было Октябрьской революции и в Баку все еще работало губернское жандармское управление, не была распущена городская дума и все так же правил городом полковник Мартынов.

Через тюремные ворота прошли комиссары, Петров, ответственные работники Бакинского Совнаркома, и все тот же начальник тюрьмы, старый и многоопытный в своих делах Хороненко, сокрушенно покачал головой.

— И при том режиме вы сидели у меня, и при этом сидите. Что же это такое, господа? — спросил он, разводя руками.

Фиолетов натужно рассмеялся. Действительно, разницы между царским и меньшевистско-эсеровским режимами не было почти никакой.

Фиолетова поместили вместе с Джапаридзе и Петровым.

После всего, что пришлось пережить, чувствовалась огромная усталость, все трое легли на железные койки и замолчали, каждый думая о своем.

Фиолетов думал о тех людях, которые их предали, о захвативших власть меньшевиках, эсерах, дашнаках. Многие из них были такими же, как и он сам, рабочими, сидели в царских тюрьмах, побывали в ссылке, бежали, арестовывались, жили по чужим паспортам. Что же заставило их перечеркнуть свое боевое прошлое, надругаться над тем, чему они поклонялись, изменить своему классу? Он был уверен, что пройдет время и они одумаются, поймут свои ошибки, ибо сейчас не ведают, что творят.

— Что-то не спится… — проворчал Джапаридзе.

— Наверно, от усталости, — откликнулся Фиолетов.

— Хотите, я прочитаю вам стихи? — неожиданно предложил Петров. — Почти на злобу дня.

— Конечно, Григорий Константинович, — ответил Фиолетов.

— Тогда слушайте:

Ах, если бы я мог себя в едином крике
Отдать, чтоб этот крик повсюду прозвучал,
Чтоб в душу он проник к тебе, народ великий,
И каждого, кто честен, взволновал.
Пока один наследует богатства,
Пока трудящийся рабом родится в свет,
Нет на земле ни равенства, ни братства,
Свободы нет!..

— Чьи это стихи? — спросил Фиолетов. — Я что-то не встречал их раньше.

Петров смутился.

— И не удивительно. Их написал ваш покорный слуга.

Тюремным старостой большевики выбрали Корганова.

— Да, да, Григорий Николаевич, вы человек хозяйственный, и у вас это получится лучше, чем у кого-либо другого, — сказал Шаумян. — И давайте, «как в доброе старое время», составим список на довольствие, которое мы потребуем доставить с воли. Кто у нас будет в списке?

Корганов взял общий список арестованных и поставил крестики против двадцати пяти фамилий.

— При царе тут хотя бы кормили сносно, а теперь… — Джапаридзе махнул рукой. — Пустой баланды приготовить не могут.

В камеру зашел тюремный надзиратель.

— Фиолетов, на свиданьице просят, — объявил он, подмигивая.

— Меня? Кто же это? — Он быстро вслед за надзирателем сошел вниз и увидел Ольгу.

— Леля, ты? — Он бросился ей навстречу, прямо на толстые железные прутья, которые отделяли тюрьму от воли.

— Я, Ванечка, я… — Она через силу улыбнулась. — Видишь, приехала…

— Зачем, Леля? Ведь здесь опасно! Здесь делается черт знает что.

— Знаю, Ванечка. — Она перешла на шепот. — Меня Астраханский комитет направил сюда, специально для связи с вами.

— Вот оно что… — Фиолетов вздохнул. — Распоряжения комитета надо выполнять… А где дочка?

— В Астрахани осталась. У надежных людей, не беспокойся.

— Легко сказать… — Он тяжело вздохнул.

— Я еды немного принесла. Дороговизна страшная. Хлеб — пятнадцать рублей фунт, мясо в той же цене.

— Спасибо, Леля… Нас, сказать по правде, тут почти не кормят. Зевин даже предложил в знак протеста голодовку объявить, да я отговорил.

— А как Яков? Надежда Николаевна очень беспокоится.

— Ничего Яков. Бодр. Да у нас никто голову не вешает.

Теперь она стала приходить в тюрьму каждый день, всегда в одно и то же время, между девятью и десятью часами утра, но сегодня почему-то запоздала, и Фиолетов, конечно, беспокоился, не зная, что с ней. Лишь после полудня раздался хриплый голос тюремного надзирателя: «Фиолетова на свиданьице».

Ольга встретила его возбужденная и радостная. В руке она держала газету «Бюллетень „Диктатуры“».

— Девять арестованных комиссаров вчера избрали в Совет! — объявила она. — Тебя, Алешу, Степана Георгиевича, Мешади, Басина, Корганова, Богданова, Малыгина… Что там делалось! — На глазах у Ольги блестели слезы…

— Взять одежду и вещи! Собирайтесь! Собирайтесь! — Тюремные надзиратели обходили камеры.

«Неужели нас освобождают? — подумал Фиолетов. — Или, может быть, ведут на суд?..»

Он не угадал. Их просто переводили в пересыльную баиловскую тюрьму.

Конвоиры шли быстро, нервничали, — очевидно, они знали

больше, чем арестованные. Впрочем, и тем все стало ясно, едва они вышли за ворота тюрьмы. Город гудел. По улицам метались встревоженные жители, многие тащили на себе чемоданы, узлы. Грохотали по булыжной мостовой повозки, груженные домашним скарбом. Причитали женщины-армянки с плачущими детьми на руках.

Все двигались к пристани. Там на пароходы грузились английские войска. «Президент Крюгер» уже был под парами, и Фиолетов увидел, как по трапу поднимались на судно офицеры. Тут же стояли члены «правительства» во главе с Садовским. Вид у них был растерянный и унылый.

— Вот оно что… — пробормотал Фиолетов. — Бегут как крысы с тонущего корабля.

…Ночь на новом месте прошла тревожно. Со стороны Биби-Эйбата доносилась ружейная стрельба. В зарешеченных окошках под потолком отражался огонь горящих вышек, подожженных турецкими снарядами.

Никто из арестованных не спал. Все ждали самого худшего — или немедленной расправы по приказу «Диктатуры», или расправы ворвавшихся в город турок.

Фиолетов нервно ходил взад-вперед по камере. Ольга не пришла, и время тянулось мучительно медленно. Мысли одна тревожнее другой лезли в голову.

Так в тревоге прошел еще день, и наступила ночь четырнадцатого сентября. Турки уже атакуют город, и на окраинных улицах свистят пули. Тюрьма была почти пуста, многих уголовников выпустили несколькими днями раньше.

Неизвестность пугала. Что там, на воле? Фиолетов стал на плечи Джапаридзе, дотянулся до окна и увидел горящий город. Окно выходило на улицу, и он встретился взглядом с тремя матросами, стоявшими внизу у фонаря. Один из них привязал к камню клочок бумаги и сделал знак рукой, что собирается бросить. Фиолетов согласно кивнул, спрыгнул на пол, и через минуту камешек с запиской стукнулся о пол. Фиолетов развернул бумажку и прочел вслух:

— «Дорогие товарищи! Мы кладем все силы, чтобы вас освободить. Ждите сегодня».

— Я ж говорил, что наши друзья действуют! — радостно сказал Фиолетов.

Настроение сразу поднялось. Появилась надежда, и оставалось только запастись терпением и ждать. Теперь они прислушивались к каждому шороху. Долго гадали, откуда придет освобождение. Может быть, по лестнице заберутся к этому окошку и перепилят решетку? Или постараются взять ворота

штурмом? Или…

Долго гадать не пришлось. Часовой отодвинул засов, и в ворота вместе с начальником тюрьмы вошел Анастас Микоян с револьвером на боку. В руке у начальника тюрьмы была какая-то бумага, которую он несколько раз подносил к глазам.

— Приказ об эвакуации товарищей комиссаров и других лиц подписан членом Временного исполкома Велунцем! — услышали они нарочито громкий голос Микояна.

— Ладно, берите своих комиссаров, — ответил начальник тюрьмы.

Арестованные вышли во двор. Начальник тюрьмы вяло пересчитал их, снова заглянул в бумагу и махнул рукой.

— За воротами стоит конвой, но он вам не помеха, — шепнул Микоян идущему рядом Фиолетову.

Конвоя за воротами не оказалось. Над головами противно свистели пули, рвались снаряды. Конвойные солдаты разбежались. Комиссары были свободны.

— Скорей на двадцать второй причал, там стоит «Севан». Пойдем до Астрахани, — сказал Микоян.

Стрельба усиливалась. По темным, без единого огонька, улицам по-прежнему словно привидения молча двигались к пристани перепуганные насмерть беженцы.

— Ба, а где же «Севан»? — Голос Микояна звучал тревожно.

— «Севан» пошел за топливом, — послышалось из темноты, и Фиолетов узнал гортанный голос командира красного кавалерийского отряда Татевоса Амирова. — Бухта под артиллерийским обстрелом, и на «Севан» рассчитывать не надо. Предлагаю всем срочно сесть на «Туркмен». — Он показал рукой на стоявшее у причала судно. — Там мои красноармейцы. — Он чуть помолчал. — И ваши близкие.

Через несколько минут Фиолетов уже обнимал Ольгу, Джапаридзе — Варо, Шаумян — сыновей.

«Туркмен» был набит до отказа военными и беженцами, но Амиров распорядился очистить верхнюю палубу и кают-компанию, где разместились комиссары с семьями, Петров и все те, кто был арестован на «Колесникове» четыре недели назад.

Уже снялись с якоря несколько других пароходов, было видно, как удаляются их огни.

— Скоро и мы. — К комиссарам подошел капитан «Туркмена» неразговорчивый латыш Полит.

— Надеюсь, что мы направляемся в Астрахань? — спросил Шаумян.

— Всем пароходам приказано идти в Петровск, но мы пойдем в Астрахань. — Капитан говорил с сильным акцептом.

— Топлива, воды хватит до Астрахани?

— Думаю, что да.

— А если не хватит?

— Тогда пойдем в Красноводск.

— Но там же белые! — воскликнула Варвара Михайловна. Она с отчаянием посмотрела на мужа и заговорила по-грузински:

— Прокофий, я тебя умоляю, пока не поздно, давай сойдем с парохода. В Баку есть надежный товарищ, он тебя спрячет.

Джапаридзе вспылил:

— Варо! Ты, кажется, хочешь, чтобы я бросил друзей?

Фиолетов посмотрел на Варвару Михайловпу.

— Алешу в Баку знают все, — сказал он по-грузински. — Для него в этом городе не может быть надежной квартиры.

— И вообще, мне не нравится, что ты заговорила со мной на языке, который знает здесь только Ванечка, — упрекнул жену Джапаридзе. — Это бестактно, Варо.

Варвара Михайловна смутилась.

— Надеюсь, товарищи меня простят, — сказала она. — Я предложила Алеше остаться в Баку.

«Туркмен» отошел без гудков, ни у кого ее было уверенности, что в море их снова не настигнут военные суда «Диктатуры»: подыхающий зверь вдвойне опасен. Комиссары не знали, что в эти самые минуты меньшевистско-эсеровскому правительству было не до них; захватив стоявшие в гавани суда, оно позорно бежало; город был отдан на растерзание ворвавшимся туркам, и командующий Кавказской мусульманской армией генерал-лейтенант Нури-паша уже послал в Гянджу правительству «независимого Азербайджана» телеграмму: «Божьей милостью Баку взят нашими частями».

…Ольга пошла спать, а Фиолетов остался на палубе; смутное чувство тревоги, надвигающейся опасности не покидало его.

Он прошелся по палубе, вышел на бак и увидел Петрова. Тот лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в небо.

— Отдыхаете, Григорий Константинович? — спросил Фиолетов.

— Считаю падающие звезды, — ответил Петров. — Говорят, что это души умерших.

— Вы чем-то встревожены?

— Наоборот, никогда не был так спокоен, как в эти минуты.

— А меня беспокоит капитан. Уж очень бездеятельный… Да вот и он сам, легок на помине.

С мостика быстрым шагом спустился Полит и направился в каюту Шаумяна. Через несколько минут оттуда вышел младший сын Степана Георгиевича Сурен и сказал, что Фиолетова и

Петрова отец срочно просит зайти к нему.

В каюте собрались все комиссары.

— Товарищи, — сказал Шаумян. — Только что от капитана я узнал весьма неприятную новость. Команда парохода отказывается идти в Астрахань.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Фиолетов.

— Надо уговорить команду, — сказал он.

— Что ж, попробуем, — согласился Шаумян. Он посмотрел на Полухина. — Владимир Федорович, думаю, что вам, как чрезвычайному комиссару Военно-Морской коллегии, сделать это удобнее всего.

— Есть, товарищ Шаумян! — Полухин быстро вышел из каюты.

Он вернулся через полчаса, вид у него был расстроенный, лицо горело, кулаки сжаты.

— Эти меньшевистско-эсеровские сволочи из судкома не хотят и слушать…

— Ну и что? Мы можем подняться в рубку и силой заставить вахтенную команду идти в Астрахань.

— Дело говоришь, Иван, — поддержал Фиолетова Полухин.

— Нет, нет, только не это, — сказал Шаумян. — В конце концов, мы едем совершенно легально, нас эвакуируют… Легально едут и бойцы товарища Амирова. Они нас не дадут в обиду…

— Что же, Степан Георгиевич, вам виднее, — сказал Фиолетов.

Он вышел на палубу и чуть не столкнулся с толстым усатым офицером из дашнаков в высокой черной папахе и с Георгиевским крестом на груди. Ему показалось, что этот человек подслушивал у двери в каюту.

…Вечером шестнадцатого сентября на горизонте показались серые камни Красноводска, прижатого к скалистым горам. «Туркмен» обогнул длинную, глубоко вдающуюся в море косу с маяком на конце и вошел в залив, где болтались на якорях многочисленные туркменские фелюги. Навстречу вышел портовый баркас с вооруженными солдатами, и кто-то, должно быть, из портовиков крикнул в рупор, что «Туркмен» должен до утра стоять на рейде. Затем баркас подошел к пароходу и взял на борт трех человек — двух английских офицеров и дашнака с Георгиевским крестом.

Ночь не принесла желанной прохлады, было очень душно, плакали дети. Комиссары коротали время в кают-компании и дремали аа длинным столом, пока через иллюминаторы не ударило в глаза жгучее, беспощадвое солнце, еще более жаркое,

чем в Баку. Фиолетов вышел на палубу и огляделся. К пароходу направлялся тот же самый баркас. Вскоре загрохотала лебедка, вбирая якорь, и «Туркмен» медленно двинулся к нефтеналивной пристани.

То, что Фиолетов увидел с палубы, не предвещало ничего хорошего. По обеим сторонам причала стояли солдаты в барашковых туркменских папахах, с винтовками за плечами, чуть в стороне — отряд милиции и вооруженные дружинники. Между чахлыми кустами тамариска виднелась артиллерийская батарея и английские солдаты в шортах. По пристани расхаживали английские офицеры, которые плыли на «Туркмене», и дашнак с Георгиевским крестом.

Беженцы уже беспорядочно двинулись с парохода; внизу их обыскивали солдаты. Фиолетову стало ясно, что комиссаров ждет новый арест.

Он пошел в каюту Шаумяна.

— Степан Георгиевич, вы видели, что приготовило для нас Закаспийское правительство?

— К сожалению, да… Попробуем смешаться с толпой беженцев и проскочить через контрольные посты.

— У трапа всех обыскивают. — Фиолетов глянул в иллюминатор. — И не только у трапа.

Фиолетов забежал за Ольгой. Они спустились вниз и смешались с гудящей напуганной толпой беженцев. Вот и трап, вот первый пост, который они благополучно миновали и обрадовались, как вдруг заметили дашнака с Георгиевским крестом. Он их увидел тоже. Скрыться было некуда. Кивком головы дашнак подал знак, и какой-то портовый чиновник в белом кителе и форменной фуражке подошел к Фиолетову и Ольге.

— Следуйте за мной!

Он привел их на маленький пароходик, стоявший тут же у причала. Там на палубе уже сидели Джапаридзе с женой, Микоян, Петров, Азизбеков, Зевин. Через несколько минут привели Шаумяна с сыновьями.

— Ну вот мы снова вместе, — сказал он, бодрясь. Палуба постепенно заполнялась. Когда на ней стало тесно от арестованных, явился человек с плоским лицом и немигающими, навыкате, глазами.

— Попрошу внимания, — сказал он, доставая из кармана какую-то казенную бумагу. — Я, начальник Красноводской городской милиции Алания, сего семнадцатого сентября по распоряжению стачечного комитета заключаю под стражу в Красноводский арестный дом нижеследующих лиц: Шаумяна

Степана, Джапаридзе Прокофия, Микояна Анастаса, Зевина Якова, Фиолетова Ивана, Амирова Татевоса, Шаумяна Сурена, Шаумяна Левона, Амирову Марию, Банникову Ольгу, Джапаридзе Варвару…

Алания назвал еще несколько фамилий арестованных.

— Так как тюрьма переполнена, вы будете содержаться в арестном доме, — объявил он.

— Кем же она у вас переполнена? — Фиолетов усмехнулся.

— Недобитыми большевиками.

С вещами, под конвоем они прошли по выжженной солнцем дороге к одноэтажному каменному зданию арестного дома на голом, накаленном плацу без единого деревца. И снова, который раз в жизни, за Фиолетовым закрылась тяжелая тюремная дверь.

— Не бойся, скоро нас освободят, — сказал он жене, когда ее отводили в женскую половину.

Двенадцать мужчин загнали в одну небольшую камеру с голыми стенали, печкой в углу и сплошными скрипучими нарами, на которых не было ни белья, ни матрацев — одни доски.

— Хочешь не хочешь, а вспоминаешь господина Тагиева, — пробурчал Фиолетов. — В его тюрьме и сидеть приятно: душ, чистая постель — комфорт!.. А тут?

— Будете проситься назад к Тагиеву? — поддержал шутку Джапаридзе.

— Буду… А пока… — Фиолетов снял с себя пиджак, постелил его на цементный пол и улегся. — Пока тоже ничего.

На нары взобрался бывший комендант города Баку прапорщик Багдасар Авакян со своим складным стульчиком, с которым не расставался ни в одной тюрьме, и торжественно уселся на него, как на трон. У Авакяна было много смешных странностей. Например, он всюду возил с собой клетку с канарейкой; ее отобрали при аресте в Баку, и он очень переживал по этому поводу.

— Ищу партнеров на преферанс, — объявил Амиров, доставая из кармана игральные карты.

Привыкшие сидеть по тюрьмам, комиссары не раскисали. Шизнь продолжалась и в тюремной камере, иначе трудно было бы всякий раз выходить из тюремного ада несломленными и готовыми тут же продолжать борьбу.

Шаумян сидел на нарах мрачный и погруженный в свои думы.

Авакян, напротив, был весел и без конца рассказывал разные смешные истории.

— Вы знаете, какую штучку я отколол перед войной? На заседании Пироговского съезда врачей попросил слова и, не

дожидаясь разрешения, взлетел на трибуну со словами: «Для излечения недугов нашего народа надо сделать главное — свергнуть самодержавие, как источник всех наших бед». Представляете, что там поднялось! — Он закатился веселым хохотом.

— Да, мы были уверены, что достаточно свергнуть самодержавие, как наступит прекрасная жизнь, — промолвил Фиолетов. — Но вот самодержавие полтора года как свергнуто, а мы в тюрьме. Значит, одного свержения мало…

Ночью, лежа на голом полу, он тоже думал об этом. Что же привело их снова за решотку, почему пала Бакинская коммуна и не удержались большевики у власти? Значит, что-то они сделали не так, в чем-то где-то ошиблись. Но в чем и где? С чего же начался распад? С наступления турок? Да, там обстрелянная, прошедшая войну, фанатически настроенная армия. А у нас что? Наспех сколоченные красноармейекие и рабочие отряды, вооруженные не столько винтовками, сколько энтузиазмом. Отряд Петрова слишком малочислен, ему не под силу было сдержать вымуштрованную армию Нури-паши. Дашнакские полки? Да, поначалу они были на нашей стороне, но при первых же трудностях удрали с поля боя. Наверное, нельзя было полагаться на них… И потом измена Бичерахова. Прежде чем пригласить этого мерзавца, Шаумян советовался с комиссарами, и, когда получил клятвенное заверение Бичерахова в верности новой власти, вопрос о его приглашении был решен… По слухам, сейчас Бичерахов в Петровске и служит уже меньшевикам. Как же мы все не распознали его сразу? А может быть, наша главная ошибка не в этом? Вместо того чтобы железной рукой пресечь враждебную агитацию удаленных нз Советов партий, мы разрешали им разглагольствовать, выступать на митингах и дискредитировать действия большевиков. И многие рабочие попались на удочку. Хотя их тоже можно понять. Когда нечего есть, поневоле станешь падок на посулы. Большевики не скрывали трудностей, не обещали скорой сладкой жизни, а меньшевики и эсеры трезвонили на всех углах, что англичане, придя в Баку, привезут с собой пароходы с зерном. Какая заманчивая перспектива для рабочего человека, который получает вместо хлеба четверть фунта орехов в день!.. И наверное, они, комиссары, поторопились покинуть свои посты, надо было оставаться на местах и продолжать борьбу. Уже сражался за Коммуну отряд Петрова, и по распоряжению Ленина в Баку шли новые войска. Продержись бакинцы еще немного — и англичане не посмели бы высадиться в Баку…

Восемнадцатого сентября в положении арестованных ничего

не изменилось. В накаленных солнцем стенах тюрьмы нечем было дышать. Вместо завтрака и обеда принесли бачок теплой солоноватой воды.

Вечером послышался лязг запоров на двери, голоса, тяжелые шаги по коридору, и в камеру ввалились несколько человек с револьверами на боку. Один из них, немолодой, лысеющий, в полувоенной форме, должно быть старший, вызвал по очереди Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова, Азизбекова и, не задавая вопросов, в упор рассматривал их.

— За что мы арестованы? — спросил Джапаридзе.

— Не знаю, — ответил старший.

— Вот тебе и на! — воскликнул Фиолетов. — Какие ж вы правители, если даже не знаете ни кого вы арестовываете, ни за что… С кем мы разговариваем?

— С председателем Красноводского стачечного комитета Куном.

— Мы выражаем протест против нашего ареста, безобразного содержания и произвола, который вы чините. Нет белья, подушек, постелей, — сказал Шаумян.

Кун недобро усмехнулся.

— Что касается постелей, то вы их скоро получите.

— Степан Георгиевич, вы действительно хотите послать протест? — спросил Фиолетов.

— По какому, простите, адресу? — спросил кто-то.

Шаумян задумался.

— Адрес найдут. Здешние чины наверняка знают, куда бежало дружественное им «правительство»… У кого есть бумага и карандаш? Как всегда, у Ванечки. Тогда, Иван Тимофеевич, садитесь и пишите… Впрочем, садиться не на что… Ладно, пишите стоя. Между прочим, Гоголь тоже писал только стоя. Итак… «Мы требуем: провести немедленную встречу с представителями Красноводского стачкома, разрешить поддерживать письменную связь между арестованными, содержащимися в различных местах заключения… предоставить возможность связаться с бакинской Советской властью, где бы она ни находилась… разрешить прогулки, наладить питание». Кажется все… Прошу товарищей подписать протест.

День девятнадцатого сентября тоже ничем не отличался от предыдущих двух, проведенных комиссарами в арестном доме. От голода и жары подкашивались ноги, но неутомимый Авакян по-прежнему шутил, а Фиолетов, лежа на полу, поддерживал каждую шутку. Все ждали, что вот-вот придет ответ на протест, который они подали через старшего надзирателя.

— В конце концов, среди этих мерзавцев должен найтись хоть один честный человек, — сказал Азизбеков. — И этот человек нам поможет.

— Я тоже так думаю, Мешади, — откликнулся Шаумян.

— Товарищи, все будет хорошо! — Авакян не унывал. — Недавно мне цыганка нагадала жить до семидесяти двух лет…

— Так мало? — спросил Фиолетов. — Я собираюсь прожить дольше.

— Может быть, еще партию в преферанс? — предложил Амиров. — По моим наблюдениям, пулька утоляет голод почти так же, как плов или шашлык.

— Кстати, товарищи, вы знаете, как делается настоящий грузинский шашлык? — подал голос Джапаридзе. — Для этого нужен молодой барашек, беленький, как сметана…

— Алеша, прошу тебя, не надо… — отозвался из своего угла Зевин.

— Почему не надо? — вмешался в разговор Петров. — Я с удовольствием поучусь, как готовят настоящий грузинский шашлык из барашка, белого, как простокваша.

— Как сметана, Григорий Константинович, — поправил Фиолетов.

Шутками они заглушали голод и гнали от себя тревожные мысли.

Темнота наступила быстро. Луна еще не взошла, и через окно на черном небе были видны крупные южные звезды. Фиолетов поискал глазами Большую Медведицу — первое созвездие, которое он узнал в своей жизни, не нашел и огорчился. Потом мысли перекинулись на Ольгу: что с ней, скоро ли освободится? И когда, наконец, выпустят его из тюрьмы и выпустят ли? Он нарочно гнал от себя грустные мысли и старался думать о том радостном, что будет впереди, когда он вернется в Баку, чтобы выгнать оттуда белогвардейскую нечисть. А когда все там наладится, он обязательно съездит в Туголуково, посмотрит на свой домик с крылечком под навесом, зайдет в школу, а потом сходит на могилку к своему первому и единственному учителю Василию Никифоровичу.

Рядом посапывали Шаумян и Джапаридзе. Петров не спал и лежал в своей излюбленной позе — на спине, подложив под голову кисти рук. Стоял у окна Зевин.

— Какая чудесная ночь, — промолвил он мечтательно.

— В такую ночь хорошо быть на воле, — откликнулся Петров. — Скакать на добром коне по залитой лунным светом степи.

— А в такую пору в ночном плохо, что ли? — сказал

Фиолетов. — Помню, в селе, еще мальчишкой, приходилось мне…

Он ее договорил. По коридору, стуча каблуками о цементный пол, прошла какая-то компания. Заскрежетал железом отодвигаемый снаружи засов, и в камеру вошли несколько человек, среди которых Фиолетов узнал Куна и начальника милиции Алания.

— Встать! — крикнул пьяным голосом Кун. Все нехотя поднялись.

У одного из вошедших Фиолетов заметил список арестованных, который еще в бакинской тюрьме составил Корганов. К двадцати пяти фамилиям чьей-то рукой была приписана еще одна — Татевоса Амирова.

— Шаумян! — выкрикнул тот, кто держал в руках список. — Джапаридзе… Фиолетов… Петров… Азизбеков… Зевин…

— Берите вещи и выходите, — сказал сутулый и тощий мужчина с бородкой клинышком.

— С вещами, Федор Андрианович? — удивился Кун, но не возразил, и все, кто был назван, стали собирать свои чемоданы и баулы.

Один из свиты Куна назвал тощего по фамилии — Фунтиков, — и Фиолетов понял, что перед ним глава Закаспийского временного правительства; о Фунтикове однажды шел разговор еще в Баку.

— Куда нас? — спросил у него Фиолетов.

— В Асхабад. Там тюрьма понадежнее.

Шаумян обнял своих сыновей.

— Будьте мужественными… и успокойте маму…

— Леля! — крикнул Фиолетов, проходя мимо женской камеры.

— Я слышу тебя, Ванечка! — откликнулась Ольга. — Куда вас?

— Говорят, что в Асхабад. Там тюрьма хорошая… Береги дочку.

— Хорошо, Ванечка… Прощай! — крикнула она с отчаянием.

Он ответил спокойно:

— До свидания, Леля.

На улице они увидели своих товарищей, которые содержались в красноводской тюрьме, и шумно поздоровались с ними. Фиолетову бросилось в глаза, что здесь собрались лишь те, кто был в списке Корганова, — двадцать пять человек и дописанный кем-то Амиров.

Путь лежал в сторону вокзала. Кун, Фунтиков, Алания громко обсуждали недавнюю попойку, конвоиры молчали. Заключенные тихонько переговаривались между собой.

На душной, плохо освещенной станции, в стороне от главных путей, стоял поезд-коротышка из паровоза и двух вагонов — классного и арестантского, с железными прутьями на окнах. Возле вагонов прохаживались конвойные в белых чалмах.

Фунтиков, Кун, Алания остановились у классного вагона, из которого вышел выхоленный, развязного вида офицер в форме капитана английских войск, и перед ним угодливо вытянулись члены Закаспийского правительства.

Кто-то из солдат бросил в тамбур несколько лопат. По знаку Куна солдаты в чалмах зашевелились и стали грубо вталкивать арестованных в вагон.

— Все-таки куда нас повезут? — спросил Фиолетов у конвоира с коротким кавалерийским ружьем за плечами.

— Тэбэ нэ все разве равно, тэбэ должно быть все равно, — пробормотал конвоир.

Поезд отошел без гудка, без звонка станционного колокола, с потушенными сигнальными огнями.

Фиолетов припал лицом к оконному стеклу и вдруг вспомнил, как двадцать с лишним лет назад он первый раз ехал на поезде. Ему все было интересно, все ново — города, реки, мосты, степь возле Баку. Сейчас из окошка виднелась не степь, а мертвая, молчаливая пустыни, сплошные освещенные луной пески до самого горизота, чахлые кусты саксаула.

В вагоне никто не спал. Те, кто бывал раньше в Асхабаде, рассказывали, что это за город и какая в нем тюрьма, другие строили разные предположения насчет встречи с членами Закаспийского правительства. Джапаридзе и Шаумян писали письма.

В шестом часу начало светать, и серо-желтые холмы сразу оживились под лучами еще огромного, красного солнца. «И пустыня тоже красива», — решил про себя Фиолетов и подумал, что в природе все прекрасно, даже безжизненная пустыня.

Прошли маленькую станцию Перевал — Фиолетов прочитал вывеску на здании вокзальчика, — и поезд пошел под уклон, все быстрее, быстрее, но вдруг резко, натужно завизжали тормоза, вагон вздрогнул, качнулся и остановился. Фиолетов глянул в окно и увидел верстовой столб с цифрой «207». «Что бы это могло значить? Может, спросить у конвоира?»

Конвоиры были легки на помине. Распахнулась дверь, и в вагон вошли несколько туркмен в чалмах, пьяный Фунтиков и английский офицер Тиг-Джонс.

— Тринадцать человек, выходи! — рявкнул он.

— С вещами? — спросил юный Мишне, работавший в Баку в Военно-революционном комитете.

Кун расхохотался на весь вагон.

— Черт с вами, берите вещи.

Мишне, Берг, Метакса, братья Богдановы, еще несколько арестованных из тех, кто помоложе, взяли своя чемоданы и, недоумевая, что все это значит, вышли из вагона.

Страшная догадка мелькнула у Фиолетова, и он почувствовал, как шевелятся волосы у него на голове. Никто из оставшихся не вымолвил ни слова, не вскрикнул, не ахнул, не заплакал. Все до звона в ушах прислушивались к тому, что делалось там, куда повели их товарищей.

Сначала была слышны пьяные голоса, тяжелые шаги, потом они удалились и наступила мертвая, страшная, гнетущая тишина. Но она длилась недолго. Через несколько минут тишину разорвали частые беспорядочные выстрелы.

Фиолетов посмотрел на белого как бумага Шаумяна, их взгляды встретились, и они молча бросились друг к другу. Потом, все так же без слов, Фиолетов обнялся с Алешей, Мешади, Яковом.

В этот момент в вагон зашли палачи.

— Остальные тринадцать душ, выходи во двор!

Тринадцать человек уже не брали с собой вещей…